

СЕМЬЯ и ШКОЛА

1. 1968

ДЕЛЕГАТ
ВСЕСОЮЗНОГО
СЪЕЗДА УЧИТЕЛЕЙ
ДИРЕКТОР
ДВОРЦА ПИОНЕРОВ
г. ДНЕПРОПЕТРОВСКА
М. Я. АНТОНЮК

В ЭТОМ НОМЕРЕ

► ГОВОРЯТ ДЕЛЕГАТЫ ВСЕСОЮЗНОГО СЪЕЗДА УЧИТЕЛЕЙ

► УЧИТЬ ВИДЕТЬ, УЧИТЬ ДУМАТЬ

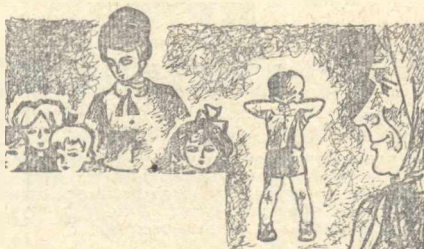
А. Ладур:

Подготовка ребенка к школе — это не какое-то особое обучение. Способствовать общему развитию ребенка, развитию его мышления, его умения видеть и слышать, сопоставлять, открывать для себя мир — в этом задача.

► ПОЧЕМУ ПЛАКАЛ САША?

Т. Саксонова:

Известно, какое большое место в воспитании принадлежит слову. Но далеко не многие знают, как сделать слово действенным инструментом воспитания.

► ЧЕРЕЗ ИГРУШКУ К БОЛЬШОЙ НАУКЕ

Л. Эйдельс:

Научно-техническая игрушка не только углубляет познавательные интересы школьника, но и прививает ему такие ценные для практической деятельности качества, как настойчивость, аккуратность, привычку к точности и самоконтролю.

► ВГЛЯДЫВАЯСЯ В ДУШУ РЕБЯЧЬЮ...

Н. Бугаенко:

Борьбу за каждого ребенка мы считаем важнейшей задачей общественности домоуправления. Мы решили установить связь с активом родителей по школам, взять под контроль улицы в вечернее время... Результат: уже год в нашем микрорайоне нет ни одного правонарушителя среди подростков.

► ПРОФЕССИЯ И ПРИРОДНЫЕ ДАННЫЕ

К. Гуревич:

Большинство профессий доступно людям самых различных природных особенностей; нужно лишь пройти большой или меньший период обучения и приспособиться к работе, «найти себя».

► ДЛЯ МАЛЫШЕЙ

африканская сказка

7 ИЮЛЬ
1968

СЕМЬЯ ШКОЛА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
АКАДЕМИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК
СССР
23^й год издания

Смену воспитывать сообща

Для Рогнеды Григорьевны Борисовой — заслуженной учительницы школы БССР, завуча 91-й минской школы — нынешний год останется в памяти надолго. Во-первых, она делегат Всесоюзного учительского съезда, во-вторых, в сентябре коллеги поздравят ее с двадцатилетием педагогической деятельности.

Наш корреспондент Лидия Восновцова попросила Рогнеду Григорьевну поделиться с читателями «Семьи и школы» своими мыслями о школьном образовании и воспитании детей.

— Урок был и остается в школе основой учебно-воспитательного процесса, — сказала Рогнеда Григорьевна. — Потому-то к нему и направлено все наше внимание. Курсы, семинары — это хорошо. Но прежде всего — постоянная работа учителя над совершенствованием своего мастерства. Поэтому мы сейчас оборудуем методический кабинет. По методическим разработкам, пособиям, собранным здесь, можно будет ознакомиться с опытом работы своих коллег. Мы практикуем сейчас проведение уроков-семинаров. Учащиеся встретили их с интересом. Проводим и уроки внеклассного чтения. В распоряжении учителя — хорошо оборудованные кабинеты и технические средства обучения.

Стремимся давать учащимся глубокие знания, развивать дарования ребят. Есть факультативы: по математике, литературе. В различных кружках учащиеся приобретают трудовые навыки, развивают свои склонности. И результаты уже ощущаем. В этом году успеваемость заметно повысилась. И самое главное, растет интерес ребят к знаниям.

Все дети от 7 до 15 лет в нашем микрорайоне учатся. Теперь стоит задача перехода к всеобщему среднему образованию.

С каким багажом знаний уйдут из школы наши учащиеся — это одна забота. А другая, не менее важная, — какими они вырастут, кем станут. И именно потому вопросом вопросов является воспитательная работа. Формы самые разные. Походы по родному краю, летние трудовые лагеря, встречи с ветеранами войны и труда. Военизированные и спортивные игры. Экскурсии на заводы, олимпиады, конкурсы. Традиционные смотры художественной самодеятельности, завершающиеся «Музыкальной весной». И наконец, недавно прошедшие ленинские чтения во всех классах.

У нас много хороших друзей и помощников. Прежде всего это, конечно, родители и общественные организации. Большую поддержку оказывают предприятия. Маргариновский завод купил пять телевизоров, магнитофоны. Теперь мы можем принимать телеуроки. Фабрика имени Фрунзе помогла в оборудовании учебных кабинетов.

Мы тоже не остаемся в долгу. В мастерских учащиеся выполняли заказ для маргариновского завода: делали ящики. Выходят ребята и на заводские воскресники.

Большая наша опора — родительские комитеты, с которыми классные руководители поддерживают тесную связь. Мы информируем родителей обо всех постановлениях партии и правительства о школе, знакомим с пе-

дагогическим наследием А. С. Макаренко. Доклады и беседы родительского лектория можно услышать не только в школе, но и при домоуправлении. Стало традицией проводить родительские конференции. Темы двух последних: «Школа, семья и общественность» и «Как помогать детям учиться». Перед конференциями члены родительского комитета знакомились еще и еще раз с воспитанием детей дома, устроена была выставка детских работ. Выступления на конференциях были поучительные, откровенные, а подчас и острые. Все это на пользу.

Большинство родительских комитетов в классах работает неплохо, учителю есть на кого опереться, когда возникают трудности.

Я об этом говорю подробно неспроста. Хочу еще раз подчеркнуть, как крепок должен быть союз школы, семьи и общественности. Надо повысить ответственность родителей за воспитание нашей смены, нашего будущего. И еще — пусть все общественные организации примут посильное участие в решении задач, стоящих перед школой. Забота эта общая.

И учителю нужно учиться

На республиканском учительском съезде Узбекистана директор 45-й ташкентской школы Розия Саидовна Кабулова была избрана делегатом Всесоюзного съезда учителей. Наш корреспондент Альбина Чумаченко задала Розии Саидовне несколько вопросов.

— Розия Саидовна, расскажите, пожалуйста, о своей школе.

— Школа наша — ровесница Октября. В семнадцатом году у бая отобрали длинный саманный двор и передали узбекской детворе. Теперь, конечно, о тех днях напоминает только школьный музей. Сейчас в двухэтажном большом здании — кабинеты, актовый зал, музыкальный класс... По успеваемости занимаем в районе одно из первых мест. Из полутора тысяч учащихся не успевало всего двадцать, а среди пионеров и комсомольцев в последние годы неуспевающих вообще не было. За тридцать лет работы в этих стенах не помню, чтобы кого-то исключили из школы.

— Что помогает учителям давать хорошие знания?

— Коллектив поставил задачу: ни одного неуспевающего! Для этого приводим в действие все резервы: применяются новые методы обучения, заимствованные у передовой педагогической общественности, широко популяризируется опыт лучших педагогов школы.

Приходит порой к нам дети с небольшим запасом русских слов. Школа национальная, казалось бы, нет повода для тревог. Мы так не считаем. Сразу, с первых

лет обучения, учителя стараются настолько увеличить словарный запас учеников, чтобы ребята наравне с родным языком умели хорошо говорить по-русски, писать по-русски. Мы не можем замкнуться в своей культуре. А русский язык помогает нашим питомцам развивать интеллект, приобщает к мировой культуре.

— **Что вы можете сказать о проблемах узбекской школы?**

— Думается, проблемы везде общие — лучше учить, лучше воспитывать. А это значит — думать, творить, искать, заботливо создавать облик завтрашнего гражданина. Это под силу только незаурядной личности, высокообразованному человеку.

Учителю тоже надо учиться. Это правило мы положили в основу своей работы. Но не всегда это удается. В республике за последнее время открылось несколько институтов усовершенствования учителей, но все-таки подсчеты показывают: если начать курсовую переподготовку, каждый учитель сможет попасть на курсы только раз в 4—5 лет. Где выход? На мой взгляд, надо больше привлекать педагогические вузы к переподготовке преподавателей. У нас в республике шестнадцать таких вузов. Сколько курсов можно было бы создать там, какую армию учителей перековать!

— **Что вы скажете о сельской школе, есть ли связь между городом и кишлаком?**

— Связь совершенно недостаточная. Редко встречаемся мы с сельскими коллегами. И то на больших совещаниях. Но я бываю в школах кишлаков и знаю их нужды. Первая — нехватка кадров, особенно преподавателей русского, иностранного языков. Проблему эту можно было бы решить, если бы все питомцы вузов, посланные работать в село, оседали там. Но для многих кишлак становится не родным домом, а чем-то вроде перевалочного пункта.

Считаю, происходит это потому, что общественность не всегда с должной заботой относится к молодежи, прибывшей в школы, не создает ей нормальных условий для жизни и творческого труда. Если человек почувствует внимание окружающих, он не будет думать, куда бы ему уехать отсюда.

Главное — индивидуальный подход

Мария Васильевна Гоголева — директор 429-й московской школы, Герой Социалистического Труда, делегат Всесоюзного съезда учителей. В школе она сорок шестой год. Голос у нее решительный, интонации ораторские. Коллективизация, годы пятилеток, война, послевоенные трудности — все это как бы незримо стоит за плечами Марии Васильевны.

Нашего корреспондента Валерию Герлин она встретила словами:

— Прямо не знаю, что и делать. Времени у меня совсем нет. Сегодня пришли военные, проводят беседы по классам. Ведь это о войне, о победе, — каждое слово за душу берет, слушать не могу без волнения. А на ребят как действует, вы бы посмотрели!

Как раз в этот момент вошел один из гостей школы. Ему хочется узнать, какое впечатление произвела его беседа.

— Я прямо заслушалась, — говорит Мария Васильевна. — Про войну могу без конца слушать. У меня сын воевал, тринадцать племянников, да и весь мой выпуск 41-го года ушел на фронт. Из ста семнадцати живых сейчас тридцать два. Какие это были ребята!.. И потом бывали хорошие, но те особенные, как на подбор.

— Главное в воспитательной работе нашей школы, — продолжает Мария Васильевна, — это военно-патриотическое воспитание. Беседы, диспуты, встречи с ветеранами войны, посещение музеев, кружки. Есть технические, радио, стрелковые... Очень это помогает воспитывать, особенно трудных учеников. И ДОСААФ у нас тоже хорошо работает, не формально.

Многие вопросы, ставящие иных учителей в тупик, для Марии Васильевны уже решены, другие вопросы решаются в повседневной практике.

Основной ее метод работы с учениками, а также и с учителями — индивидуальный подход. «Мой лозунг, — говорит она, — учить человечности». К каждому трудному ученику нужно найти свой путь, одного пристыдить, другого, может, и припугнуть, третьему дать индивидуальное задание и назначить твердый срок выполнения — непосильных заданий давать не надо, а проверять — почаще, так-то вернее.

Очень озабочена Мария Васильевна своими будущими учениками-первоклассниками. Что делается в детских садах — известно, а вот известно ли, кого и как бабушки воспитывают? Приходят такие ребята в школу, говорят только — мама у меня тетя Катя, а папа дядя Петя, а о заводе, о работе родителей ничего не знают. Надо сейчас, в конце года, провести собрание родителей будущих первоклашек, порекомендовать им, чтобы побольше рассказали детям о своей работе, о производстве, а то дети видят родителей только в быту, и то не всегда в лучших проявлениях.

Как и всех учителей, Марию Васильевну волнуют вопросы, связанные с введением новых программ и учебников.

— Новые программы и учебники, — говорит она, — направляют на развитие восприятия, а не только на тренировку памяти. Большая работа должна быть проведена с учителями по переподготовке в связи с новыми программами. Долг учителя — развивать любознательность ученика и удовлетворять ее.

Марию Васильевну часто отрывают от разговора — в школе всегда полно хозяйственных дел, больших и малых, и во всем разбирается директор.

А. ЛАДУР

Учить видеть,

учить думать

Часто родители спрашивают: как готовить ребенка к школе? Можно ли учить его читать, писать?

Иные считают: зачем учить? Пойдет в школу — там научат. А то еще научишь не так, педагогу придется переучивать.

Таковыми доводами некоторые родители хотят снять с себя заботу о подготовке ребенка к школе. А потом учителю долго приходится «выравнивать» класс, преодолевать трудности, возникающие уже в первые дни обучения вследствие слабого развития отдельных детей.

Подготовка ребенка к школе — это не какое-то особое обучение: «Вот тебе, Сашутка, исполнилось 5 лет, пора и за учебу браться». Нельзя сводить все дело к тому, чтобы дать детям элементарное знание основ счета, письма. Задача гораздо шире: надо способствовать общему развитию ребенка, развитию его мышления, его умения видеть и слышать, сопоставлять и находить, умения открывать для себя мир. Пытаться сразу давать ребенку основы грамоты и счета — значит строить дом без фундамента.

Уже у маленького человека складывается свой взгляд на окружающий мир — через общение со взрослыми, через игру, через первые простейшие трудовые усилия. Он все шире овладевает речью, развивается его мышление, понимание окружающего. Уже здесь очень важна роль родителей в руководстве всесторонним развитием ребенка. По-

ставьте его лицом к природе, научите все подмечать, различать форму, цвет, качество вещей, определять количество. Чем старше дети, тем больше можно усложнять задачи.

Взять, например, счет. Дело не в том, чтобы познакомить ребенка с цифрами, а в том, чтобы научить его, для начала, пересчитывать реальные предметы, одновременно развивая его наблюдательность.

Иногда я спрашиваю первоклассников: «Сколько окон в коридоре на первом этаже? На втором?» Улыбаются, молчат. Они просто не обращали на это внимание.

— Многие из вас каждый день ходят в школу через мост, — говорю я. — Сколько ступенек у его лестниц, считал кто-нибудь?

Никто не знает. А на другой день каждый наперебой сообщал мне число ступенек.

— Закройте глаза, — предложила я детям, — и скажите, какие изъезы есть у нашей двери?

Ответы самые разные. А на перемене все столпились около двери, вроде впервые ее увидели.

Сколько у родителей таких возможностей для развития наблюдательности детей уже в дошкольном возрасте!

Вы идете с ребенком по улице. Обратите внимание, с каким любопытством он смотрит на все, что вокруг происходит, удивляется тому, что для нас, взрослых, кажется совершенно обычным. Помогите же ему разобраться в своих впечатлениях.

— Мама, а мама, смотри, эта машина большая, а вон та, которая далеко уехала, маленькая. Почему?

— А ты посмотри, сынок, как машина убегает от нас. Она становится все меньше и меньше.

— Вот ее уже совсем не видно! Потом вы с ребенком наблюдаете, как она вырастает на ваших глазах.

— У, большая какая! — говорит малыш.

Так малыш, еще ничего не зная о законах перспективы, практически усвоит их.

Действительность обрушивает на ребенка массу впечатлений. Тем более важно научить его выделять отдельные предметы, явления, специально их анализировать.

— Смотри, сынок, на этом высоком дереве сидит птичка. Прислушайся, ты услышишь ее голос. Присмотришься — увидишь ее.

И малыша уже не оттянешь от дерева никакими силами, куда он не услышит и не увидит птички.

В другой раз скажите: «Послушай, детка, как листья с ветром разговаривают». И он обязательно услышит этот поэтический разговор и запомнит, может быть, на всю жизнь.

Обратите внимание ребенка на затейливые силуэты летних вечерних теней, на сказочные узоры, разрисованные морозом на стеклах окон, на серые тучи или прозрачные облачка в вышине, на синеву неба и т. д. Он навсегда полюбит природу и ее неописуемую красоту, он станет в душе и в мыслях своих художником.

Без фантазии нет ни поэта, ни художника, ни архитектора, ни ученого. Развивайте детскую фантазию. И здесь особая роль принадлежит сказкам. Дети их очень любят. Фантастический мир сказок захватывает их, пробуждает их собственные творческие способности. Они начинают сами пересказывать сказки, присочиняя свое, включая иногда и себя в число их героев. Не спешите с выводами: ребенок учится лгать. Это просто полет его собственных мыслей и чувств, расширение словарного запаса, способность самостоятельно творить, создавать что-то свое.

В играх, на прогулках, в беседах последовательно расширяйте круг понятий ребенка, учите его сравнивать и противопоставлять их: высокий и низкий, маленький и большой, толстый и тонкий, широкий и узкий, далеко и близко и т. д.

Привлекайте детей к труду — не столько для помощи себе, сколько для их же пользы. Кроме развития ловкости, внимания, терпения и других качеств, труд открывает широкие возможности для умственных занятий. Девочке мать поручила протирать ложки. Дала одну — та протерла и положила на стол. Мать спросила: сколько ложек на столе? Дала другую, потом спросила: сколько теперь ложек на столе? Девочка усваивает: один да один — два. Один меньше двух. Два больше одного. Не спешите набить ребенку голову новыми понятиями, выводами. Дали одно — погдите, закрепите его, свяжите с прежними понятиями. Потом дайте

другое. Так образуется все более длинная и прочная цепь знаний, умений, навыков.

Все, чему ребенок научился, он стремится так или иначе выразить в рисунке. Когда малыш тянется к карандашу — это важное событие в его жизни. Учите его правильно держать карандаш, свободно, не сильно нажимать, не продавливать им бумагу, не крутить во все стороны лист.

От карандаша переходите к кисти, учите различать и подбирать нужные цвета, схватывать форму предмета.

Но вот вашему ребенку 5 лет. Мы знаем немало примеров, когда дети в этом возрасте уже умеют читать и писать. Но не следует торопиться, у каждого все происходит по-своему. Так или иначе, но с 5 лет, без сомнения, можно начинать знакомить ребенка с азбукой.

Кроме тех 128 учеников, которые прошли через мои первые классы, не один десяток малышей я подготовила к школе на дому, дав им элементарное знание основ грамоты.

Знакомя ребенка с буквой, я ее рисовала, подбирала к ней картинку. Вместе с ребенком находила эту букву в слове, вместе мы искали ее в тексте. Предлагала ему написать карандашом букву, давала разноцветные карандаши. Все это мы писали в особой тетради, к которой мы относились бережно, как к какой-то святыне, мыли руки перед тем, как сесть за тетрадь.

От отдельных букв мы переходили к изучению слогов. Здесь особое значение имеет плавное слияние букв, что часто затрудняет детей. Когда ребенок освоит составление и произношение слога, он будет считать, что уже читает, и это почти так и есть. Поэтому не надо торопиться переходить от слогов к целым словам, главное — очень хорошо овладеть чтением слогов.

Я не собираюсь излагать методику обучения грамоте. Да и не должно быть обучения в строгом школьном смысле. Процесс этот может протекать у детей совершенно по-разному, прихотливо вплетаясь во всю детскую жизнь.

Вспоминаю, как я сама в детстве училась чтению. Как-то сестра мне сказала: «Ты давно меня просила научить тебя читать. Вот я тебе приго-

товила азбуку». Она мне показала плотный лист, на котором цветными карандашами была нарисована азбука, и к каждой букве — картинка.

Я с жаром взялась за науку и вскоре называла уже много букв. Сестра сказала: «На сегодня хватит, а то завтра все забудешь». Но я не хотела расставаться с азбукой, и только матери удалось отвлечь меня большим пирогом с ягодами, который она испекла.

Ночью мне снились знакомые буквы, они прятались в листьях яблони, я снимала их и клала в корзину. Утром, проснувшись, я остановила взгляд на кочережке возле печки. Быстро схватив ее и поставив вверх концом, я сказала: «Смотри, смотри,

Рисунок
Г. Козлова

мама, это Г». Потом схватила кусочек теста и вылепила из него буквы Ж, А и Д. Но тут мать замахала на меня полотенцем, и я убежала в сад. Здесь я снова узнавала буквы и на коре деревьев, и в сухих палочках под ногами, и во многом другом. Передо мной открывался какой-то новый мир, полный чудес и загадок.

Под вечер меня позвал брат и сказал: «У меня что-то для тебя есть», и показал сделанные им из прутьев буквы. Лучших игрушек у меня, кажется, и не было! Брат называл буквы, ставил их в ряд. Б хотело стать первой буквой, а А его не пускало, они «подрались», и мы с братом весело смеялись. Я их раскладывала и называла, а те, которых не знала, просила брата назвать. Брат охотно мне помогал и обязательно каждую букву сравнивал с каким-то предметом: Ф — прядка волос у мамы, Т — моток, Х — мотовило, на которое ма-

ма мотала напряденные из льна нитки.

Доигралась я до темной ночи с этой азбукой, а утром, вспомнив о ней, побежала в сад. Но своих букв не нашла, оказалось, мать по недоразумению сожгла их в печке. Утешая меня, брат обещал тут же изготовить лучшую азбуку.

— Какую тебе первую букву делать?

— А, — подсказываю я.

И так, точно не помню, но кажется, что назвала все буквы. Брат был очень доволен и всем рассказывал с восхищением о моих успехах. А на третий день сестра на куске домотканого полотна стала нашивать из лоскутов азбуку. Я следила, не сводя глаз, подавала лоскуты, угадывала будущую букву. Потом сестра разрешила полотно с буквами и началось составление слогов и чтение их. На помощь приходила и мама. Она пекла азбуку на сковородке, я составляла слоги, слова, а потом съедала их.

Первой книжечкой, которая заменила мне букварь, была «Малыш и Жучка» — рассказ Л. Толстого. Я читала, перечитывала рассказ, и так четко остался он в моей памяти, что и сейчас я его почти весь помню наизусть.

Но меня манил букварь. Моя детская фантазия рисовала его каким-то сказочным тайником, куда нелегко проникнуть. Шел 1944 год, и достать букварь в те трудные военные годы было делом непростым.

Как-то летним воскресеньем мать специально собралась в город за букварем. Было еще темно, когда я вышла проводить мать на базар. За калиткой долго смотрела ей вслед, как она переходила дорогу, догоняя соседок.

И уже под вечер с волнением я бежала навстречу матери, когда она возвращалась домой, усталая, с пыльной корзиной за плечами.

Но вместо букваря она подала мне бублик. «Нет, нет, не хочу! Покажи букварь». Пришлось матери остановиться на улице. Бережно достала из корзины и развернула полотенце: «Вот он, букварь твой». Мы смотрели с мамой на чистенький, новый букварь, но притронуться к нему я боялась, почему — не знаю. То ли заметила вдруг, что у меня грязные руки, то ли от волнения встрети с сокровищем, о котором я так мечтала.

Вспоминая свое детство, я благодарна и сестре, и брату, и матери за то внимание и заботу, которую они проявили ко мне, к тому, чтобы поддержать живой интерес ребенка к знанию.

И это, в конечном счете, самое главное.

Во сколько

Думать, размышлять, изобретать — природная особенность человека. Однако эту особенность необходимо совершенствовать, воспитывать и развивать. Развитие происходит в процессе учебы, с накоплением знаний, с приобретением опыта.

Не раз приходилось мне слышать советов учителей, что дети, мол, совсем не умеют думать, хоть и учатся уже в третьем классе...

— Но вы могли бы их этому научить, — обычно возражала я. — Ведь два года в школе — срок не маленький.

— Очень сказываются пробелы дошкольного воспитания, — отвечали мне.

Посудите сами. Первонаклассница решает задачу: «У Са-

действий

ши четыре яблока и столько же у Маши. Сколько яблок у обоих?» Работа должна быть проделана самостоятельно. Но к ней-то девочка и не приучена. Она спрашивает у кого-нибудь из взрослых:

— Во сколько действий эта задача?

Обращаю внимание: именно, во сколько действий? В уме она уже сосчитала количество яблок. Но учительница объясняла, что решение задачи состоит из действий. Ребенок воспринял только внешнюю сторону объяснения. Но углубленно, самостоятельно подумать не может.

— А как ты думаешь? — отвечает взрослый.

— В три действия, — тут же заявляет девочка.

— Почему в три?

— В два?

задача?

— Подумай, — настаивает взрослый.

— А-а-а... знаю, знаю... в одно действие.

Но ничего она не знает. Она просто угадала.

Так обычно ведут себя дети, не умеющие думать.

Развивать мышление у ребят нужно задолго до поступления их в школу. Играя или гуляя с ребенком, занимаясь вместе с ним домашними делами, родители всегда могут дать ему задачу на внимание или наблюдательность.

Однажды я наблюдала, как воспитательница детского сада, гулявшая с детьми на сквере, предлагала им различные вопросы. Дети охотно отвечали на них, удивляя меня игрой своего воображения.

— Почему в солнечный день вода в пруду голубее, чем в пасмурную погоду?

— Почему бывает косой дождь?

— Я знаю, я знаю, — наперебой отвечают ребята.

Неумение мыслить скажется на всем характере ребенка. Появится скованность, свойственная отстающим в учебе, и как результат — ограниченный запас слов и беспомощность в формулировании своих мыслей.

Как-то я спросила одного пятиклассника:

— А «Тома Сойера» ты читал?

— Конечно! — его взгляд говорил больше слов.

— Очень много читает! — ответила за мальчика библиотечка. Видно было, что его начитанностью она гордится. Но мне хотелось поговорить с самим мальчиком.

— Расскажи, пожалуйста, — говорю, — о чем в этой книжке написано?

— Ну вот, — начал парень, — сначала там так: «Том, Том, — никакого ответа. — Ну, куда же ты подевался, негодный мальчишка?..»

И он замолчал.

Я подождала немного. Потом говорю:

— Ну, а что было потом?

— Дальше я позабыл. Книга вон какая... Я не помню больше.

Не мальчик — библиотечка покраснела. Я ни о чем ее не спрашивала. Она сама сказала:

— Знаете, такая нагрузка, некогда с ребятами побеседовать...

И еще: часто, говоря с ребятами, мы ждем от них ответ, который уже сложился в нашем представлении. А это мешает ребенку мыслить самостоятельно, ограничивает фантазию, развивает формализм.

В детском саду ребята рассказывали, что нарисовано на картинке. Занятия картинка. Веселые, смеющиеся дети. Зима. Собака, впряженная в санки, заведет кошку, резнула и опростила их. Мальчик вывалился в снег. Упал на спину. Ребята вокруг смеются.

— Что ты видишь на картинке, Витя? — спрашивает воспитательница.

— Мальчик упал, ушибся, а злые ребята смеются. Плохие дети.

Воспитательница не ждала такого ответа.

— А кошку ты разве не видишь? — намекает она. — Это же кошка во всем виновата. Разве ты не понял? Собака ведь за кошкой погналась!

— Все я понял, — говорит мальчик, — все равно, смеяться тут не над чем. Ему больно, а они смеются.

Но воспитательница неумолима.

— Ничего ты не понял. Ну-ка, ты, Коля, расскажи как следует, что здесь происходит.

И Коля рассказывает. Но при этом он тоже смеется, как те «плохие» дети.

— Просто, — заливается Коля, — собака увидела кошку и побежала, а мальчишка свалился. Вот все и смеются.

— Правильно, Коля, — удовлетворенно говорит воспитательница.

— Как это «правильно»? — спрашиваю ее потом. — Едь именно первый мальчик выразил более глубокую мысль!

— Но он не смог дать конкретный ответ!

— Формальный ответ! — не выдерживаю я.

Но переубедить ее мне так и не удалось.

В определенном возрасте у ребят возникает особенно много вопросов. Их часто так и называют почемучками. Именно этими бесконечными «почему» ребенок заявляет о своем праве на размышления. Вдумчивыми ответами взрослый не только направляет мысль ребенка, но и развивает его любознательность. И даже когда впоследствии ответы ваши будут ребенку переосмыслены, все равно теплота отношений между вами не померкнет. Разве герой рассказа Юрия Казакова «Никишкины тайны» утратит когда-нибудь теплоту отношений со своим умным и чутким наставником-отцом?

Вы помните этот рассказ? Мальчик Никишка впервые

встречается с дикой северной природой. Все изумляет Нинишку и в голове его дополняется фантастическими домыслами. Тут и поморская избушка «глядит окошками в пустое небо» и «лешаки» в ней «проснулись, зевают, в окошко потихоньку выглядывают... болобоят — любопытно им, куда это Нинишка идет».

— А почему это камни на меня смотрели? Они тоже думают? Небось ночью-то переваливаются, кому неловко лежать, за день-то вон как бок отлежишь!

— Камни-то? — задумывается отец. — Камни, они, надо думать, тоже живые. Все живое!

— А ты понимаешь, об чем березы говорят?

— Да они по-своему, по-березьи, небось говорят! Надо язык ихний знать. А то где понять!»

Рассуждая вслух, ребенок часто пытается самостоятельно разобраться с явлениями окружающей его жизни. Вдумчивый, тактичный воспитатель сумеет разумно направить ход этих мыслей и таким образом принять участие в формировании еще не окрепших чувств, пробудить в ребенке желание думать, анализировать, чувствовать.

При внимательном подходе к ребенку взрослый скоро увидит, что тот не только любит задавать бесконечное количество вопросов, но и истолковывать явления по-своему, гордится своими познаниями, любит и сам отвечать на вопросы. Пусть только его спросят.

Маленькая девочка поет романс «Растворил я окно». Мать поодаль занимается своими делами. Ей, по-видимому, очень смешно слышать его слова из уст малышки. Но она не смеется — слишком уж много чувств вкладывает девочка в свое исполнение. Смех был бы явно неуместен.

Очевидно, она несколько раз слышала этот романс. И он запомнился ей, хотя многое в нем девочка не понимала.

— Растворил я окно... Стало грустно не в мо...

«Надо будет объяснить, что такое «не в мочь», — думает мать.

— И я стал перед ним на коленях стоять...

«Кажется, там «стал перед ним на колени», — продолжает следить мать за пением дочери, — она не знает слов и добавляет свои».

— И в лицо мне пахнула есенняя ночь

Благовонным дыханьем сирени...

Девочка вдруг перестает петь.

— А что такое «сирени»? — спрашивает она.

Остальные слова почему-то показались ей понятными. Пусть так. Мать объяснит их после, когда у ребенка будет другое настроение. Сейчас важно не разрушить мир возникших чувств. Девочке пока понадобилось узнать одно-единственное слово «сирени».

— Сирень — это цветы, — коротко отвечает мать.

Девочка поет сначала. Так же задумчиво, но несколько быстрее, чем в первый раз. Дойдя до слова «сирени», она вдруг останавливается и опять спрашивает:

— Мама! Ты знаешь, что такое «сирени»?

Мать, внимательный воспитатель, почувствовала интонацию вопроса.

— Что же это? — без лишнего удивления спрашивает она.

— А ведь это — цветы! — торжественно сообщает ей дочка.

Не прояви мать определенного такта — и легко можно было нарушить мир поэзии, только зарождающийся в ребенке.

Примеров иных взаимоотношений много. Когда взрослые на вопрос ребенка отвечают грубо, односложно, категорически. Такое отношение взрослого — либо педагогическая безответственность, либо свидетельство его беспомощности как воспитателя. Наоборот, конструктивные, как сейчас принято говорить, дельные ответы взрослых помогают воспитывать у детей мышление.

Л. ЭЙДЕЛЬС,

член Художественно-технического совета по игрушке
Министерства просвещения РСФСР

Через игрушку к большой науке

Малыш переступает впервые порог школы. И с этого дня игрушка в его жизни уступает первое место учебникам и тетрадям.

Но не так легко проститься с добрым другом детских лет. По-прежнему загораются радостью глаза даже деловитого третьеклассника, когда он проходит мимо витрины магазина игрушек. Нет, манящее очарование этого чудесного мира еще не потеряло власть над его душой. Игрушка еще нужна школьнику.

Конечно, не кубики, не каталки, не плюшевые медвежата. Нужна иная игрушка, дающая дело крепнувшим рукам мальчонки, пищу его обостряющейся наблюдательности, упражнения его ускоряющимся реакциям, растущему глазомеру, материал для усиливающейся потребности творить. Управляемые автомобилчики и корабли, другие технические игрушки, наборы типа «Конструктор» отвечают новым запросам школьника.

Наступает подростковый возраст. Кажется, теперь уже разговор об игрушках можно считать совсем неуместным. Что угодно — футбол, кино, книги, велосипед... Но игрушка?..

Конечно, подросток уже видит, знает и понимает неизмеримо больше малышей и младших школьников. И ему хочется применить эти знания в жизни, практической деятельности. Но сколько препятствий на его пути! Ну кто, например, допустит его водить настоящий автомобиль? А ведь он смог бы...

Правда, кое-где работают детские клубы «Юный автомобилист». Существуют детские железные дороги, где ребята «всерьез» выполняют обязанности машинистов, диспетчеров, проводников, работников депо и т. д. Имеются на станциях юных техников кружки посыленного типа. Но все это охватывает лишь очень небольшой процент подростков. А если говорить о широкой массе подростков-школьников, то среди них «теория» явно начинает опережать практику. И это заметно отражается на поведении подростка.

Жажда большого дела, естественно, не могут удовлетворить одни учебники и школьные уроки. Ведь это, опять же, главным образом, теория. И вот подросток уже возится с какими-то железяками, винтиками, гасечками. Несмотря на запрещение отца, уже который раз он без надобности разбивает втулку своего велосипеда.

В этом возрасте есть свои, не всегда осознаваемые взрослыми, опасности. Уверенный в своих силах, подросток часто берется за многое, не умея соразмерить

свой опыт с поставленной целью. А опыта-то как раз и не хватает, нет у него еще трудовой сноровки, мастерства. И первая же неудача больно ранит душу подростка, может поселить в нем недоверие к своим силам.

Практические трудовые и технические навыки подросток обычно получает в школьных мастерских на уроках труда. Но труд этот, как известно, носит регламентированный учебный характер. Он далеко не всегда удовлетворяет стремлениям и потребностям подросткового возраста, хотя сам по себе и необходим.

Важно дополнить его трудом самостоятельным, не регламентированным школьной программой, когда выбор той или иной деятельности направляется свободной творческой фантазией самого подростка.

Речь здесь идет не только о кружках «Умелые руки» или о работе на станциях юных техников. Мы хотим вернуться к идее игрушки. Нет, это не возврат к пройденному, а восстановление связи с ним.

Дело в том, что мы слишком рано лишаем детей игрушки, утверждая, что им нужно думать только об учении. Между тем за последние годы получила широкое развитие новая научно-техническая игрушка для детей среднего и старшего школьного возраста.

Речь идет не о простом усложнении известных наборов и комплектов типа «Металлоконструктор», «Конструктор-механик». Современная научно-техническая игрушка вторгается в такие области знания, которые еще вчера были для нее заповедными. Появились разнообразные наборы по ряду разделов физики и химии, по электронике, радиотехнике, астрономии и географии, биологии и метеорологии, акустике, оптике, гидравлике.

В некоторых странах: в США, Японии, ФРГ, Англии, Франции — производство таких игрушек (чаще всего в форме комплектов и наборов) широко развивается. Содержимое таких наборов, например по химии, достаточно для оборудования целой лаборатории. Наборы по электронике позволяют собрать довольно сложные приборы-автоматы.

Интерес представляет высказывание председателя Совета по игрушке Фрейнда (США): «Фабриканты игрушек и крупные технические фирмы, работающие в области научной игрушки, трезво подходят к капиталовложениям, где ставкой является подрастающее поколение Америки. Разжигая искру любознательности нашей молодежи, вложив в новое дело каких-нибудь пару миллионов долларов, они могут вызвать к жизни то, что может стать решающим фактором в сохранении равновесия научных сил нашей нации на годы вперед».

В качестве примера можно указать на фирму «Дженерал электрик», которая выпустила вначале семь полупроводниковых наборов по электронике, затем освоила детскую станцию «междугородной телефонной связи», серию радиоприемников, передатчиков и даже электронную счетную машину для старшеклассников. Другая фирма «Инфаред индустриз корпорейшен» выпустила беспроводный детский телефон, передающий голос на сотни метров по совершенно новому принципу — при помощи отражающего звук стекла. Телефон работает в пределах прямой видимости между говорящим и слушающим. Любопытны наборы «Электроника на полупроводниках», «Фотоэлектричество», «Основы электричества», использующие питание от солнечных батарей. Выпускаются и игрушечные электродвигатели, работающие от солнечной энергии.

Тематика наборов не ограничивается областью физики. Большой интерес представляет набор «Прозрачный человек». Он состоит из разборной небольшой (высотой всего 50 сантиметров) прозрачной оболочки и пластмассовых цветных муляжей, позволяющих последовательно осуществить «сборку» скелета, органов дыхания, пищеварения, кровообращения. На том же принципе построе-

ны муляжные комплекты «Человеческая голова», «Лошадь», «Собака», «Рептилия», «Насекомое». Надо ли говорить о ценности подобных научных игрушек! Нам довелось видеть разнообразные наборы по биологии, включающие сборный микроскоп, позволяющий просцировать изображение на экран, комплекты по метеорологии, астрономии (включая домашний планетарий), гидравлике, оптике, фотографии, навигации и даже атомной физике.

Гидродинамический конструктор фирмы «Кеннер» состоит из нескольких сосудов разной формы (оргстекло), сборных звеньев трубопроводов, поршневого и центростремительного насосов, гидравлической турбины, сифонов, разбрызгивателей, клапанов и других приборов. Школьник на столе может смонтировать различные варианты гидравлических систем, которые будут перекачивать подкрашенную воду, устраивать водопады и фонтаны, пускать в ход турбину.

Как правило, наборы, выпускаемые капиталистическими фирмами, за редкими исключениями, не контролируются педагогической мыслью. Здесь нередко берет верх погоня за сенсацией, конкуренция.

В нашей стране научно-техническую игрушку выпускает ряд предприятий. Обычно это тематический набор деталей, материалов и инструментов, позволяющих собрать и испытать в действии различные установки и приборы, прелюдия множество увлекательных опытов. Неоспоримым их достоинством является сочетание теории и практики в ребячьей самостоятельности, носящей увлекательную форму труда-игры.

Умная научно-техническая игрушка не только углубляет познавательные интересы школьника, но и прививает ему такие ценные для практической деятельности качества, как настойчивость, аккуратность, привычку к точности и самоконтролю. Когда игрушка хорошо продумана, она исключает неудачи. Это достигается постепенным усложнением экспериментов. Школьник постоянно движется вперед, последовательно овладевая более высокими ступенями мастерства и точного знания. Существенную роль играют хорошо написанные и иллюстрированные руководства и наборы.

Остановимся на некоторых наборах. Комплекты «Электроконструктор», выпускаемые Главцехпромом, методически хорошо продуманы и разнообразны по содержанию (физика, электричество, магнетизм). Заслуживает одобрения набор «200 опытов по электротехнике», выпускаемый ленинградским заводом «Ленинская искра» (автор Ю. М. Верхало). Приложенное руководство последовательно ведет юного экспериментатора по тропинке познания: от классического опыта Гальвани до сборки маленького действующего аккумулятора, от изобретений Якоби и Ленца до сборки электромоторчика. С помощью деталей можно сконструировать не только такие дельные вещи, как электровлагомер или прибор для электроразведки почвы, но и занимательные игры: «Твердость руки», «Кто быстрее», «Электровикторина», «Магнитные рыбки» и многое другое.

Разнообразны наборы по электронике и радиотехнике. Так, наборы «Электрон-1» и «Электрон-2» (производства таллинского завода «Пунане рэт»), рассчитанные на старших школьников, дают возможность собрать целую серию разнообразных электронных приборов на полупроводниках. Первый из них позволяет получить около ста вариантов действующих приборов и аппаратов, второй еще более расширяет возможности юного конструктора.

Хорошую репутацию завоевал набор «Юный химик» — позволяющий сделать сто химических опытов — со всем необходимым оборудованием (спиртовка, асбестовая сетка, воронка, чашечка для выпаривания, пробирки). Юный химик может сделать карамель из сахара, протраву для дерева, покрыть медной пленкой металличе-

Рисунок Н. Эстиса

ский предмет, устроить миниатюрное «извержение вулкана».

За последние годы у нас заметно вырос выпуск научно-технических игрушек. Тем не менее положение здесь далеко не благополучно.

Прежде всего, незначительные масштабы производства. Лучшие в Москве специализированные магазины «Детский мир» и «Пионер» имеют возможность продавать ограниченные количества экземпляров каждого из этих интересных наборов. Между тем в магазины приезжают со всех концов страны, так как подобные наборы почти не поступают на периферию.

Наиболее интересные для старших школьников, наборы вообще поступают в «Детский мир» в мизерных количествах. Так, за полгода магазин получил пять экземпляров набора «Электрон-1», а «Электрон-2» — семь экземпляров. Примерно столько же поступило экземпляров набора «РК-1» («Радиоконструктор-1»).

Подобные наборы выпускают специализированные предприятия Главмехтехпрома. И свою продукцию они в первую очередь направляют в учебные коллекторы для снабжения школ. Магазинам же перепадает, по сути, останки.

Совсем печальная судьба постигла набор «Юный химик». Он выпускался примерно в течение 20 лет, вызывая растущий интерес юных экспериментаторов. Но где-

то случилась какая-то неприятность в связи с небрежным использованием набором. И вот решено — снять набор с производства. Коротко и ясно! Вместе с химическим «чэпз» ликвидирована и вся «химия на дому», полная волнующего интереса для юных любителей этой науки. Видимо, нужно было пересмотреть содержимое набора, сделать более точной и строгой инструкцию по безопасности, повысить возраст, на который набор рассчитан. Но предпринять легче и проще снять с себя эту хлопотливую обузу.

Между тем серьезную травму при неумелом обращении можно получить, пользуясь и детским столлярным набором. Однако никто же не предлагает на этом основании прекратить выпуск подобных наборов. А вот с «Юным химиком» это оказалось возможным...

Разработка и комплектование научных наборов — дело трудоемкое. Оно требует вдумчивого методического подхода, высокой культуры производства, применения разнообразных, часто дефицитных материалов. Все это заметно охлаждает интерес руководителей предприятий к изготовлению научной игрушки.

Мешает и то, что ранее такие наборы предназначались в основном для школы как учебно-наглядные пособия. Отсюда упорное стремление к их универсальности, желание охватить все разделы учебника. А это удорожает стоимость набора, что заметно препятствует его широкому сбыту. Между тем разумнее создать множество более узких и доступных по цене тематических наборов, которые завербуют в ряды юных любителей науки тысячи и тысячи ребят.

Очень ценен принцип серийности наборов в пределах каждого учебного предмета. Первым набором должен быть недорогой основной комплект, дающий самые элементарные знания и навыки. Покупая следующий набор, школьник получает дополнительные детали и материалы, расширяющие круг его экспериментов. Затем он перейдет к третьему набору и т. д. Последовательность таких наборов в серии необходимо продумать самым тщательнейшим образом. Именно так поступают лучшие зарубежные фирмы. По тому же принципу сделаны и наши наборы «Электрон» (№ 1 и № 2). Беда, однако, в том, что уже первый из них довольно дорог. Правда, он позволяет собрать около 100 конструкций. Но зачем так много сразу? Может быть, разумнее было ограничиться 10—20 конструкциями? Зато это делает набор доступным по цене каждому школьнику. И вместо двух наборов можно сделать последовательно четыре-пять.

Плохо еще то, что мы не умеем популяризировать научно-техническую игрушку. Нет отзывов на лучшие ее образцы ни в детской, ни в педагогической литературе. Даже в магазинах, торгующих игрушкой (а их не очень-то много), нет хорошей, умной рекламы, нельзя получить дельную информацию у продавца. Попытка найти в продаже книгу о современной игрушке окажется безнадёжной. Удивительно ли, что родители почти ничего не знают о современной научно-технической игрушке, не представляют ее большой познавательной ценности?

Главная причина отмеченных недостатков в том, что у научно-технической игрушки нет единого и компетентного «хозяина». Производством «обычной» игрушки — от резинового мяча до красавицы куклы — занимается Министерство легкой промышленности. Но научно-техническая игрушка — статья особая. Это не игрушка в обычном смысле, но и не школьное учебное пособие. Вот и страдает вся безымянная категория вещей, не укладывающихся в привычные понятия, но важных для воспитания подростков.

Надо точно определить суть и назначение этих вещей, а также ведомство, ответственное за их изготовление. Будет «хозяин», будет материальная база, и научно-техническая самостоятельность наших подростков развернется в небывалых масштабах.

ПОДРОСТОК И ЗАКОН

Способность отвечать за свое поведение — важное качество личности. Оно представляет собой сложный сплав определенных знаний, волевых черт, чувств и опыта. Не разбирая здесь всего процесса воспитания этого качества, остановлюсь лишь на одном из составляющих его звеньев — на знании тех требований, которые диктуются законом.

Юридическая неграмотность — беда большинства подростков и молодых людей. Между тем они уже находятся в том возрасте, когда за многие проступки несут прямую и личную ответственность перед законом. И нередко получается так, что о той или иной статье закона они впервые узнают лишь тогда, когда привлечены к ответственности за прямое ее нарушение. Поэтому правы те, кто считает, что школьникам необходимо дать первоначальные сведения об основных правовых нормах, регулирующих жизнь нашего общества.

В процессе воспитательной работы школа, конечно, дает своим питомцам определенные представления о моральных требованиях. Но часто они не поднимаются выше элементарного уровня «что такое хорошо и что такое плохо». Естественно, этим нельзя удовлетвориться. Составной частью нравственного воспитания должно быть формирование четкого правосознания. Иначе говоря, ясного понимания того, что вся жизнь нашего социалистического общества, государства регулируется системой законов, обеспечивающих защиту нашего строя, необходимый общественный порядок, соблюдение справедливости, охрану прав граждан. Надо выработать убеждение в необходимости точного, неуклонного, сознательного и добровольного выполнения этих законов. А оно, в свою очередь, опирается на конкретное их знание.

Конечно, речь идет не о всех законах, а в первую очередь о тех, которые непосредственно помогают формированию правосознания учащихся. Необходимо выделить и те правовые моменты, знание которых практически особенно необходимо учащимся.

Как известно, шестнадцатилетнему подростку вручается паспорт. Он с гордостью переживает это событие, однако не всегда знает, что оно влечет за собой не только определенные права, но и обязанности, и ответственность перед законом. А это знать надо.

Пятнадцатилетний Валерий вместе со старшими братьями занимался спекуляцией. Старших осудили, а малолетнего Валерия не привлекли к уголовной ответственности. Через три месяца его снова задержали за спекуляцию авторучками и на этот раз осудили. Валерий подал жалобу по поводу того, что «малолеток то судят, то не судят». Между тем дело объясняется просто: в первый раз ему было 15 лет 10 месяцев, а во второй — уже полных 16 лет. Если б он это знал, возможно, воздержался бы от незаконных действий.

Важно разъяснить подросткам, почему паспорт выдается в 16 лет, а совершеннолетним человек считается с 18 лет, почему 16-летних судят как взрослых, а в бран вступать они могут с 18 лет. Следует различать зрелость практически-бытовую и общественно-политическую, физиологическую и социальную. Они не совпадают во времени.

Особое внимание подростков необходимо обратить на ответственность за неосторожные преступные действия. С детства ребенок привык: за содеянное «начаянно» не наказывают, достаточно «попросить прощения». Но после 16 лет это правило во многих случаях уже не действует.

Восьмиклассник Витя М. увлекался изготовлением самодельных «бомбочек». Одну из них, сделанную в виде конфеты, он положил в магазине в угол витрины, заранее наслаждаясь переполохом, который будет вызван взрывом. Но результат оказался неожиданным: семилетняя Лидя, увидев конфету, взяла и развернула ее... Фаланги нескольких пальцев оказались оторванными.

На суде Винтор горячо убеждал, что не хотел никому причинить зла. Но все же он был осужден, хотя никто не

сомневался в искренности его слов. Согласно закону, человек виноват и тогда, когда не хотел, не ждал вредных последствий от своего проступка, но по обстоятельствам дела должен был их предвидеть. Как необходимо это знать подросткам, молодым людям, которые часто слишком самоуверенны и неосторожны в своих действиях.

У многих людей, особенно у молодых, сложилось мнение, будто условное осуждение по сути... не наказание — ведь виновный не направлен в места лишения свободы, он продолжает жить и работать, как все. Но это ошибочное и вредное мнение. Условное осуждение — уголовное наказание. Оно автоматически вступает в действие, если осужденный нарушит условие, поставленное судом, и во время испытательного срока совершит новое преступление. Кроме того, для него ограничены выбор профессии, должности, участие в работе общественных органов и т. д.

Мы воспитываем молодежь в духе коллективизма, поощряем ее в труде, в творчестве, в общественной жизни. Естественно, что стремление молодых людей объединяться для совместного проведения досуга не может вызывать возражения. Однако важно, чтобы они отчетливо представляли разницу между здоровым товарищеским коллективом и случайной компанией или группой, связанной круговой порукой. Данные судебной статистики говорят, что три четверти преступлений осуществляются группами.

Виновные нередко оправдываются тем, что они непосредственно не участвовали в преступлении, а только присутствовали при нем. Однако закон, учитывая повышенную общественную опасность группового преступления, привлекает к ответственности не только прямых исполнителей, но и лиц, способствовавших им.

Неумение преодолеть чувство ложного товарищества для некоторых оказывается роковым. Оно порождает укрывательство друзей, совершивших преступление, сокрытие от органов милиции самих преступных фактов. Иногда подростки считают, что поступить по-чужому — значит поступить не по-товарищески. Надо помочь им правильно разобраться в том, что такое подлинное товарищество, и научить их соотносить свое поведение с требованием нашего социалистического закона.

Наш закон основан на принципах коммунистической морали. Вместе с тем он различает действия просто аморальные и уголовно наказуемые. Не всякий аморальный поступок уголовно наказуем.

Ученик ремесленного училища Фе-

дор С. по вечерам обходил места купания, собирал бутылки и забытые вещи. Однажды среди них оказались и часы. Хозяин их через милицию нашел «кладоискателя», и часы, хотя они уже были проданы, возвратились к хозяину. В следующий раз Федор нашел и присвоил себе инкассаторскую сумку с деньгами. За это его привлекли к уголовной ответственности. На суде он прежде всего спросил: «Почему за часы не привлекли, а за сумку судите?» Ему ответили: присвоение найденного личного имущества, хотя и не отвечает требованиям нашей морали, но юридически не является преступлением. Наоборот, присвоение найденного государственного имущества — уголовное наказуемое действие.

Серьезным проступком против закона является покупка краденых вещей. Иных подростков, молодых людей нередко привлекают продаваемые «по дешевке» элентрофонарики, велосипеды, мотоциклы и другие предметы. Конечно, можно догадаться, что вещи краденые, иначе они не продавались бы столь дешево. Но «покупатели» оправдывают свои действия тем, что продавец сырыл от них, откуда взята вещь. Закон не признает подобных оправданий. Достаточно установить, что покупатель не могло быть неизвестно положение дела. Об этом свидетельствует несоизмеримо низкая цена, продажа из частных рук предметов, изъятых из оборота, секретность и др. Знать это положение закона — в интересах каждого.

С просьбой о консультации обратился однажды в областной суд преподаватель истории. На уроке один из учащихся спросил: не отменена ли статья Конституции, гарантирующая неприкосновенность личности? Вопрос был вызван следующим случаем. Гражданка Юдина обратилась как-то в милицию с просьбой задержать преступников, совершивших на нее нападение. По указанным ею признакам был задержан один шофер, ученик школы рабочей молодежи. Не чувствуя за собой вины, он отказался подчиниться работникам милиции. Пришлось доставить его в отделение, применив силу. И хотя затем выяснилось, что к преступлению он не причастен, за неповиновение властям его оштрафовали. Возмущенный таким «произволом», он и обратился с вопросом к преподавателю.

Сотрудники областного суда разъяснили, что арест и задержание — разные правовые понятия. Задержан — без санкции прокурора, суда — может быть любой гражданин, пусть и невиновный, но по стечению обстоятельств заподозренный в совершении преступления. В отделение милиции его и пригла-

шают, чтобы разобраться. Поэтому работники милиции имеют право задерживать подозреваемых лиц, и, естественно, противодействие этому является преступлением.

Очень важно положение уголовного законодательства о добровольном отказе от преступления. Если виновный, начав преступление, затем прерывает его и отказывается от него (хотя никто и ничто ему не препятствовало), то в этих случаях он освобождается от уголовного ответственности, независимо от того, что побудило его прекратить преступные действия — боязнь наказания, проснувшаяся совесть, жалость к жертве и т. д. Виновный не может не ощущать противозаконности своих действий. Порой он готов в этот момент остановиться, но мысль, что преступление уже совершается и, следовательно, он уже «все равно» преступник, ослабляет его власть над собой, его готовность остановиться.

В беседе с группой подростков-правонарушителей выяснилось, что никто из них не знал об этом положении уголовного законодательства. Некоторые прямо заявили, что, зная об этом, они бы не оказались на скамье подсудимых. Факты свидетельствуют, что не все члены таких групп одинаково относятся к совершаемому преступлению. Многие идут на него только потому, что считают себя крепко связанными с организаторами преступления. Нередко сами организаторы внушают эту мысль колеблющимся членам группы, чтобы не дать им уклониться от участия в преступлении.

Как известно, пьянство — один из серьезных источников преступности. Чрезвычайно важна систематическая противоалкогольная пропаганда среди подростков и молодежи. Однако нельзя говорить лишь о вреде алкоголя для здоровья. Надо обращать внимание и на те опасные последствия, к которым ведет — в результате потребления алкоголя — потеря контроля над собой, способности критически оценивать свое поведение. Речь должна идти не только о возможности несчастных случаев с опьяневшим, но и о той общественной опасности, которую представляет пьяный.

Необходимо знать, что перед законом пьяный отвечает строже, что уже появление в общественных местах в нетрезвом виде достаточно для привлечения к административной ответственности. От такой ответственности не освобождаются и несовершеннолетние либо их родители, если пьяный подросток не достиг 16 лет.

Правовое воспитание учащихся не следует, однако, ограничивать вопросами уголовного законодательства.

Выпускники школы — завтрашний трудовой народ, а трудовые отношения тоже регулируются законами. И старшие ребята должны иметь представление о правовой основе, на которой решаются вопросы оплаты труда, отпусков, ночных смен, продолжительности рабочего дня, дополнительного отпуска при заочном обучении и т. д. Незнание своих прав порой приводит к тому, что молодые рабочие мирятся с незаконными действиями администрации или, наоборот, вступают с ней в необоснованные конфликты. Четкое знание своих прав и обязанностей, помимо всего прочего, является действенным средством воспитания трудовой дисциплины.

Полезно, чтобы подростки и молодые люди имели также представление о законах, регулирующих семейные отношения. Конечно, это ни в коей мере не заменяет самого воспитания уважения и заботливого отношения к родителям, к близким людям, к старшим. Но важно и знать, как законодательство регулирует отношения родителей и детей, дедов и внуков, братьев и сестер, неродных отцов и матерей со своими усыновленными детьми, самих супругов и т. д. Все это полезно для правильной подготовки старших детей к личной и семейной жизни.

Необходимость правового воспитания старшеклассников подтверждает сама жизнь, и тут вряд ли возможны два мнения. Сложнее вопрос о формах и методах такого воспитания.

Сослюсь на опыт, накопленный в нашей Кемеровской области.

По инициативе областного комитета партии к этой работе были привлечены все органы, так или иначе занимающиеся вопросами воспитания. Разработали цикл бесед с учащимися на правовые темы. Юристы, медики, педагоги участвовали в составлении примерных текстов бесед. Их проводили с десятиклассниками, при этом изучалась не только доступность бесед, но и реакция на них слушателей, их вопросы. Практика показала, что лучше, когда с учащимися беседуют сами юристы. Воспитательный эффект беседы во многом зависит от точности, глубины и правильности анализа именно правовой, юридической стороны дела.

Подобный опыт есть и в некоторых других областях и республиках. Не пора ли обобщить его? Правовое воспитание учащихся должно получить распространение во всех школах страны. Тем более важно выработать правильную методическую основу, создать необходимые пособия, привлечь к этому делу всех заинтересованных лиц.

ПОЧЕМУ ПЛАКАЛ САША?

Т. САКСОНОВА

Рисунок В. Долуды

Известно, какое большое место в воспитании принадлежит слову. Но далеко не многие родители знают, как сделать слово действенным инструментом воспитания малышей, развития их сознательности и волевых качеств. Вот что рассказал один молодой отец:

«Недавно возвращался я с женой домой. Вдруг из наших окон мы услышали громкий Сашин плач. В квартире застали такую картину. Саша, обычно спокойный и уравновешенный, стоял перед бабушкой и кричал: «Не хочу, не буду тунейдцем!» Бабушка, растерянная, торопливо твердила: «В последний раз, Сашенька, успокойся, детка!» Но он продолжал кричать: «Не буду, не хочу!»

Что же произошло? Бабушка позвала внука в кухню ужинать. И пока он ел, она быстро сложила его игрушки на место, убрала в комнате, постелила ему постель. Саша увидел это и как закричит, как заплачет. Сначала бабушка даже не могла понять, в чем дело. Оказалось, внук возмущен ее вероломством. Она обещала ему с сегодняшнего дня ничего по дому не делать за него. Пообещала, но тут же нарушила слово: убрала его игрушки, приготовила ему постель. А ведь внук только что рассказал ей про обещание, которое все ребята в детском саду дали Зое Ивановне: «Дома все делать самим, помогать старшим». И про «задачу», которую они решали в детском саду, рассказал.

Вот она. К Сереже пришли товарищи поиграть. Вскоре бабушка позвала детей пить чай с пирогом. Все поднялись. Но тут заглянувший в комнату старший брат Сережи спросил: «А кто после вас уберет игрушки на место?» — «Как кто? Бабушка», — ответил Сережа. «Сейчас же собери все игрушки!» — приказал старший брат. «Здесь не детский сад, — упрямо сказал Сережа. — Бабушка уберет». — «Ах ты тунейдец!» — закричал брат. Сережа обиделся на брата и пожаловался маме.

Зоя Ивановна спросила детей: «Кто из братьев прав?» Одни говорили: «Нельзя ругаться, лучше, если бы брат помог Сереже убрать игрушки». Другие (в том числе и Саша) утверждали: «Неправ Сережа, надо всегда убирать за собой. И не только в детском саду, но и дома». Саша добавил: «У бабушки и так много работы. Она на рынок ходит, обед готовит, в доме убирает. А Сережа любит вкусно покушать, но ничего не хочет делать. Папа мне говорил, у нас есть такой закон: «Кто не ра-

ботает, тот не ест».

Под конец Зоя Ивановна объяснила: «Тех, кто хочет жить на всем готовом и не любит работать, называют тунейдцами». Дети взволновались и обещали, что с сегодняшнего дня дома будут все делать сами, только чтобы их так не называли.

«А вот наша бабушка хочет, чтобы я стал тунейдцем!» — с возмущением заключил свой рассказ Саша.

К сожалению, ошибку допустила не только Сашина бабушка. На родительском собрании Зоя Ивановна рассказала, что по ее просьбе шефы-пятиклассники и родительский актив проверили, как малыши выполняют свое решение «дома все делать самим, помогать старшим». Проверка обнаружила неприглядную картину. Часто родители отказывались от их помощи: «Не лезь не в свое дело. Есть кому сделать». Или: «Не дури. Вырастешь — наработаешься».

Случаи эти свидетельствуют не только о неправильном подходе к трудовому воспитанию малышей в семье. Плохо и то, что родители недооценили само решение детей «держаться слово».

Так подрывается воспитательная сила слова как средства развития нравственного сознания и воли детей. Между тем опыт той же Зои Ивановны весьма поучителен в этом смысле.

Однажды она затеяла с 4—5-летними ребятами такую игру. Рассадила их у стены, а сама села за столиком в отделении и затем каждого, кто подходил к ней, спрашивала: «Любишь ли ты свою маму?» — «Конечно», — отвечали все. Если же она выражала сомнение, ребенок горячо доказывал, что очень любит свою маму.

После того как все ответили, Зоя Ивановна сказала: «А теперь я вам расскажу одну историю. Однажды мама увидела на рынке большое душистое яблоко и купила его. Только одно было такое яблоко, и мама подумала: «Детей трое, как это делить?» Дома яблоко

всем понравилось и каждый захотел съесть его. Но мама сказала: «Яблоко достанется тому, кто лучше всех придумает, как его разделить».

Зоя Ивановна спросила детей: «А как бы вы это сделали?» И снова каждый подходил к ней и тихо предлагал свой ответ. Несколько малышей сказали, что сами съели бы яблоко. Большинство старших предложило разрезать его на три части. И только некоторые ответили, что разделили бы яблоко на четыре части: для детей и мамы.

Зоя Ивановна вызвала детей первых двух групп и предложила им громко сказать, что они ей отвечали в первый раз? Дети сказали, что любят свою маму.

Воспитательница спросила: «Как же вы любите маму, если кусочка яблока ей не оставили?» Дети растерялись и очень огорчились, что так получилось. И тогда Зоя Ивановна объяснила: любить маму — значит заботиться о ней.

А потом на родительском собрании Зоя Ивановна подсадила родителям, как полезно поддержать возникшую у детей потребность действительно проявлять свою любовь к ним. Попутно она рассказала о другой «задаче», которую дети недавно решали.

«Света и мама очень любили мороженое. Однажды они были в гостях, и там их угостили мороженым. У мамы болел зуб, и она ела медленно. Света же быстро расправилась со своей порцией и взглянула на мамину вазочку, где еще лежал большой кусок. Девочка очень обрадовалась».

Зоя Ивановна спросила детей: «Чему обрадовалась Света? И как она должна поступить?» Большинство ответило: «Света обрадовалась, что у мамы осталось еще мороженое, значит, можно попросить у нее кусочек. Но Света должна сказать «пожалуйста», как воспитанная, вежливая девочка».

Тут одна мать не выдержала и воскликнула: «Господи, да зачем просить? Бедная девочка. Я бы сама отдала ей свое мороженое».

Все рассмеялись.

Но Зоя Ивановна продолжала рассказ. Другие дети, их было немного, сказали: «Света обрадовалась потому, что, несмотря на больной зуб, мама могла есть мороженое. А вот просить у мамы нехорошо. Так поступают только жадные». Дети поспорили. Большинство в конечном счете согласилось с одним мальчиком, который сказал: «Даже если бы мама сама мне предложила мороженое, я бы не взял. Я ведь люблю свою маму». Зоя Ивановна обратила внимание родителей на эти слова. Дети начинают понимать, что и у родителей есть свои желания и с ними надо считаться.

Рассказ произвел впечатление на родителей. В то же время они по-разному его восприняли. Одна мать сказала: «Я все-таки не согласна с вами, Зоя Ивановна! Мать, которая спокойно ест мороженое и видит, что ребенку хочется еще, но не дает ему, — плохая мать. Если ребенок вежливо попросит, можно ли его за это осуждать? Вы же сами говорили нам: детей надо учить на добрых примерах. Какой же пример показывает эта мать? Пример эгоизма, нечуткости». Выступившую поддержали и другие родители: «На то и мать, чтобы отказываться от лучшего куска ради детей».

Зоя Ивановна выслушала всех, потом сказала: «Поймите: главное — не только ваше отношение к ребенку, но еще более его отношение к вам. Ведь именно на этом он учится тому, как надо относиться к другим людям. Чему же может научиться ребенок, если с детства он привык отнимать даже у матери то, что ему хочется? Хорошо ли будет окружающим людям с таким человеком? Вы должны знать, что родительская жертвенность порой рождает равнодушных и себялюбивых людей».

Опыт Зои Ивановны помог родителям понять и дру-

гое. Нередко в семье поощряют детскую самостоятельность в игре, в самообслуживании, в выполнении отдельных домашних обязанностей. Но сплошь да рядом упускают необходимость поощрения такой же самостоятельности детей в нравственных суждениях и поступках, в оценке их. Здесь родители все берут на себя: требуют, поучают, судят, указывают, а дети должны лишь слушать и выполнять. Между тем ребенок уже в состоянии самостоятельно разобраться во многих нравственных отношениях, делать верные выводы и руководствоваться ими в своих поступках. Конечно, здесь еще далеко до зрелой моральной самостоятельности и стойкости, но надо всячески поддерживать и поощрять усилия детей в этом направлении. Важно не только «упражнять» детей в правильных поступках, добиваясь определенных привычек, но и подкреплять их развитием сознательности и самостоятельности в поведении.

Это и делает Зоя Ивановна, когда учит детей понимать, что значит любить маму, учит их в своих поступках действительно выражать эту любовь.

Правильного поведения ребенка можно добиться и строгостью, прямым давлением, угрозой наказания. Однако такое поведение, поскольку оно навязано ребенку, не обладает стойкостью. Как только снимаются угроза и давление, проходит страх, тут же пропадает и готовность хорошо себя вести. Другое дело, когда мотивом поведения становится потребность творить добро и правильно поступать на основе самостоятельно сделанного вывода.

Такой вывод имеет громадную побудительную силу. Это хорошо видно на примере с Сашей. Он, конечно, и раньше знал, что сам должен убирать за собой игрушки и вообще выполнять положенные ему домашние обязанности. Он даже запомнил слова папы, что у нас есть такой закон: «Кто не работает, тот не ест». Но все это знание было просто навязано ему старшими, и потому оно оставалось для него чуждым, не влияло на его поведение. Иное положение создалось, когда Зоя Ивановна включила детей в активное обсуждение случая с Сережей и его старшим братом, когда возник у детей «спор», и победил мальчик, который решительно выразил свою точку зрения. Наконец, когда ребята единодушно дали обещание Зое Ивановне «дома все делать самим, помогать старшим». Теперь знание, которым овладел Саша, действительно стало мотивом его поведения. О силе этого мотива говорит бурная эмоциональная реакция у Саши, когда он столкнулся с непониманием и нежеланием бабушки считаться с обещанием, какое он дал в детском саду.

Как видим, и воспитательница детского сада, и родители предъявляют детям одинаковые требования. Только делают они это по-разному. Родители просто навязывают свое требование ребенку и считают свою воспитательную роль выполненной. Зоя Ивановна поступает по-иному: она предлагает детям доступные им нравственные задачи, включает их в самостоятельный разбор моральных взаимоотношений и поступков людей, учит их высказывать свои суждения и делать свои выводы.

Но самостоятельно постигнутое моральное знание — это еще не готовая нравственная потребность хорошо поступать. Чтобы обеспечить переход знания в поступки, Зоя Ивановна просит детей рассказать дома о том, что они узнали и что решили. Одобрение старших вызывает у детей радость и готовность действовать. Воспитательница подсказывает детям и способы действия — как обращаться с людьми, как поступать в разных ситуациях, она требует от родителей, чтобы они создавали детям условия для хороших поступков. Так у ребенка вместе с познанием создается опыт поведения. А это помогает формировать устойчивые нравственные качества у детей.

г. Харьков

Беседа 3-я

Профессия и природные данные

Н. ГУРЕВИЧ,
старший научный сотрудник
Института психологии АПН СССР

Предыдущую беседу мы закончили обещанием повести разговор о профессиях «не для всех», о профессиях, для которых нужно не только желание претендента, не только его подготовка, но и определенные природные данные. Очертить круг таких профессий — задача не простая. Во-первых, не существует достаточно основательной классификации профессий, с помощью которой можно было бы выделить такую группу. Во-вторых, чрезвычайно широко распространено представление, будто чуть ли не для каждой работы нужны специальные задатки или способности, что успех человека в избранном труде именно этими задатками или способностями и предопределен. При этом желании работать, правильному обучению профессии отводят какое-то третьестепенное место, а на первое ставят предрасположения, видимо, биологического характера.

Жизнь показывает, что большинство профессий доступно людям самых различных природных особенностей; нужно лишь пройти больший или меньший период обучения и приспособления к работе, «найти себя». Если человек в силу неблагоприятных условий жизни не так развит и не так подготовлен к данному виду труда, как некоторые другие, то это совсем не означает, что он к нему не способен, и к проблеме задатков и способностей такой принцип отбора никакого отношения не имеет.

Тем не менее в современном обществе есть ряд профессий, которые действительно требуют определенных природных данных. Их не так уж много, но они занимают свое, иногда очень заметное, место в структуре общества. Многие из них привлекают к себе симпатии молодежи. Именно здесь, прежде чем сделать решительный шаг, нужно хорошо взвесить свои возможности.

Из числа этих профессий поговорим прежде всего о

тех, которые можно назвать профессиями художественного творчества. Безусловно, художественное творчество в тех или других его формах — игра на музыкальных инструментах, пение, рисование, лепка — доступно каждому. Однако это еще не профессиональное занятие. Критерии, которые выработало общество для художественных профессий, очень жестки: далеко не каждый, кто доставляет удовольствие себе и друзьям своим пением, может претендовать на то, чтобы стать певцом-профессионалом, как бы ни было сильно желание и как бы много сил и времени ни было затрачено на обучение. Необходимой предпосылкой профессионализации в этом случае оказываются природные данные. Подчеркнем — только сразу — лишь предпосылкой, а не гарантией успеха. Природные данные — анатомо-физиологические особенности мозга, нервной системы — это лишь необходимое условие профессиональных достижений. Но ведь одаренность и художественная одаренность, в частности, — это не качество нервной системы, мозга или всего организма, это качество человеческой личности. В ней воплощены не одни лишь задатки, но и стремления личности, в ней реализуется большой и неустанный труд по приобретению мастерства. И это еще не все. Художник, чтобы получить признание, должен иметь, что сказать современникам языком своего искусства.

Как же узнать, нужно ли и когда нужно перейти рубеж от дилетанта-любителя к профессионалу? Прежде всего, нельзя пренебрегать общеизвестными способами проверки своих данных. Конкурсы, смотры, олимпиады, постоянное участие в самодеятельности не только воспитывают вкус и требовательность, но и помогают молодому человеку найти правильную оценку своих возможностей. Многие могут дать личные встречи с крупными мастерами. Их непредвзятое мнение, несомненно, имеет большое значение — ведь это люди, для которых искусство составляет главное содержание их жизни.

Родителям хочется еще раз напомнить, насколько опасно захваливать первые несовершенные работы ребенка или подростка, демонстрировать их знакомым, вообще создавать атмосферу восторженной заискиваемости вокруг детских художественных попыток. Само собою разумеется, и школа, всячески поддерживая первые ростки таланта, должна соблюдать необходимую сдержанность. Тут нужно еще и еще раз представить, сколько тяжелых переживаний ждет молодого человека, который, несмотря на все свои старания, не переходит грань «посредственности», в то время когда его воспитывали как будущее «светило»!

Как и все другие виды профессиональной пригодности, и пригодность к художественному творчеству формируется в самой художественной деятельности. Процесс формирования не следует без крайней нужды затягивать. Если бы мы обладали безграничными запасами времени, а общество не предъявляло бы к нам своих справедливых требований, то, может быть, каждый смог бы при сильном желании и непрестанной работе подняться до профессионального художественного уровня. Но ведь этого нет. Чем раньше у молодого человека сложится определенный выбор, чем более обоснован будет он, тем счастливее будет жизнь этого человека. И если дело, несмотря на все старания, не идет, нужно проявить мужество и оставить его. Затраченный труд не пропадет — художественный опыт всегда полезен для человека, чем бы он ни занимался в дальнейшем.

Верно, конечно, что очень многое зависит от педагога. Но самый лучший педагог не всеисцелит. Одно из самых тяжелых переживаний для него — сознание, как мало может он сделать, несмотря на все его честные усилия, если ученик малоспособный.

Учением дело не кончается. Допустим, что все трудности поступления в специальное учебное заведение, готовящее мастеров-профессионалов, преодолены, допустим, что и учебное заведение закончено. Желанный путь открыт, можно беспрепятственно заниматься избранным трудом... Да, но даст ли он то удовлетворение, без которого любая работа превращается в тяжкое бремя, в одну лишь безрадостную обязанность? Можно ли ответить на этот вопрос безоговорочным «Да!»? Вряд ли. Будет, возможно, удовлетворение от собственной настойчивости, много даст общение с профессионалами, но не это главное. Труд, не соответствующий возможностям, не стимулирует творчества. Вот почему с особой серьезностью нужно подходить к выбору профессии, относящейся к художественному творчеству.

В одной из предыдущих бесед было сказано, что у человека нет специальных предрасположений к определенной профессиональной деятельности. Не опровергается ли это утверждение тем, что сказано здесь о художественном творчестве? Все-таки не опровергается, хотя о природных данных для этого вида профессий можно говорить с большей определенностью. Нужно только заметить, что природные художественные данные, как это выявляется в ряде наблюдений, не столь уж специализированы. Вот несколько примеров.

Кем был Тарас Григорьевич Шевченко? Его путь в искусство шел через живопись. Что он был незаурядным художником, видно хотя бы из того, насколько глубоко он заинтересовал такого крупного мастера, как Карл Брюллов. И в своем «журнале» (дневнике) он чаще говорит о себе как о живописце. Мы же гораздо больше знаем Шевченко-поэта. Посмотрите картины Лермонтова. Что это — случайный экскурс в чужую область? А музыкальный дар А. С. Грибоедова? А Маяковский? Он тоже начинал как художник. Я здесь не намерен давать сколько-нибудь систематического обзора работ мастеров в других видах искусства. Но нельзя не привести слова К. И. Чуковского о «большом писательском таланте» И. Е. Репина. Люди искусства, хорошо понимающие, сколько труда и сил нужно отдать, чтобы создать полноценное произведение, нередко совсем не стремятся к тому, чтобы кто-либо знал об их опытах в «параллельной» области, но сколько их — художников с ярким литературным дарованием, артистов, увлекающихся живописью и валянием, режиссеров, сочиняющих музыку, музыкантов, пишущих стихи...

Все это свидетельствует о том, что и в этой сфере деятельности было бы неосторожно говорить об узко-специальных профессиональных предпосылках. Скорее можно говорить о природных предпосылках широкого, обобщенного характера.

Теперь несколько слов об ученых. Эта профессия тоже часто упоминается, когда говорят о такой деятельности, которая требует особых природных данных. Так ли это? Есть ли тип личности ученого? По-видимому, это должен быть человек с явно выраженной склонностью к абстрактной умственной работе. Да, человек такого типа, несомненно, пригоден прежде всего для профессии ученого. Более того, без таких людей наука не могла бы ни существовать, ни развиваться. Но это не единственный тип ученого. В современной науке могут получить законное общественное признание люди, очень непохожие друг на друга, если они занимаются делом, отвечающим их индивидуальности. Наряду с учеными чисто теоретического направления нужны умелые экспериментаторы, организаторы-практики, специалисты, сосредоточившиеся на методике и технике, конструирующие приспособления, приборы и аппараты, нужны популяризаторы, пропагандисты и педагоги. Современная наука создается сотрудничеством множества разнообразных индивидуальностей. Все они, бесспорно, должны достичь такого уровня знаний и

опыта, который позволил бы считать их именно профессионалами-учеными, но за общей для них профессией нет единого, обособленного типа человека.

Приходилось слышать, как взрослые делают «прогноз» о пригодности ребенка к научной работе по обозначившимся у него навыкам последовательности и аккуратности в выполнении заданий. Что говорить, такие навыки очень важны, но их нельзя связывать со стойкими индивидуальными особенностями. Такие навыки формируются в результате хорошего воспитания, нередко как подражание взрослым в семье. Оснований для прогноза такие навыки не дают.

И в современной промышленности и транспорте есть такие профессии, для которых пригоден не каждый человек. Прежде всего сюда относятся профессии, вызванные к жизни научно-технической революцией. В транспорте, особенно воздушном, это человек, управляющий скоростной машиной, например самолетом. В промышленности — это оператор. Об этой профессии поговорим немного поподробнее.

Сравнительно недавно — лет сорок назад — человек непосредственно наблюдал, как изменяется под его усилиями предмет труда. Теперь это непосредственное отношение между человеком и предметом труда уходит в прошлое. На смену ему идет опосредованное участие в производственном процессе. Предмет труда обрабатывается машиной, этой машиной управляет автомат. А человек следит за исправной работой автомата, совсем не вмешиваясь в процесс. Если поглядеть со стороны на такого оператора, то может сложиться впечатление, что ему и делать-то нечего! Перед ним пульт — щиты с приборами и схемами; на столе, прямо под руками, несколько кнопок и рукояток. Часто нет даже телефона — вместо него микрофон и динамик. Пульт управления смонтирован таким образом, чтобы нужные оператору сигналы были заметны. Конструктор заранее предусматривает возможные неполадки в системе. При необходимости по сигналу автоматически отключается неисправное оборудование и включается резервное, исправное. Хорошо отлаженная система может при правильном обслуживании работать без человеческого вмешательства неделями и месяцами, а то и годами. Тем не менее без оператора не обойтись.

Вот что писал об этом Ю. А. Гагарин: «...при всем желании невозможно запрограммировать автомат на все случаи жизни, а особенно на анализа таких явлений, которые в принципе еще неизвестны науке... Перед автоматом человек имеет немало преимуществ. Он одновременно воспринимает информацию от различных органов чувств и собирает ее в единый образ. У него громадная и емкая память, то есть он может хранить информацию, которая, выражаясь языком кибернетики, требует «минимального программирования».

Только человек умеет абстрагироваться от восприятия, обобщать и образовывать понятия. Благодаря этому он способен воссоздать образы и события, имеющие место в прошлом, и даже выходить за пределы настоящего, мысленно опережая события, то есть обладает даром предвидения».

Ни один конструктор не может спроектировать такое автоматическое устройство, которое предусматривало бы все, что может произойти вне системы и внутри нее и что может нарушить ее работу. И если такая непредвиденная случайность произойдет, то система может оказаться в аварийном состоянии. Вот тут и необходим человек-оператор. В его руках находится управление. Оценив обстановку, он может принять решение, восстанавливающее работу системы или выводящее ее из аварийного состояния с наименьшими потерями.

Изучение труда оператора показывает, что он должен обладать высокой квалификацией, знать оборудование, которым он управляет, быть способным, взвесив все

обстоятельства, правильно принять решение. Но этого мало. Аварийная обстановка резко повышает его ответственность за все совершаемые действия. Нередко авария связана с непосредственной угрозой жизни людей, а иногда — его собственной жизни. Оказалось, что не все люди справляются со своими обязанностями в таких напряженных условиях. Было замечено, что на одних такие условия действуют водущевающе, вызывают у них особый подъем: они становятся чрезвычайно активными, с большой быстротой соображают, учитывают все существенные, хотя бы и мелкие детали и принимают самые правильные решения. На других аварийная обстановка оказывает прямо противоположное влияние — они теряются, забывают самое необходимое, совершают бессмысленные ошибки. Нельзя объяснить их поведение тем, что они недостаточно подготовлены для своей работы — это могут быть люди самой высокой квалификации. Очевидно, есть какие-то индивидуальные психофизиологические особенности, которые обнаруживаются в такой напряженной обстановке. Психологи занимаются изучением этой и других подобных профессий. В настоящее время выдвинуто предположение, что растерянность, овладевающая человеком в таких условиях, есть не что иное, как реакция слабого типа нервной системы на слишком сильное для нее воздействие. Для такого предположения есть много веских оснований. Если оно подтвердится, то можно будет сделать вывод, что люди со слабым типом нервной системы не пригодны для такого рода профессий. Как видите, есть над чем подумать, прежде чем выбирать.

Существуют и другие профессии, предъявляющие к людям такие требования, которым может удовлетворить не каждый человек. Такова профессия летчика, а в еще большей степени — летчика-испытателя. В своих талантливых книгах И. Кожедуб, М. Галлай дают описание сложных ситуаций, с которыми приходится сталкиваться пилоту. Только высокое мастерство в соединении с полным самообладанием, сопровождающееся особым обострением восприятия и быстротой мыслительной и реактивной деятельности, приводят к верным решениям. Но такое поведение присуще не каждому. Видимо, и тут нужно обратиться к природным особенностям человека, что, разумеется, ни в какой мере не уменьшает роли выучки, тренировки, ответственности.

Индивидуальный стиль трудовой деятельности, особенность поведения, которая играет большую роль во многих профессиях, здесь не может заменить природных особенностей человека. Для таких профессий, по-видимому, людей нужно специально отбирать.

В подавляющем же большинстве профессий каждый молодой человек, с охотой приступающий к избранному делу, честно и с усердием осваивающий его, отдающий себе отчет в том, что и его «труд вливается в труд его республики», вправе рассчитывать на свое достойное место в дружной семье работников.

Эти беседы о выборе профессии хочется закончить словами юного Маркса. В сочинении «Размышления юноши при выборе профессии» он писал: «Если мы избрали профессию, в рамках которой мы больше всего можем трудиться для человечества, то мы не сожжемся под ее бременем, потому что это — жертва во имя всех; тогда мы испытаем не жалкую, ограниченную, эгоистичную радость, а наше счастье будет принадлежать миллионам...»

СОВЕТУЕМ ПРОЧЕСТЬ:

«Подготовка школьников к выбору профессии» (сборник). Составитель А. А. Бардинов. М., «Просвещение», 1966.

Лейтес Н. С. Об умственной одаренности. М., Изд. АПН РСФСР, 1960.

Ира, 3 года.

— Ой, сердце просит ягод, просто не могу!

— Ира, иди обедать!

— Нет, мамочка, я во сне покушаю.

— Мамочка, мы с тобой любименькие?

— Ну, любименькие.

— Можно, я померяю твои босоножки?

— Мамочка, ты скучала без меня вчера?

— Скучала.

— А плакала?

— Да, плакала.

— А где слезы?

Проходя вечером мимо парикмахерской:

— Уже ушел подстригатель людей?

Тетя Маша угостила Иру яблочками-дичками. Ира попробовала, сморщилась и кричит вслед тете Маше:

— Кислые ваши яблочки!

Я сказала, что невежливо так кричать.

— Понятно... Тетя, пожалуйста, кислые ваши яблочки!

4 года.

— Ира, а твоя подружка Галя так подросла за год, так подросла!

— Ой, мамочка, пойдём скорей посмотрим её подрастание!

— Вот, Ира, не слушаешь ты меня, а я сейчас лягу и умру.

— Ой, мамочка, не мри, не мри!

— На луне холодно и прохладно.

— Мамочка, давай жить по-новому? Я тебя так буду слушаться, что искры из глаз!

А немного погодя:

— Плохо жить по-новому без давания шоколадок...

— Мамочка и папочка, я вас так люблю, что душа скрипит.

— Люди умирают насковозь.

5 лет.

Ира болеет.

— Мамочка, я такая слабенькая, как ниточка напрононая, не надо горчичники ставить!

Ира рисует цветы, траву, грибы, солнце, темно-синее небо.

— Что же такое пасмурное небо рисуешь?

— Пускай пойдёт дождик, грибы лучше будут расти.

— Такой сладкий этот шербет, что у меня на душе сладость разливается.

— Хочу мороженого сильно-сильно — во все зубы.

В поезде, ранним утром.

— Ира, спи, ещё рано.

— Я сплю.

— Кто так спит? Глаза-то отираешь!

— А я вижу во сне мороженое и смотрю, правда это или во сне.

Записала Т. ЗЛОБИНА

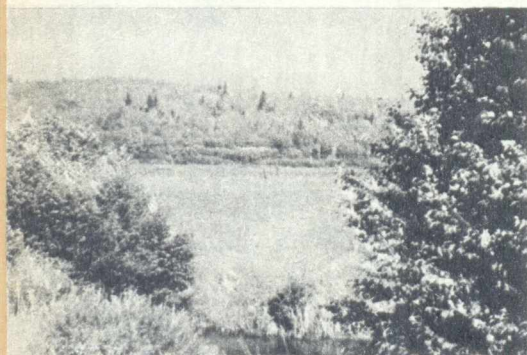
Мурманская область

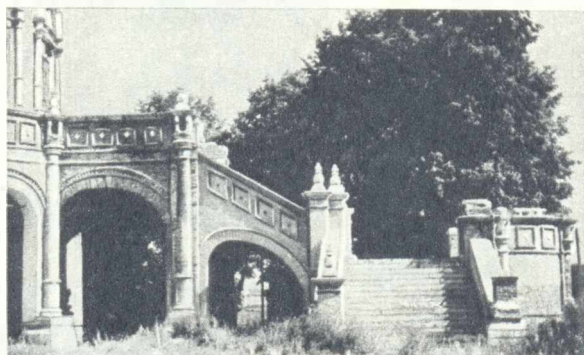
Земля родная...

1 2

3 4

1, 6. Учинское водохранилище

2, 8. Аксаково

3. Река Волгуша

4. В одном из уголков Подмосквья

5 6

5. Назарьево, Белорусская железная дорога

7. Волга у г. Дубны

7 8

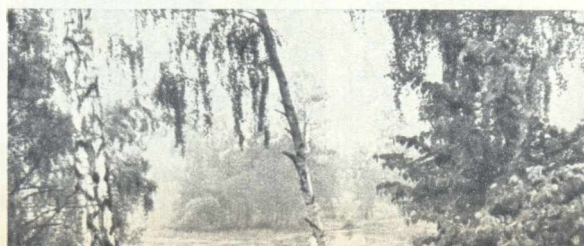
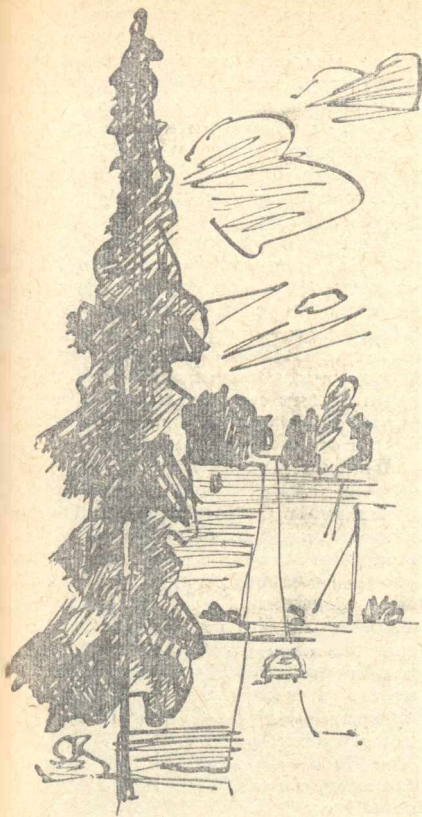

Фото Н. Кулагина

ПОЕЗДКА ЗА ГОРОД

Сыновья не забыли моего обещания и уже успели похвалиться друзьям: едем с папой в лес! Вадик пригласил Андрея, а Володя — закадычного друга Генку. Надя согласилась забрать всех. Быстро завершаем сборы, идем к машине.

Сразу разгорается спор: кто сядет рядом с папой? Младший решительно занимает «иласное» место. Старший протестует — он занимается в автокружке. Мать укоряет Вадика: не хорошо связываться с малышом. А тот, чувствуя поддержку, крепко вцепился в место. Спор переходит в крик. Я заявляю: если немедленно не прекратится шум, никуда не поедем. Угроза подействовала. Вадик отступил, а Володя оглядывается с видом победителя. И на этот раз он взял верх. Меня беспокоит его поведение, но не хочется в дороге начинать неприятный разговор. Как-нибудь в следующий раз. Вот так мы, отцы, и уступаем. Отложить всегда легче...

Выезжаю на центральную улицу, потом беру курс в лесную часть района, и речне, что вытес среди большого соснового бора.

Место, выбранное нами, необыкновенно красиво. Вековые сосны высоко поднимаются к небу, а ближе к

реке переходят в молодой сосняк в перемежку с березой. Разместились мы на опушке молодняка, кольцом охватывающего большую ровную поляну. Ребята тут же с азартом начали играть в футбол. А мы с Надей решили поискать грибов. Не знаю, что может быть лучше и увлекательнее! Меня беспокоит: почему ребята не любят искать грибы? Для них гораздо интересней гонять мяч.

Вспоминаю, что сам такой же был в детстве. Но это не оправдание. Лишь взрослым по-настоящему понимаешь, как важна в человеке любовь к природе. Многим ее не хватает, и это заметно обедняет их души.

Хорошо запомнил выступление одной матери на родительском собрании. «Многие из нас, — сказала она, — не ценят нашей неповторимой природы, с мягкой, нежной и очень разнообразной растительностью. А когда сам не видишь ее красоты, как научишь видеть ее других, особенно детей! Я очень люблю нашу природу, щедрую на все: на цветы, грибы, ягоды, нежную зелень. Хорошо сказал Герцен: «Грандиозные вещи делаются грандиозными средствами. Одна природа делает великое даром». То, что природа дает нам и делает с нами, облагораживая человека, наоборот, ничем нельзя измерить. И, не замечая ее красоты, мы обкрадываем себя духовно».

Да, это обкрадывание начинается с детских лет. Нередко видишь, как варварски дети относятся к лесу — режут кору, ломают ветви. А взрослые успокаивают себя: где, как не в лесу, поиграть детям?

Размышления эти вызывают у меня беспокойство. Ищу Надю, но ее нигде не видно.

— Надя! — кричу я. — Где ты? Много набрала?

— Много! — откликается жена. — Место здесь грибное. Надо заметить его.

— Я думаю, хватит ребятам гонять мяч. Пусть и они пособирают грибы.

Вместе возвращаемся на поляну. Матч в разгаре. Старшие играют против младших и без зазрения совести забивают им голы. Вижу, об-

становка серьезная, счет 9:2. Подаю знак младшему:

— Володя, давай на край.

— Ура! Папа, давай набьем им штук двадцать.

Получаю пас, прохожу краем, вхожу в штрафную, подаю мяч Генке, и тот точным ударом завершает атаку — 9:3.

— Папа, так нечестно, — горячится Вадик, — вас трое. Мама, встань, пожалуйста, в ворота.

Но мама не может спасти положение. Опять прохожу краем, опять гол. За несколько минут счет сравняем — 10:10.

— Ну, хватит на сегодня, — решительно говорю я. — Сколько мы с мамой нашли маслят! Давайте наберем еще, а дома устроим ужин из жареных грибов.

Усталость взяла свое. Все согласились и пошли в лес. Младший увязался со мной, ему очень хочется продолжить обсуждение игры. Мы разбираем различные способы удара по мячу и пасовки. Володя считает, что он лучше брата играет в футбол.

— Зато Вадик плавает хорошо, — отвечаю я. — Тебе у Вадика всему надо учиться: и плаванию, и утренней зарядке, и легкой атлетике. А ты почему-то этим не занимаешься. От пустого беганья с ребятами да игры в войну многому не научишься.

Сын молча скрывается в лесу, потом раздается его радостный возглас:

— Папа! Сколько под сосной грибов! Иди сюда.

Ох, и дипломат! Не хочет вести разговор в таком духе, не любит, когда мы хвалим старшего. Предпочитает, чтобы положительный разговор шел вонруг его персоны.

Наша беседа переходит на новые темы. Володю интересует множество вопросов: почему грибы растут под деревьями? Почему маслята растут под соснами, под березой — подберезовик, под осинкой — подосиновик, под дубом — белые грибы? Почему у сосны такие колочные иголки? Что такое грибница? Почему береза растет здесь вместе с сосной? Нельзя ли заблудиться в этом лесу? И еще многое другое.

Я удивляюсь, как многообразен и интересен мир ребенка, велика его пылкость, ярко и деятельно его воображение. Сберечь эти драгоценные качества, развить их средствами образования и культуры — значит воспитать полноценного человека. Но, видно, где-то мы упускаем многое, что заложено в человеке природой, в чем-то мешаем правильно развиться этому здоровому, истинно человеческому.

Задумываюсь я и над тем, как позорному складывались детские годы Вадима и Володи.

В первые годы жизни Вадима мы не имели своего жилья, материально было трудновато, сын видел, как много родители работают и устают. И это наложило заметный отпечаток на его характер. С первых лет он приучился поддерживать порядок, уважать чужой труд, прилежно учиться. Все необходимое для себя делал сам и делал добросовестно.

Первые годы Володи проходили совсем в других условиях. Он ходил в хорошие ясли, затем детсад. И дома, как младший, пользовался особым вниманием матери и бабушки, получал много подарков, гостинцев. Вышло так, что он всегда и везде был на виду, что все делалось в первую очередь для него, а вот он сам ничего не должен делать для себя и тем более для других.

На практике я убеждался: чем выше жизненный уровень семьи, тем больше требуется от родителей осмысленности в воспитании детей. Насколько раз у нас начинался разговор с Надей на эту тему, но полного взаимопонимания мы не достигли. Не в этом ли причина частых капризов младшего, упрямства, отсутствия потребности сделать что-то хорошее для других?

Нельзя, конечно, всю вину возлагать на Надю. Правда, детьми больше занимается она. Однако и мне надо

более серьезно взяться за них. Но вот вечная проблема — нехватка времени. Тем более следует дорожить каждой минутой общения с детьми.

Ну, хватит, расфилософствовался! Где-то мои грибки?

— Болодя!

— Папа!!! Я здесь! Иди сюда, здесь мы все! И грибов много.

Здорово получилось. Все набрали грибов, и помногу. У Нади уже полная сумка, Вадик снял рубашку и складывает грибы в нее, Володька тоже почти наполнил свою шляпу. Андрей и Генка из маен сделали солидные узлы.

Хорошо бы поесть. Все охотно соглашаются. Надя сооружает аккуратный стол из газет, открывает и ставит на него банки. Обед на воздухе вызывает приятное, веселое настроение. Аппетит великолепный. Не представлял, что ребята столько могут съесть.

И все-таки мирная обстановка, хорошее настроение опять были нарушены младшим «разбойником». Ему показалось, что Вадику и Андрею дали больше чаю. Он схватил в руки термос, не удержал и пролил его. Все обрушились на Володьку. Мать сгоряча даже шлепнула его. Надулся! При товарищах особенно стыдно получить шлепки.

Впрочем через минуту он уже успокоился и предложил набрать воды из реки. Мать возразила: сырую воду пить ни в коем случае нельзя. Володька тут же находится и предлагает вскипятить воду на костре. Костер он особенно любит. Может целыми часами смотреть на него, аккуратно подкладывая хворост. Вообще вода и огонь всегда вызывают у него непонятное восхищение, подобное чувству первобытного человека: он буквально преображается, затихает и как-то умиротворенно смотрит на них. В это время в нем чувствуется что-то грустное, далекое, что всегда меня подкупает, и я завидую, как глубоко может он погрузиться в смутные свои переживания. Поэтому я поддерживаю предложение развести костер и вскипятить воду. Володька прыгает от удовольствия и тут же несется за хворостом.

— Папа! — кричит он из леса. — А может, мы и грибы сварим или испечем?

— Давай сначала костер разведем. А потом решим, что дальше делать.

— Сейчас я принесу хворост, а ты за водой сходи. Вадик, а ты почему хворост не собираешь?

— Нам чаю не надо, мы с Андреем идем гулять.

— Пожалуйста. А мы с папой будем жечь костер. И как нам без вас будет хорошо! — опять «поджигает» маленький задира.

Нет, придется воспитывать. От этого никуда не денешься...

Золотые слова

◆
Лучше оступиться, чем оговориться.

Английская пословица

◆
Если боишься — не говори; если сказал — не бойся.

Арабская пословица

◆
Не всегда говори то, что знаешь, но всегда знай то, что говоришь.

Клавдий Клавдиан

◆
Истинное красноречие заключается в том, чтобы сказать все, что нужно, и только то, что нужно.

Ф. Ларошфуко

◆
Если ты дважды подумаешь, прежде чем один раз скажешь, ты скажешь вдвое лучше.

У. Пенн

ТАЛАНТ ПРАВДЫ

Судьба литературного наследия Писарева примечательна. Писарев не теоретизировал, не создавал универсальных концепций; почти все, что написано им, — либо полемика, либо популяризация. Оба эти жанра — с коротким сроком жизни: через десяток лет забываются суть спора, а порой и имена споривших; популяризируемые идеи становятся либо самоочевидно истинными, либо столь же самоочевидно ложными; и в том и в другом случае пространный разговор о них перестает интересовать читателя.

А между тем трудно было — и 20 и 30 лет после смерти Писарева — найти критика более читаемого, более любимого (и ненавидимого!). Ленин и Плеханов, Тимирязев и Павлов единогласно отмечают значительность роли Писарева в собственном духовном развитии. И — что совсем уж удивительно — даже сегодня, читая его рассуждения о давно позабытых книгах и давно отзвучавших спорах, — и негодуешь, и соглашаешься, и восхищаешься — вместе с ним; живешь прочитанным. Почему же оно живо?

Может быть, причина — в исторической важности сделанного Писаревым? Да, его роль в истории русской мысли неоспорима. Но сколько есть книг, историческую значимость которых мы все признаем — да вот только читать их уже не в силах.

Может быть, в верности оценок? Но сегодня (как, впрочем, и 80 лет назад) читатель не согласится с доброй половиной суждений критика.

Может быть, дело в созвучности умонастроений? Конечно, у каждой эпохи свой светофильтр; и в прошлом мы яснее и живее всего видим то, что перекликается с нынешним. Но любой из отрезков прошедшего столетия настолько своеобразен и неповторим, что и это объяснение не кажется достаточным.

Так в чем же дело? Пожалуй, в том ярчайшем свойстве личности Писарева, которое его биограф Е. Соловьев назвал «талантом правды». Совсем недавно, уже в наши дни, было сказано: «Неумение найти и сказать правду... никаким умением говорить неправду не покрыть». Так вот, каждая из страниц Писарева вызвана к жизни и одухотворена как раз этим «умением говорить правду». Говорить же правду, в подлинном, высшем смысле этого слова — значит говорить о главном.

Во времена Писарева таким главным было освобождение. И социальное — от цепких и живых еще остатков крепостничества, и нравственное — от духовной безгласности николаевской эпохи, от солдатского единообразия «общепринятых» мнений и оценок.

«Литература во всех своих видоизменениях должна бить в одну точку: она должна всеми силами эмансипировать человеческую личность от тех разнообразных стеснений, которые налагают на нее робость собственной мысли, предрассудки касты, авторитет предания, стремление к общему идеалу и весь тот отживший хлам, который мешает живому человеку свободно дышать и развиваться», — так скажет Писарев в одной из первых своих статей.

В этих словах — программа всей дальнейшей литературной работы критика. И в них же — история его собственного духовного развития. Писареву не пришлось, как иным его соратникам-разночинцам, сызмальства испытывать на себе тяготы нужды и рабской зависимости. Было иное — ласковое рабство комфорта и «благогосподности».

Безоблачное детство в зажиточной помещичьей семье, чинное — не без приторности — домашнее воспитание, добросовестная зубрежка в гимназии и добросовестные занятия академически скучной филологией и историей в университете — все, казалось, предвещало и дальнейшую принадлежность к «разряду овец» (так впоследствии назовет подобный социальный тип сам Писарев). Биографов критика до сих пор смущает незначительность внешних обстоятельств, за год превративших благонаправленного исследователя филологических древностей в яркого нигилиста и «потрясателя основ». Дело, видимо, не во внешних обстоятельствах, а в том, что искуству говорить правду всегда сопутствует способность эту правду слышать. И Писарев — вопреки всему, что внушали ему с детства, — услышал ее в статьях Чернышевского, Добролюбова, Герцена.

Духовное освобождение (не менее верным будет слово «рождение») Писарева было быстрым, но нелегким. Это, пожалуй, общая черта первого поколения революционеров-шестидесятников. Тому была причина. Преемственность идей — от Белинского, Герцена — сохранилась, но не было личной преемственности, учительства и ученичества, которые столь необходимы человеку в пору его становления. Формула «отцы и дети» была не зевонным словом, а точным определением реальности; по пальцам можно было пересчитать людей старшего поколения, поддержавших «мальчишек» и «нигилистов».

Для Писарева обстоятельства сложились вдвойне неблагоприятно: в самом начале литературной деятельности он был арестован за нелегальную статью в защиту Герцена, и почти все самое сильное, что вышло из-под его пера, написано в стенах Петропавловки.

Здесь самое время сказать еще об одном свойстве личности Писарева. Не в меньшей мере, чем «талантом правды», он обладал и талантом мужества. Во всем, что написано им за четыре с лишним года заключения, не найти, пожалуй, ни одной унылой, жалостливой, страдальческой строки. Это тоже свойство поколения; в тех же стенах и в те же годы создано ведь и «Что делать?». Но это не просто «социальный оптимизм», а сквозная черта душевного строя «новых людей».

Письма Писарева к матери из Петропавловки удивительны. Словно бы старший и младший поменялись местами — столько в строках двадцатитрех-двадцатипятилетнего молодого человека жизненной твердости и спокойного пренебрежения всем внешним. Он то шутит, что, слава богу, ему не грозит эпидемия гриппа, распространившегося по Петербургу, то замечает, что при дороговизне жизни в столице стоит даже поблагодарить власти, взявшие на себя заботу о нем... Или вот еще, о себе: «Теперь к моему характеру присоединилась одна чер-

та, которой прежде не существовало. Я начал любить людей вообще... Теперь мне представляется часто, что мою статью читает где-нибудь в глуши очень молодой человек, который еще меньше моего жил на свете и очень мало знает... И мною овладевает желание сделать ему как можно больше пользы, наговорить ему как можно больше хороших вещей, надавать ему всяких основательных знаний...»

Черносотенцы и либералы называли Писарева и других шестидесятников «нигилистами» и «отрицателями». Писарев не отрезался от этого прозвища. Но он отлично понимал, что одного лишь отрицания всего, что мертвит общество и человеческую личность, недостаточно. Необходимо утверждение новой морали, нового типа человека. Очертания этого типа Писарев видел в Базарове, в «новых людях» Чернышевского. Но какие силы способны создать этот человеческий тип, способны противостоят мертвящему давлению действительности? «Любовь, знание, труд» — так определяет Писарев эти силы, и современникам, привыкшим к условностям языка подцензурной печати, легко было понять, какая любовь, какое знание, какой труд подразумеваются здесь.

Естественно, что размышления о сущности «нового человека» направляли внимание критика в сферу воспитания. Его педагогические статьи и сегодня поражают своим остроумием и беспощадной зоркостью ко всяческим проявлениям «воспитательного доктринерства». И восхищают глубоким уважением к личности ребенка, к его праву быть самим собой.

Основную и первейшую задачу образования Писарев видел (как вы можете судить хотя бы по тем выдержкам из его работ, которые мы публикуем в этом номере) в том, чтобы дать простор собственным силам ребенка, его познавательной активности. С первого взгляда может показаться, будто Писарев считал, что образование полностью должно заменить собой воспитание. Но такое представление будет ошибочным. Критик выступал лишь против воспитания, цели которого чужды потребностям ребенка, а средства — враждебны ему, против воспитания, основанного на страхе и слепом авторитете.

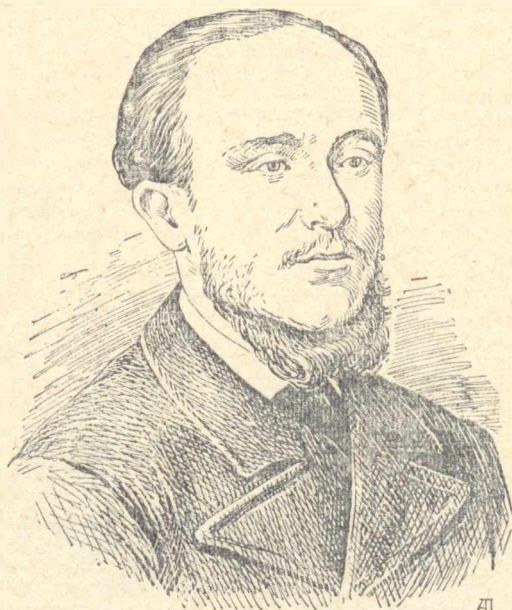
За Писаревым утвердилась слава отрицателя искусства, разрушителя эстетики. Для этого легко найти основания — об искусстве критиком написаны десятки горьких и беспощадных страниц. Но не будем относить их лишь по ведомству «исторической ограниченности». Источники их гораздо основательнее. Писарев задавал суровый, но неизбежный вопрос: имеет ли общество право на искусство, пока не разрешен вопрос о «голодных и раздетых», пока существует несправедливость? И что такое, собственно, искусство, если ему нет дела до несправедливости?

Ответ Писарева может не нравиться нам. Но это не отменяет вопроса. Припомним, кстати, что столь же резко ставил его позднее и почти так же отвечал на него ни в чем почти не схожий с Писаревым Толстой.

«Я пишу весело», — сказал как-то о себе критик. Вот этот веселый, свободный, молодой дух, дух правды и исследования, и есть источник непреходящего обаяния страниц Писарева.

Жизнь бывает иногда жестоко последовательна. Слово бы желая представить в личности Писарева законченный и не затуманенный позднейшими переменами облик человека в пору его самостоятельного становления, она обрывает его путь в самом начале. Едва выйдя из Петропавловки, едва приступив к новым замыслам и работам, Писарев неожиданно и нелепо погибает. Он утонул неполных двадцати восьми лет во время купания на курорте Дубельн под Ригой. Это случилось 4 июля 1868 года, сто лет назад.

В. РЫБАКОВ

Д. И. ПИСАРЕВ

ИЗ СТАТЬИ „ШКОЛА И ЖИЗНЬ“

...Мне кажется, что общее образование есть скрепление и осмысление той естественной связи, которая существует между отдельной личностью и человечеством. Общее образование выводит вас из тесного круга ваших непосредственных личных интересов, разъясняет вам ваши отношения к окружающей природе, описывает вам то место, которое вы, как человек, занимаете в ряду других органических существ, характеризует вам потребности и стремления того народа, среди которого вы родились, и определяет вам значение и направление тех исторических сил и культурных элементов, которые накладывают свою печать на вашу жизнь, личность и деятельность. Давая вам возможность интересоваться теми вопросами науки и жизни, кото-

рые занимают лучших и умнейших людей вашего времени, общее образование обогащает ваше существование такими тревогами и наслаждениями, которые совершенно непонятны и недоступны вашим необразованным современникам и соотечественникам. Польза общего образования и его живительное влияние на отдельную личность заключаются именно в этих тревогах и наслаждениях, в которых выражается способность понимать все и сочувствовать всему, что в данную минуту волнует и радует весь образованный мир. Следя с напряженным вниманием за общими интересами современного человечества, подмечая и обсуждая каждую новую победу разума над инерцией природы и над рутинной тупых и близоруких людей, стараясь по мере сил упрочить и расширить влияние этой победы в вашем собственном кругу, вы постоянно вносите в вашу личную жизнь все величие и всю чистоту тех непобедимых и неистребимых идей, за воплощение и осуществление которых борются, страдают и умирают лучшие из ваших современников.

...Итак, общее образование дает всей жизни человека известный колорит, известный смысл и известное направление; оно проникает собой весь склад его ума и глубоко видоизменяет собою весь его характер и образ мыслей. Общее и специальное образование взаимно дополняют друг друга; специальное — дает человеку в руки рабочий инструмент, а общее образование заставляет человека пристроить свою рабочую силу так, чтобы она содействовала общему движению большого корабля. Чтобы удовлетворительным образом исполнить свое назначение, общее образование, очевидно, должно снабдить человека такими знаниями, которые позволили бы ему понимать труды и тенденции передовых мыслителей и деятелей данной эпохи. Так как смысл этих трудов и тенденций в различные исторические эпохи бывает различный, то нетрудно понять, что и общее образование должно постоянно видоизменяться вместе с потребностями и обстоятельствами данного времени.

...Все великие открытия, все одушевленные споры и рассуждения нашего времени относятся или к области естествознания, или к различным отделам создающейся социальной науки. Поэтому в наше время естествознание составляет настоящий центр общего образования. Кто знает естественные науки, тот знает все, что должен знать современно образованный человек, тем более, что естественные науки дают человеку то подготовление, при помощи которого он уже без руководителя может следить в течение всей своей жизни, за развитием и разработкой различных социальных вопросов.

ИЗ СТАТЬИ „НАША УНИВЕРСИТЕТСКАЯ НАУКА“

...Воспитанием мы очень дорожим, потому что нашему сердцу бесконечно отраднее видеть в детях и юношах благонравие и кротость. Изучением ремесла мы тоже дорожим по-своему, потому что жалование и казенная квартира отыскивают себе чувствительное место в самом стоическом сердце. А что такое образование — этого мы не знаем. Там, на границе между воспитанием и изучением ремесла, есть какая-то неопределенная амальгама, какая-то переходная тень, которую мы и называем образованием и к которой мы, по правде ска-

зать, чувствуем глубочайшее равнодушие. Но так как нам совестно питать такие неевропейские чувства к такому великому делу, как образование, то мы, ради приличного замаскирования, и придумали назвать образованием всю кучу наших педагогических отправления, т. е. и воспитание, и изучение ремесла, и узенькую полоску неинтересной для нас амальгамы... Можно как угодно назвать наши педагогические упражнения над детьми и юношами, но зачем же славить образование между воспитанием и изучением ремесла? Зачем отодвигать образование на самый задний план и выдвигать вперед воспитание и специальность, которые должны иметь второстепенное значение? Воспитывать вообще следует как можно менее, а выбор специальности всегда должен быть безусловно предоставлен самому молодому человеку, получившему уже хорошее и полное образование. Я говорю здесь о такой специальности, которая требует сильной и постоянной умственной работы и которая дает всей последующей жизни человека определенное направление. Что же касается до простого ручного ремесла, то ему можно учить ребенка с малолетства, потому что такое ремесло ни сколько не мешает общеобразовательным знаниям, не направляет ума в ту или другую сторону и, не вредя никаким другим умственным или житейским успехам, развивает здоровье и всегда остается запасным капиталом на случай нужды или неудачи.

* * *

Я сказал, что воспитывать следует вообще как можно менее. Эта мысль может показаться парадоксальной, а между тем она чрезвычайно проста и совершенно неопровержима. Конечно, не я первый высказываю эту мысль, которая, как все простые и светлые мысли, не принадлежит никому в частности и непременно приходит в голову каждому человеку, задумывающемуся серьезно и добросовестно над отношениями взрослых к подрастающему поколению. Эта мысль находится в тесной связи с знаменитой идеей Бокля о том, что человечество подвигается вперед при помощи знаний и открытий и что нравственные истины не имеют почти никакого влияния на быстроту и успешность исторического развития. Приложите эту мысль к жизни отдельной личности и вы увидите ясно, что ребенок нуждается в знаниях, а не в правоучениях. А как только сообщаются какие-нибудь знания, каким бы то ни было образом и по какому бы то ни было поводу, так уже начинается образование и самостоятельное умственное развитие будущего человека. Чем раньше начинается это образование и развитие, тем лучше. Воспитание же должно продолжаться только до тех пор, пока не начнется образование. Как бы ни были разнообразны приемы воспитания, но все они могут быть приведены к двум главным типам: к воспитанию розгой или к воспитанию авторитетом. В первом случае воспитатель говорит ребенку: «Делай это и это, или я тебя высеку. Не делай того и того, или я тебя высеку». Об этом случае распространяться нечего. Во втором случае воспитатель приобретает себе безусловное доверие ребенка и потом уже просто говорит ему: «Делай это, не делай того». Ребенок повинуется из любви и уважения к воспитателю, но в этом нет ничего хорошего. Воспитатель говорит: «Это хорошо, а то дурно», и ребенок запоминает это, — и в этом также нет ничего хорошего. Все возможные правоучения сводятся на последнюю формулу с той только разницей, что они бывают обыкновенно гораздо длиннее и утомительнее. Во всех этих правоучениях нет ни одного аргумента, ни одного такого доказательства, которое ребенок мог бы сам проверить или, по крайней мере, понять. Все делается на память и на веру. Стало быть, для мысли нет никакой пищи, и самостоятельность будущего человека остается

совершенно незатронутой. Поступать таким образом с ребенком позволительно только тогда, когда он ещё не может воспринимать знаний. Если годовалый ребенок лезет на горячий самовар, тогда, конечно, его прежде всего следует оттащить в сторону, но и тут можно ему позволить прикоснуться к самовару кончиком пальца. Опыт не пропадает даром. Но когда ребенок уже говорит и рассуждает, тогда заставлять его верить на слово совершенно недобросовестно. Отцы и гувернеры, матери и гувернантки обыкновенно поступают таким образом, потому что им лень объяснить ребенку причины разных своих распоряжений или перечислить ему возможные последствия его собственных поступков. Кроме лени, есть еще причина, именно, неумение или даже невозможность объяснить ребенку, почему появляются приказания или запрещения. В кодексе нашей житейской морали почти все вопросы решаются безапелляционно словами: «нравственно» или «безнравственно», «прилично» или «неприлично», «приятно» или «неприятно». Спросите: почему? — и вам не ответят, потому что причины действительно не имеется. Когда ребенок сталкивается с одним из таких вопросов, то его осаживают одним из вышеприведенных решительных слов. Он это запоминает, и таким образом его дрессировка продвигается понемногу вперед. У нас принято воспитывать, т. е. действовать авторитетом до тех пор, пока есть какая-нибудь возможность поддержать авторитет. Теперь, я думаю, будет понятно, почему я говорил, что воспитывать следует как можно меньше и что воспитание уже в самом раннем возрасте может и должно уступать место образованию. Воспитание ставит воспитателя между ребенком и окружающей природой, а образование ставит ребенка в непосредственные отношения к этой природе. Воспитание заставляет только повиноваться, а образование учит будущего человека жить и распоряжаться своими силами. Я думаю, нет надобности доказывать, что образование может и должно начинаться с первого проблеска мысли в ребенке и что оно во всяком случае, даже у нас, начинается гораздо раньше первого книжного учения.

ИЗ СТАТЬИ „РЕАЛИСТЫ“

...Кто дорожит жизнью мысли, тот знает очень хорошо, что настоящее образование есть только самообразование и что оно начинается только с той минуты, когда человек, распростившись навсегда со всеми школами, делается полным хозяином своего времени и своих занятий. Университет только в том отношении и лучше других школ, что он представляет учащемуся гораздо больше самостоятельности. Но если вы, окончивши курс в университете, отложите всякое попечение о вашем дальнейшем образовании, то вы по гроб жизни останетесь очень необразованным человеком. Кто раз полюбил науку, тот любит ее на всю жизнь и никогда не расстанется с ней добровольно. А кто знает науку так мало, что еще не успел привязаться к ней всеми силами своего существа, тот не имеет ни малейшей причины считать себя образованным человеком. Надо учиться в школе, но еще гораздо больше надо учиться по выходе из школы, и это второе учение, по своим последствиям, по своему влиянию на человека и на общество, неизмеримо важнее первого. Стало быть, кто хочет содействовать успехам образования, тот должен прежде всего обращать внимание на то учение, которое производится после школы, вне школы и помимо школы...

Уважаемая редакция!

Мой шестилетний брат очень плохо выговаривает звук «к». Расскажите, как нам с ним заниматься.

В. САВИЦКАЯ

Московская область

Уважаемая товарищ Савицкая!

Дети нередко затрудняются в произнесении звука «к» или всей группы заднеязычных звуков: «к», «г», «х». Иногда это естественная возрастная особенность детской речи, и она потом исчезает, а порой это стойкий недостаток, устранение которого требует специальных систематических занятий.

Расскажем кратко, как можно научить ребенка правильно произносить «к», «г», «х».

При правильном образовании звуков «к», «г» губы и зубы разомкнуты, расстояние между ними меняется в зависимости от следующего за звуком гласного. Кончик языка упирается в нижние альвеолы или несколько отодвинут назад. Спинка языка сильно выгнута и плотно прижимается к нёбу. Выдыхаемая струя воздуха с силой прорывается между нёбом и спинкой языка («к», «г» называются «смычными, взрывными, мгновенными»). Звук «к» глухой, произносится без участия голоса, а звук «г» — его звонкая пара. При произнесении звука «г» выдох менее напряженный. Звук «х» также глухой, произносится без голоса. При образовании этого звука плотного смыкания не возникает, а между выгорбленным языком и нёбом есть только щель, сужение (звук называется щелевым, произносится не мгновенно, а длительно).

В речи детей звуки «к, г, х» иногда или отсутствуют, пропускаются или заменяются другими, чаще всего переднеязычными: «к» произносится как «т», «г» как «д», «х» как «т». Ребенок произносит: «Татя» (Катя), «тутушка» (кукушка), «дусь» (гусь) и т. д.

Иногда достаточно только несколько раз произнести звук четко, выразительно, даже подчеркнуто, и ребенок, подражая, сразу начинает правильно выговаривать его. Если это не удалось, для выработки правильного произношения «к» с успехом может быть использован следующий механический прием: ребенку предлагается многократно произносить слоги: «та-та-та», а кончик языка в это время пальцем (ипателем, палочкой, ручкой зубной щетки, черенком чайной ложки и т. п.) слегка прижимают книзу и немного отодвигают в глубь рта, назад. Язык при этом отодвигается, спинка выгибается, прижимается к нёбу. Постепенно получается «та-тя-к-к-к». Иногда упражнение сразу же да-

ет эффект, а иногда необходимо повторить его в течение нескольких дней.

По мере упражнений постепенно палец убирается, и ребенок начинает произносить звук самостоятельно, без механической помощи.

Подобным образом «г» получается от звука «д»: ребенок произносит «да-да-да», при нажиме на кончик языка получается: «да-дя-гя-га». Звук «х» получается от «с»: «са-ся-хя-ха».

При первой же удаче надо обратить внимание ребенка на то, какой получился звук, и сразу же попросить повторить его. Четкий, правильный звук закрепляется, автоматизируется в разнообразных сочетаниях — в слогах, словах, фразах. Предложите малышу придумывать самому слова с данным звуком, называть картинки, отвечать на вопросы и т. д. Полезны, например, скороговорки: «У киски мягкие лапки. Клава клала лук на полку» и т. д.

Неплохо использовать при работе зеркало, чтобы ребенок мог видеть разницу в артикулировании звуков. Нельзя, чтобы занятие утомляло малыша, нельзя принуждать его заниматься, если он не хочет.

Если результаты самостоятельных занятий невелики, целесообразно обратиться к педагогу по исправлению речи — логопеду.

Рекомендуем познакомиться со следующими пособиями: В. И. Городилова и Е. И. Раина «Воспитание правильной речи», М., Учпедгиз, 1961; А. Д. Филиппова и Н. Д. Щуравина «Говори правильно», Учпедгиз, 1963. Кроме того, рекомендуем просмотреть четкий номер журнала «Здоровье» за 1966 год.

С. ШАХОВСКАЯ,

кандидат педагогических наук

Что такое пневмония и что нужно делать, чтобы уберечь ребенка от этого заболевания (моему ребенку год и семь месяцев)?

В. ДОРОФЕЕВА

Архангельская область

Уважаемая товарищ Дорофеева!

Пневмония — воспалительное заболевание легких, возникающее самостоятельно или как осложнение других болезней.

Возбудителями пневмонии являются некоторые виды микробов (пневмококки, стрептококки, стафилококки), поселяющиеся на слизистой оболочке полости рта, верхних дыхательных путей, в легочной ткани. Но само по себе присутствие в организме этих микробов еще не вызывает

воспаления легких. Заболевание возникает лишь в тех случаях, когда сопротивляемость организма, его устойчивость к вредно действующим факторам внешней среды значительно ослабевает. Так, причинами болезни может быть переохлаждение ребенка или ослабление организма заболеваниями, поражающими преимущественно дыхательные пути: грипп, корь, коклюш. Присоединение пневмонии к острым инфекционным заболеваниям у детей осложняет течение основной болезни.

Если лечение проводилось небрежно (что, естественно, бывает в тех случаях, когда родители не обращаются к врачу и ограничиваются «домашними средствами»), если ребенок страдает рахитом, экссудативным диатезом или просто физически слаб, воспаление легких может повторяться и в конечном итоге привести к развитию хронической пневмонии. В свою очередь, повторные и хронические пневмонии могут вызвать задержку физического развития ребенка во все периоды детства и нарушения функций не только органов дыхания, но также сердечно-сосудистой и нервной системы. Одно из опасных последствий повторных и хронических пневмоний, перенесенных в раннем детском возрасте, — нередкое развитие у детей старшего школьного возраста и у взрослых другого серьезного заболевания легких — бронхэктатической болезни.

Сказанного вполне достаточно, чтобы стало ясным, насколько важно предупредить возможность заболевания пневмонией у детей. Основа профилактики этой болезни для новорожденных и детей первых месяцев жизни — создание для них полноценных гигиенических условий в широком смысле этого слова. Речь идет о неукоснительном выполнении всех рекомендаций по правильному вскармливанию ребенка, по соблюдению его режима сна и прогулок. Предупреждению пневмонии у детей раннего возраста будет способствовать профилактика рахита, расстройств питания, а также простудных заболеваний.

Главное в профилактике хронической пневмонии у детей дошкольного и школьного возраста — всестороннее закаливание организма, регулярные занятия физкультурой. Особого внимания требуют дети с хроническими катарамии носоглотки и дети, часто болеющие бронхитами. Для них, помимо специального лечения, обязательна и специализированная дыхательная гимнастика, комплекс которой может рекомендовать лечащий врач или врач кабинета лечебной физической культуры при поликлинике.

Л. КЕЛЬШТЕЙН,

кандидат медицинских наук

Дневник отца

Рисунки
А. Беслика

1966 г., 21—29 июля

Мы в другом городе, в гостях у родственников. На новом месте Валию словно подменили: плохо ест, просит гостинцы, которые мы привезли, капризничает. Вообще-то надо было бы заранее ей разъяснить, как следует вести себя в гостях. Но этого не сделали, и теперь меня ее капризы не на шутку рассердили.

* * *

Когда легли отдыхать, Валия вдруг спрашивает: «Что я тебе сделала?» (С этим «взрослым» раздражением.) Говорю, что она не слушается. Этот ответ ее, видимо, не удовлетворил: переспросила дважды. За столом опять раснапризничалась, не ест. Пригрозил, что, как приедем, все расскажу маме. На Валином лице безразличие, обида, упрек — все вместе. Отошел от нее — все съела сама. Значит, нашла коса на камень.

* * *

Капризы продолжаются. У одной знакомой тети выпросила куклу, играть с нею не стала. Делает многое из расчета на похвалу. Нет того уважения и другим и себе, какое у Вали было раньше. Вот факт: дети не только приобретают что-то, но и теряют. Думаю, что Валия сейчас проходит какую-то критическую точку своего развития. Помимо всего прочего, это связано и с ее возрастом: девочке скоро будет 5 лет, начнется второй период раннего детства. Сейчас Вале нужно дать больше самостоятельности. И, следовательно, дать ей возможность самой расплачиваться за эти действия. Пусть ее учителями будут уже не только родители, но и сама жизнь, «естественные последствия» сделанного.

Вывод напросился сам собой. Я сказал Вале: «Ты мне испортила весь отпуск. Мне стыдно за тебя. Ты меня не слушалась, ты сама перестала считать меня папой. Поэтому и я тебе больше не папа». Это произвело на нее сильное впечатление. Глядит с удивлением.

Так мы стали на новые «жизненные позиции». Обращается: «папа» — не отвечаю, не разрешаю так себя называть. Сам не обращаю на нее внимания. Присматривается ко мне, робко ласкается, хочет чем-нибудь угодить. Нет, этому теперь я не верю! Ни в чем ей не помогаю, ничего не требую — все сама делает. Утром встала, быстро оделась, сама хорошо поела. Спокойна, никаких капризов. Просит пообедать. Потом была веселая игра и — «Не хочу спать». Но тут же пошла спать — после обеда. В общем все как рукой сняло. Это работает «взрыв».

Почему-то стала петь песни (поет Валия редко). Это «Там вдали, за рекой» и приду-манные ею песни вроде:

Море, море,
почему ты плывешь рекою?
Матушка моя,
море, море,
сколько тебе лет?
— Пять с половиной.

Даю Вале наказ: «Приедем к маме, все ей расскажешь, как себя вела. Подумай, что будешь говорить».

3—5 августа

Как приехали, Валия ничего маме не сказала, заплакала. Бабушке только сказала: «Не хотела идти на речку». Утром бабушка поговорила с ней, поругала. Мы же с матерью заявили: «Не будем с тобой разговаривать, не зови нас мамой и папой». Ответила неожиданно: «Ну и не надо». (Теперь ведь у нее бабушка есть!) Но все время настороже, смотрит на нас испытующе, видимо, новое положение ее все время тревожит. Растрогала меня: нашла и подала галстук, когда я собирался уходить. Маме советует надеть боты: на улице дождь. Вот-вот, это и надо: учись уважать родителей! Ведет себя спокойно, серьезно, без капризов.

* * *

Повеселела, когда приехал дедушка. Все время с ним. Встретившись со мной, робеет, лицо виноватое и растерянное. Видит, что все это серьезно. Прощения не просит. Один раз схватила за руку: «Папа, я видела футболистов!» Я молча отодвинул ее от себя. С дедушкой шалит, дурачится. Часто повторяет при нас: «Дедуля — моя радость», «Я — дедулин хвостик». (Подхватила сказанное бабушкой.) Все это что-то вроде психологического давления на родителей. В то же время, конечно, тут есть и искренняя признательность дедушке, который один остался ей близок в эту трудную минуту.

* * *

Сегодня дедушка ушел за грибами, поэтому Валия все время с бабушкой, помогает ей шить. Говорит: «Папа спит...» Забылась, подбежала к матери: «Мама, а ты знаешь...» Смутилась, пошла к бабушке: «Бабуля, а ты знаешь...» Просится в кино. Ей говорят:

Продолжение. Начало см. в № 9 и 10 «Семьи и школы» за 1967 год и в № 1, 2, 6 за этот год.

«Спроси у папы». Подошла ко мне, я не обращаю внимания. Отошла, говорит: «Я боюсь». Потом: «Я не пойду в кино. Может быть, картина неинтересная, страшная».

Наконец, помирились, когда Валя сказала: «Хочу, чтобы у меня снова были папа и мама». Сами как-то дали ей знать, что можно помириться. Обнимались, радовались от души: «Теперь у нас есть дочка Валеchna. Не огорчай нас». Никакого морализирования: и так все понятно. В глазах у Вали еще какая-то боязнь, будто она не верит, что все кончилось. Показывает нам свои игрушки, угостила конфетами. Эта «операция», конечно, была нелегкой и для нас. Она продолжалась четыре дня. Одной любви и ребенку — мало. Необходимы еще хладнокровие, стойкость, мужество. Такая «операция» была у нас только один раз. Можно сказать, что больше серьезных конфликтов с Валей не было.

6—11 августа

В поведении Вали появилась предупредительность. Послушна. Сегодня просится: «Можно я поеду с дядей на автомашине? Он меня знает». Говорю: «Но я ведь его не знаю, не сяди». После этого спокойно говорит детям: «Я не поеду, мне папа не разрешает». Или: купил Вале краски, она уже легла спать после обеда, встала посмотреть. Велел ей идти спать. Хотя и не хотелось, пошла: «Ладно, после сна погляжу».

Задумываюсь: послушание — так ли уж оно необходимо?

Да, необходимо, если мы хотим вырастить культурного человека, а не какой-нибудь бурьян. Конечно, тут есть опасность: можно развить слепое повиновение, безволие. Но без послушания развивается своеволие, этот не менее опасный род рабства (говорят: «Раб своих страстей»). Надо сочетать свободу ребенка с дисциплиной. И то и другое — очень важно. Иногда тут что-то может «перетягивать», но в принципе здесь должно быть равновесие, разумное единение двух этих начал.

13—19 августа

Отпуская Валу во двор, мать предупреждает: «Не бесись». Валя говорит стоящим у дверей подружкам, словно предупреждая: «Только не буду беситься». Слышу, как кто-то ее спрашивает: «Ну как, Валя, хорошо отдохнула? Где лучше: здесь или там?» — «Здесь лучше». Подружки, знакомые, свой коллектив, все привычное — как это важно! Никаких напризов, спокойно и весело, все время занята чем-нибудь.

Убедился: когда работа еще похожа на игру — Валя ее делает с радостью. Но, например, как только покупка хлеба стала для нее уже обязанностью, а не развлечением, так она стала сразу тяготиться ею. Любопытно, что хочет скрыть свое нежелание. Значит, понимает, что это нехорошо. (Опять: знать и даже понимать — это еще так мало!) Пошла за хлебом и вернулась: «Ножкам больно, дорожка колет» (она босиком, а на дорожке насыпали щебенку, собираются асфальтировать). Туфли не надевает: «Они жмут, у меня мозоли...» Все это так и есть. Но все же спрашиваю: «Скажи правду, тебе не хочется идти за хлебом?» Ответила тихо, потупившись: «Да». Рассердился: «Так только лентяйки делают и обманщики. Ведь все люди работают. Мама на работе, я посуду мою. И ты помогать должна». Согласилась. Надела тапочки и охотно побегала за хлебом. Думаю, что тут сыграло свою роль не только и не столько разъяснение, сколько требование.

Вот так: и игре одно отношение, и работе — другое. И, по-видимому, интерес к игре «сам собой» не может превратиться в интерес к работе, как и игра не может просто «перерасти» в работу. Мы думаем нередко, что ребенок трудится, а он на самом деле всего лишь играет. «Всего лишь» — это потому, что главная черта работы — обязательность, обязанность.

20—23 августа

Длительной дружбы с кем-нибудь из детей у Вали еще нет. Круг ее «близких» — 6—5 ребят, чуть старше или моложе ее, среди них два мальчика. Пожаловалась: «Мальчишки забрали мою тетрадоchку и хотели мешать нам играть». Советую: «А вы потом, когда встретите того мальчика, скажите: как тебе не стыдно, отдай». — «А как я их узнаю, они все одинаковые. Без маек, босиком, все на одно лицо?»

Любимым местом игры стал уголок двора, где у них «дом» — на досках. Каждый что-нибудь приносит: кухонную посуду, старую плитку, пузырьки. Изредка спрашиваю, как играли. «Я была мамой, Вова и Сережа — папы, детки — куклы. Потом девочки были детками. А дом я делала». — «Отцы чем занимались?» — «Только катались на велосипеде и ели». Рассказывать про свои игры вроде стесняется.

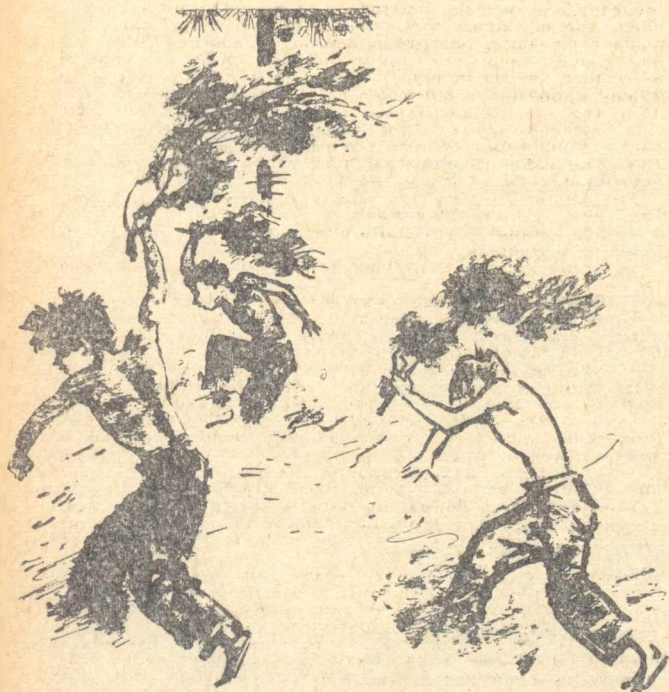
24—31 августа

Как-то пожаловалась: «Папа, меня Галя обижает». — «А она большая?» — «Нет, маленькая, вот такая». — «И ты на нее жалуешься?!» Поняла. И вот сегодня сообщает с гордостью: «Я одного мальчика поборола, больше меня. Это потому, что я стала больше есть хлеба. И лепешек. Там же мука». Вообще стала самостоятельнее. Мы ей внушаем: «Скоро тебе пять лет, ты уже большая». Чуть что — не перечим: «Делай, как хочешь, ты теперь самостоятельная». После этого задумывается и делает обычно как надо, не своевольничает. Несомненно, стоит показывать ребенку, что его жизненная позиция в какое-то время серьезно меняется. И права, и обязанности уже другие.

ЛАБИНСКИЕ НОВЕЛЛЫ

Михаил ГРЕШНОВ

ПРОСТО ЦАРАПИНА

Мальчишкам в нашем краю раздолье: лес, горы, река. Потому и растут они крепкими, звонкоголосыми и конопатыми до последней возможности. Пашка Ваев, Толик Давыдов, Федя Холоп — все походят один на другого, точно воробьиные яйца... Наверно, это от солнца. Взгляните, как оно рябит на реке, на лесных дорожках, когда пробьется сквозь листья и ляжет на землю желтыми дрожащими пятнами — чем не веснушки?..

За рекой, поднявшись плечами в небо, стоит гора. Называется она Крутая. Зимой с нее сползают лавины, летом синими дугами падают водопады. Гора очень высокая, даже в августе на ее вершине лежат снежинки. Только в это время они бывают серыми: снег подтаивает, превращается в скользкий зернистый лед — фирн. Если взять его в горсть и бросить в воздух, он рассыплется, как градинки.

Лето и снег! Крутая тянет ребят и себе. Их тянет фирн — слово знают они от туристов, тянет ледяная вода в озерах, синяя и прозрачная, точно небо. Если лечь на живот, сложить козырьком ладони и глянуть в озеро — увидишь скалу, уходящую вглубь, таинственную, как сказка. От этого страшновато, но тут-то и есть самая прелесть!.. А хотите покататься на снежинке? В самый август — по снегу? Делается это просто: сядишь на плоский камень, скользишь по скату. Немножко поправишь ногой...

Трое мальчишек возвращались домой с черникой. Черника растет высоко, пока залезешь, тем более, спустишься, — пройдет целый день. К ужину ребята запаздывали. Солнце садилось, заливало реку желтым горячим светом. Солнце било в глаза, и мальчишки не заметили стелющийся огонь, пока не наткнулись прямо на него. Бледные змейки переползли по бурьяну, по травинкам, кое-где обходили кусты; под черной раски-

дистой пихтой, подпрыгивая, лизали жухлый, свисающий до земли белый мох.

— Пожар! — крикнул Толик.

Огонь шел от реки к лесу. Будто солнечный блеск, отразившись от водной глади, плеснул на берег и зажег бурьян.

— Воды, ребята! — Толик высыпал ягоды из ведра, крикнул Павлику. — Заходи из-под пихты!

Павлик сразу сообразил, сломал ветку калины, стал хлестать пихту, сбивать мох-бородач.

Толик и Федя уже зачерпнули воды, плескали под ноги. От земли потянулся пар и тяжелый дым. До этого дыма не было видно: стояла сушь, огонь шел спокойно, не торопясь, заглывал только сухое. Теперь, когда его стали сбивать, он зачал, начал плестись паром.

— Не пускай его, не пускай, Пашка! — Толик командовал, как заправский пожарный.

Павел старался воем, исхлестал ветку, сломил другую, огонь с дерева сбил. Толик с Федей метались от реки и обратно. Но скоро поняли: бегать так — значило терять время. Тоже сломали ветки.

— Так его! — приговаривал Федя, затапывая огонь, — из всех троих он один был в парусиновых туфлях.

— Не пускай за дорогу! — кричал ему Толик. Тропинка помогала ребятам. Пламя падало, дойдя до голой полоски.

— Ага! Не пройдешь!..

Ребята зажали огонь между рекой и тропинкой, чувствуя, что они сильнее.

— Давай! — подбадривали себя.

От этого становилось весело. Мальчишки видели, что они победят, бесстрашно бросались на огненных змей. И змеи начали исчезать. Они уже не ползли дальше, шипели, кружились на месте и пропадали, точно уходили под землю. Только дым обозначал места, где они исчезали. Но это было не страшно. Ребята бегали по черной горячей земле, — майки они с себя сняли, чтобы за них не спросили дома, — орудовали ветками бузины и ольхи. Мягкие широкие листья расхлестывали дымные очаги. В отдельных гнездах еще таились искры, но змей уже не было.

— Фу!.. — мальчишки отирали с лица пот и грязь.

Выгорела поляна метров на двадцать от берега, столько же вниз по реке. Но туда, где начинались пихты, огонь не прошел. Ребята стали спинами к лесу, прикрывая его. Они казались себе великанами после боя, все им было по плечу, — не покажется ли снова огонь?..

— Кто же его зажег? — спросил Федя.

— Может, само загорелось?

— Само не может, — сказал Толик, — кто-нибудь бросил сигарку.

Обошли каждый куст, загасили все, что могли загасить. Возле реки наткнулись на погасший костер.

— Рыболовы!

— Или туристы.

— Если бы туристы — были бы банки из-под консервов...

— Верно, — согласился Федя. — Были бы банки.

— Что если дядя Гриня — он тут ловил форель?

Залили костер, хотя он давно погас и не представлял никакой опасности. Вылили два ведра — от него все... Сели передохнуть. Все-таки здорово у них получилось! Каждый чувствовал усталость и гордость. Не подоспей они вовремя, что бы тут делалось!.. Поглядывали на темный притихший лес. Здорово, здорово! — звенело у каждого в сердце. А теперь надо идти домой. Но тут Толик сказал:

— Не поверят.

— Что не поверят? — переспросили ребята.

— Еще и ремня асыпят...

Федя и Павлик смотрели друг на друга в недоумении.

— Не поверят, что потушили, — спокойно ответил Толик. — Скажут — сами и подожгли.

— Да ну-у... — протянул Федя.

— Вот те и ну. Мой батя определенно скажет. Поговоришь с ним, когда он всегда нетрезвый...

— Так что же — не говорить? — спросил Федя.

Ему хотелось похвастать, как они тушили пожар — такая возможность! Упустить случай было обидно. Его так поверит. И ребята поверят. Вот с Толькиным пай... А если пойти к нему всем и сказать...

Но Павел встал на сторону Толика:
— Я тоже ничего не скажу.
— Так и подумаю, — рассуждал Толик, — баловались — загляди. Нам же и достанется.
Мальчики помолчали. И правда: как бы не попасть в неприятность.

— Жарко... — сказал Павлик, решив, что разговор о пожаре кончен.

Поплескались у берега. Намочили майки в воде: так прохладнее. Собрали чернику. С сором, но ничего, можно сказать — расслапили.

Тропинка уже чуть виднелась между кустов. Дома ужинали, когда Толик с ведром вошел в комнату.

— Ты что, время не знаешь? — накинулась на него мать. — Еще и мокрый, как хлюст! Майку снимил..

Толик, чтобы не раздражать родителей, снял с себя майку. Отец шумно потянул носом воздух, отложил ложку в сторону.

— И штаны мокрые, — продолжала мать. — Речку переходили бродом? Утопнете где-нибудь.

Толик заговорил о чернике — больно высоко пришлось лезть за ней. Отец перебил:

— Дымом воняешь, как копченый судак. К смолонуркам ходили?

— Ходили... — ответил Толик, видя в этом кос-каную возможность на случай осложнения разговора.

— А это что?

На боку у мальчишки длинной полоской краснел ожог. Вполыхал, когда тушили пожар, Толик не заметил его, потом влажная майка смягчила боль. Теперь, когда отец показывал на жарко-багровую полосу, Толик сам увидел ожог. И, сказать по правде, чуточку растерялся.

— Царапина... — сказал он.

— Какая царапина, — уличал родитель, — ожог! Сколько раз говорил — не ходи к смолонуркам!

— Об ветку, папа, оступился и — раз...

— Я вот возьму ремень, будет тебе — раз... — перебил отец. — Сколько говорил — не ходи к смолонуркам!

Но ремень отец не снимал, сидел и бранился: предпринимать энергичные действия после ужина ему было лень. Это придало Толику смелости:

— Царапина, пап, — утверждал он. — Погляди — просто царапина!

МИНА

Таню разбудил гул мотора. «Самолет...» — подумала она и натянула одеяло на ухо. Но гул слышался рядом, за стеной дома. Он удалялся и приближался, не давая спать. И тогда Таня вспомнила: это бульдозер пашет землю на огороде.

Поселок стоит в лесу. Там, где дома, лесу, конечно, нет, его срубили. Но повсюду остались пни — белеющие, на каждом можно построить комнату и играть в куклы. Пни и на огородах. Поэтому землю не пахут плугом — в корневищах не пробьется никакой плуг, — а разгребают гусеницами, поворачивая бульдозер направо и влево. Так пахали у Крыжиных. А сейчас пахут в их огороде. Надо обязательно посмотреть: одно дело у Крыжиных, а другое — у себя дома.

Таня встает, надевает платице, тапки. Пока она это делает, проходит время. А еще надо узнать, вернувшись ли папа и что готовит мама на кухне. Из двери комнаты Таня видит папины сапоги, значит, из командировки приехал. Мама крутит мясо на мясорубке, будут котлеты, — день начинается обыкновенно...

Но когда Таня приходит к этому выводу, шума уже не слышно — бульдозер ушел.

Ну и ладно. Таня садится на скамеечку возле дома. Солнце только что поднялось над лесом, теплые лучи глядят лицо и руки. Все кругом зелено первой апрельской зеленью, и на траве поблескивают бусинки. Если бы их собрать — сколько было бы цветных шариков: красных, синих, зеленых... Но Таня знает, собрать их нельзя. Они неуловимые. Как только протянешь руку, они исчезают, оставляя на пальцах воду. На них можно только смотреть. И Таня смотрит, чуть покачивает головой — от этого блестящие переливаются, их становится больше.

Тане четыре года. У нее синие глаза, смешные маленькие носики. И совсем нет сознательности. Таня, по крайней мере, считает ее брат Саша. «Несознательная...» — говорит он, когда Таня не делится с ним игрушками и конфетами. Саша кончает первый класс, и ему, конечно, виднее, кто сознательный, а кто нет. И хотя слово, наверное, дразнительное, Таня не обижается: пусть его...

Когда качать головою и смотреть на блестящие наскучивает — все равно в руки их не возьмешь, — Таня

естает и идет к огороду, просто так, поглядеть. Огород взрыт, лежат выдернутые из земли корни. Таня смотрит на них: они точно как ветки. Если дерево перевернуть, то ветки, наверно, станут корнями, а на прежних корнях вырастут листья, — одними корнями дерево растет вниз, а другими вверх...

Но тут внимание девочки привлекает вывернутая вместе с землей железка. Она похожа на рыбу: заостренная голова, длинное тело и плавники. И еще она похожа на самолет, только без крыльев. Хвост — как у самолета... Железка почти вся наверху, нос поднялся, смотрит в небо, только хвост чуть присыпан землей. Таня отпихивает железку, разгребая землю руками. Самолет это или рыба — игрушка привлекает ее внимание, такой ни у кого нет из подруг... Ее можно положить в уголок, между кроватью и сундуком, прикрыть нунлиным одеялом, чтоб не увидел Саша. Обязательно он будет просить железку себе... Таня поднимает находку — тяжело! — прижимает обеими руками к себе.

— Таня! — слышит она над ухом и вздрагивает от неожиданности. — Что у тебя?..

Это Саша. Он уже тут как тут. Заметил ее находку. Таня еще крепче прижимает к себе находку.

— Это мина! — устрояющим шепотом произносит Саша. — Сейчас же брось!

«Как бы не так, — думает Таня, — брошу, а он схватит и уберет».

— Дай сюда! — Саша хватается мину, тлнет к себе.

Таня вырывается у него и ревет протестующе. По опыту она знает: Саша не переносит рева, в крайнем случае на помощь приходит мать.

— Что ты делаешь?.. — говорит Саша тем же ужасным шепотом. — Это же мина — убьет!.. — Глаза у него круглые, он еще раз пытается вырвать находку.

Таня опять ревет, окончательно утвердившись в мнении: если Саша не отстанет, значит, железка ценная и, значит, Таня не отстанет ее ни за что. Пусть ищет другую.

— Услышит папа, — говорит Саша, — он тебе даст, как собирать всякую дрянь. Реви громче...

Таня смолкает. Дойдет до папы — не одобровать. Саша же она не отстанет, а папа разговаривать долго не будет.

— Не хочешь отдать, — говорит Саша, — покажем дяде Ивану.

Саша хитрит. Татьяну он знает: она не только упрямая, но и собственница. Мину у нее не возьмешь, разве что оторвешь с руками. Лучше смануть ее к дяде Ивану, — тот придукает, как отобрать мину.

Дядя Иван — секретарь сельсовета. Он приходил в школу, рассказывал ученикам, как на Лабе были немцы. Немцев прогнали, но они после себя оставили смерть — бомбы и мины. Дядя Иван показывал планет, какими бываю мины, просил ребят, если найдут что-нибудь похожее, пусть руками не трогают, сообщат ему. У Татьяны в руках мина — как она не поймет этого!

— Пойдем, — убеждает Саша. — Дядя посмотрит. Если игрушка стоящая, оставит тебе.

Татьяна поглядывает на брата. Она довольна, что он не вырывает из рук находку. Дяде Ивану показать можно, и Люська увидит, ее подружка. Таня соглашается идти, тут ведь недалеко: через огород, перелезть изгородь.

Они идут по пахоте. Таня прижимает к себе железку. Саша возмущен и ругает ее последними, какие только знает, словами. Конечно, не вслух: еще раскиснется, нука. В то же время Саша следит за нарядом ее шаго. Не то чтобы он боялся — он никогда не видел, как взрываются мины, — но в душе у него беспокойство. «Вцепилась клешнями...» — думает он про Татьяну.

Помогает ей преодолеть изгородь, перелезть там, где коровы разбили плетень, даже придерживает за локоть, чтобы сестра не упала. Наконец, они входят к секретарю его двор.

Дядя Иван завтракал в летней кухне с женой и двумя детьми. Когда Таня, подталкиваемая Сашей, появилась на пороге с миной в руках, дядя Иван половником разливал суп, жена, тетя Надя, кормила грудью ребенка. Первой увидела мину она.

— Ах... — ахнула женщина, прижав младенца к груди, другой рукой пряча за себя Люську. — Иван...

Дядя Иван глянул на дверь, куда смотрела жена, и половник с супом застыл у него в руке. Кап-кап... — капали на клеенку капли.

— Дядя Иван, — первым заговорил Саша. — Таня на огороде нашла мину.

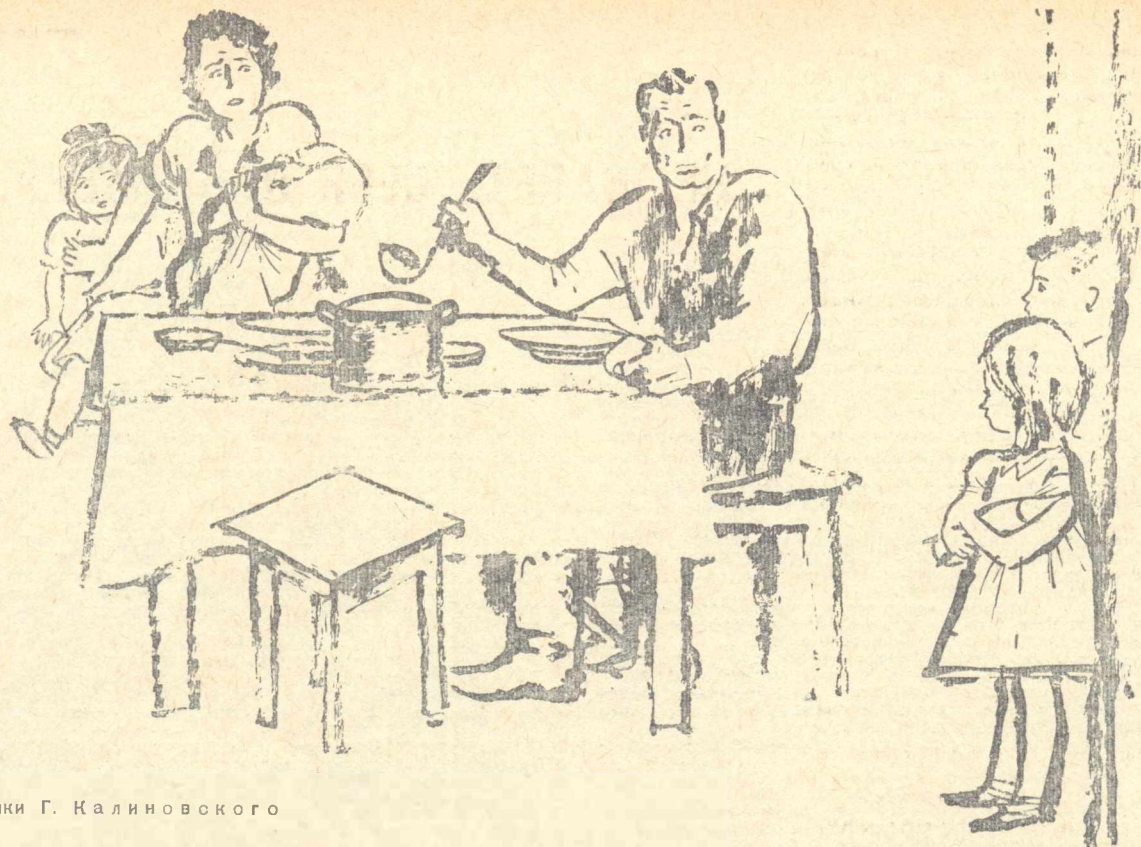
Таня стояла, прижав мину к себе, хмуро поглядывала на всех.

— Я говорю — дай, — продолжал Саша. — Да разве у нее, жадины, отберешь?

Таня почувствовала себя оскорбленной, еще больше насупилась.

— Гм... — сказал наконец дядя Иван. — Детка...

Татьяна оценивала обстановку. Испуганная жена дяди Иванова ей не нравилась, и то, как Саша начал рассказывать, тоже не нравилось. И сам дядя Иван с половником не нравился. Ей хотелось повернуться, уйти домой. Саша втянул ее в дело, которое ей не по нраву. Чего

Рисунки Г. Калиновского

еще ожидать от брата, если он хотел отнять у нее находку силой?.. Зря поддавалась на его уговоры: спрятала бы куда-нибудь в куст, а потом перенесла бы в комнату...

— Детна... — повторил дядя Иван, откашлявшись. — Ты мне покажешь игрушку?

Из-за стола он не встал, разговор велся на расстоянии.

Таня подняла на него синие глазищи, решала: показать находку или не показывать. От ее решения зависело все дальнейшее.

Понимал это и дядя Иван. Все ему было ясно: девочка нашла мину, брату не отдаст. Начнешь отнимать — выронит на порог, на камень. Чудо, что мина до сих пор не взорвалась. Может, девчонка держит ее так, что спусковой механизм находится в равновесии?.. Иван примеривает расстояние до колодца: если выхватить мину — успеет ли бросить, чтобы она не разнесла всех в клочьи? До колодца метра два с половиной... Мурашки ползут у него по спине. Но Иван не подает виду, ищет, с какой стороны подойти к девчонке.

— Ай-ай-ай! — говорит он. — Какая она грязная, твоя находка, ржавая. Дай-на ты ее мне...

Таня опустила глаза на мину. Верно: железа ржавая, грязная. И платье от нее грязное... Зачем она Саше, если он хотел отнять ее? Зачем дяде Ивану? И если нужна им обоим, значит, ей — тоже!.. А потом эти взрослые: они все делают наоборот. Отдашь дяде Ивану — он сейчас же передаст Саше. Саша окажется в выгоде. Допустить этого Таня не может. У Саши и тан — перочинный ножик, коньки, купленные зимой. Мало ли чего нет у Саши?.. Тут надо подумать.

Мина не пугала ее нисколько. Все это дело — страх тети Нади и то, что они сюда пришли, подстроил Саша, чтобы выманить у нее игрушку. Вон и Люська паялит на находку глаза...

— Иван, — толкала ногой под столом тетя Надя. — Иван...

Женщина не в силах сказать ничего больше — завороченно глядит на мину. Встать и уйти. Надо же пройти мимо!.. А куда денешь Кольку и Люську?

— Иван...

Секретарь искал, как договориться с хмурой синеглазой девчонкой. Чувствовал, что подходить надо издали — у него ведь тоже двое со своими напризами.

— Как же ты назвала игрушку? — спросил он.

Дядя Иван не пошутил на Танину собственность, не вышел из-за стола. Это успокаивало девчонку, можно, пожалуй, ему ответить. Таня сказала:

— Самолет...

— Самолет! — подхватил дядя Иван. — Отчего же он без крыльев? Хочешь, я придумаю ему крылья?

Крылья — это хорошо, размышляла Татьяна. С самого начала ей казалось, что с крыльями будет лучше. Но сумеет ли дядя их сделать?.. Вот он вышел из-за стола — нет ли тут какого подвоха? Таня опять устала на него глазищи.

— Давай, давай, — протянул дядя руку. — Мы ему — враз!

— Не бойся, — подбадривал Саша.

Таня перевела глаза на него: «Ох, уж ты, Сашка...»

— Ну, чего ж ты, чего? — мягко говорил дядя.

Медленно, словно расставаясь с душой, Таня расслабила руки.

То, что произошло потом, заняло полмгновенья. Или Таня неравномерно разжала руки, или дядя Иван не рассчитал, когда взять у нее железу, только мина, как рыба, скользнула головой вниз и непременно тинулась бы в камень, не поймай дядя Иван ее на лету у самых Таниных ног.

— Ложись! — закричал он. Одним движением повалил ребят наземь, прыгнул и колодцу. Что-то вырвалось из его рук, ухнуло под ногами. Над колодцем поднялся синий фонтан...

Если бы кто-нибудь в это время пришел к секретарю сельсовета, он бы увидел, как дядя Иван стоял, опершись о стену спиной, в лице у него не было ни иронии, ни Таня лежала лицом к земле, рядом — Саша. Из кухни, из-под стола, раздавался плач Люськи. Жена дяди Ивана грудью и лицом прижалась к столу, младенец был у нее на коленях. Когда все стихло, она первая подняла голову и сказала бумажным, без выражения голосом:

— Сумасшедшие...

Потом Саша и Таня через огород шли домой.

Сашка, не стесняясь, ругался:

— Дура ты, говорят тебе — мина! Вот уж собственница!

Таня, все еще испуганная, спотыкалась на ночках и не оправдывалась. Так, наверно, и есть: неосознательная она и собственница.

НЕ ЖАЛЕТЬ СЕБЯ ДЛЯ ЛЮДЕЙ...

Хороший сын у Ивана Петровича. Вот взять хоть самое главное для родителей: послушание. Он своего Сережку пальцем не тронул, я знаю — рядом живем. А парень шелковый. И за молоком утром сбегает, и белье в прачечную снесет, и картошки купит. А моего и за хлебом-то с боем выпроваживать приходится. Никакой жалости к матери... И ведь что обидно, ровесники мальчишки, в одном классе учатся, в одном доме живут, нажестся, и мы с Иваном Петровичем одних костей, можно сказать, рабочий класс, вместе в инструментальный пять дней в неделю по утрам топчем, и жены наши на кухне одинаковые щи варят, а дети разные. Нет, вы мне скажите, почему Сережка к родителям лицом стоит, а мой Санька — боком? Может, он секрет какой знает, Иван-то Петрович?

Иван Петрович сердится, когда я спрашиваю его, как переделать Саньку.

— Опоздал ты, брат, — говорит он огорченно. — Человека из ребенка сизмальства делать надо.

И правда.

Сережке было пять лет, когда Иван Петрович отправил жену работать.

— Иди хоть вольным воздухом подыши, Наташа, с людьми побудь. Хватит нам на твоей шее сидеть, — сказал он. — Сами с Сережной хозяйничать будем помаленьку.

— А не трудно будет? — забеспокоилась жена.

— Привыкнем, — успокоил ее Иван Петрович. — Пора уж нам. Ты посуду-то умещешь мыть, Сережа?

— Не-а! — сказал мальчик. — А ты, пап?

— Вот и я не умею. Только ведь мы с тобой страсть какие способные, я думаю, научимся, а, сынка?

— Научимся, — обрадовался Сережка. — Давай сейчас прямо учиться!

В семь лет Сережка хвастался во дворе: «А у меня три бабушки! Папина, мамина и бабушка Ариша. Мы к ней осенью картошку копать поедем».

Бабушка Ариша была им не родня, а вовсе чужая, мать погибшего фронтового друга Ивана Петровича. Славный тот парнишка крепко любил мать, и, когда он погиб в одном из боев в 1942 году, Иван Петрович стал посылать ей письма, регулярно сообщая о себе. Вернувшись с войны, он поехал к ней, предварительно известив телеграммой. Тетка Ариша встретила его на станции, обняла дрожащими руками и припала седой головой к пустому рукаву, громко, по-бабы оплакивая и свою, и его беду. Иван Петрович прожил у нее две недели, помог по хозяйству. Потом он уехал в город, пообещав, что придет

осенью. С тех пор Иван Петрович приезжал к тетке Арише каждую осень один или с женой, а когда Сережке исполнилось семь лет, стал брать и его.

Он без сожаления будил сынишку в шесть часов утра, и они, наскоро позавтракав, отправлялись на дальние огороды. Маленький Сережка с гордостью таскал отцовскую лопату, а Иван Петрович одной рукой нес мешки и корзины. Копал он споро, с одного раза выворачивая на полосу аккуратные горки белых картофелин, а Сережка собирал их в ведра.

— Что, уморился? — хитровато спрашивал отец и смахивал пот с лица. — Ничего, мы же с тобой мужичины... Бабушке-то потрудней было бы, как думаешь?

— Конечно, — соглашался Сережка. — Она же совсем старенькая...

Так, где примером, где ненароком оброненным словом, учил Иван Петрович сына не жалеть себя для людей, всегда подставляя слабому свое плечо.

Однажды там же в деревне, когда Сережка был уже постарше, прибежал он к отцу расстроенный:

— Эх, пап, кино-то отменили. Киномеханик заболел! «Сказание о земле Сибирской» хотели показать...

— А объявление висит, что кино отменяется? — спросил Иван Петрович.

— Теперь уж поздно вешать! — вздохнул Сережка.

— Ты вот что, Сережа, — посоветовал Иван Петрович, — собери-ка ребят и марш по домам. Предупредить людей надо. Ведь они и так после работы устанут, придут в клуб, а тут такое огорчение. Сумеешь?

— И на конец деревни идти? — спросил Сережка.

— А как же! В первую очередь!

— Не пойдут ребята, купаться охота...

— Ну ты уж тогда сам, сынка, — твердо сказал Иван Петрович. — Надо ведь? Как ты думаешь?

— Надо...

Иногда отцовская доброта оборачи-

валась для Сережи не совсем понятной стороной.

Раз, когда отец с сыном шагали по улице, к ним, покачиваясь, подошел пьяный:

— Слышь, друг! — сказал он и заискивающе тронул за локоть Ивана Петровича. — Дай двадцать копеек, опохмелиться надо... Душа горит...

Иван Петрович гневно взглянул в бесцветные глаза пьяного.

— Не дам, — сказал он резко. — Есть, а не дам. Пошли, Сергей!

— Эх, инвалид, двугривенный пожалел, — плаксиво сказал пьяный. — Сердце у тебя каменное.

Сережке стало стыдно. С удивлением посмотрел он на отца. Иван Петрович поймал этот взгляд и еще больше нахмурился. Лицо его стало жестким. Молча дошли они до дому. Только еще раз Иван Петрович искоса взглянул на сына, но Сережка упрямо опустил глаза. Молча вошли они в дом, молча сели за стол.

— Что случилось? — спросила мать, подавая борщ. — Ваня, Сережа, да что с вами? Уж не поссорились ли?

— Разногласия у нас! — сказал Иван Петрович. — Ведь разногласия, а, Сережа?

— Да, — сказал Сережка и взглянул на отца.

— Осудил, значит?

— Осудил!

— Так... Значит, решил: пожалел отец двадцать копеек...

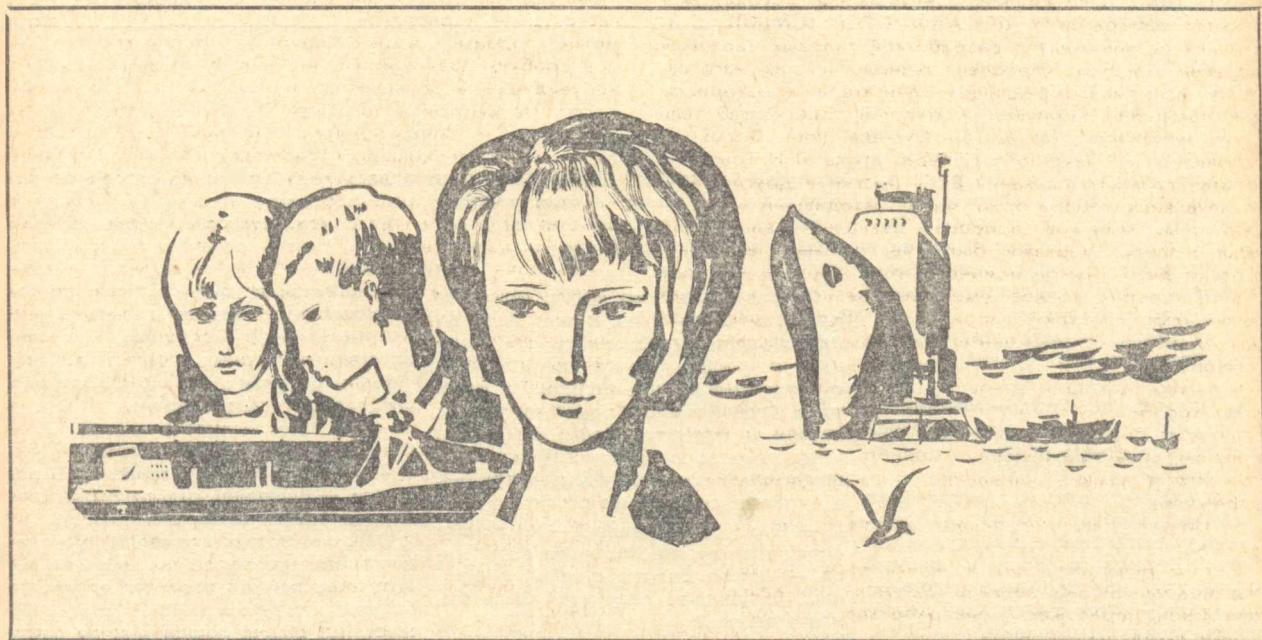
— Да, а если мне его жалко... — неуверенно уже сказал Сережа.

— Жалко! — Иван Петрович встал, прошелся по комнате. — Жалко! Может быть, и мне легче было бы его пожалеть, Сережа, куда легче... Отдал двадцать копеек, и совесть чиста.

Пей, милый человек, за здоровье доброго Ивана Петровича, лежи в луже, теряй облик человеческий... Ты глаза-то его бесцветные, пустые запомнил? Это их водка, сынок, вытравила. Жалостливые люди ему водочку подсовывали...

Поговорил бы с ним кто-нибудь вовремя покрепче, глядишь — и стал бы на ноги человек!

Вот так и воспитывает сына Иван Петрович.

МОРЕ МЕЧТАТЕЛЕЙ И ТВОРЦОВ

Девочка жила в большом городе, ходила в школу, любила смотреть кино и мечтать о будущем. Как миллионы девочек, ее сверстниц, она хотела выбрать самую замечательную профессию. Она хотела стать капитаном. И когда в школе был организован кружок юных моряков, первой записалась в него... У каждого человека должно быть любимое дело. И большая беда, если он так и не сумеет найти свое призвание.

Но как открыть его?

У каждого это бывает по-разному. Разве обязательно мальчик, выросший на берегу моря, должен стать моряком, а девочка, привыкшая с детства к полям и лу-

гам, — дояркой или агрономом. Мир многообразен, и каждый человек как бы заново открывает его для себя, отыскивая в нем необычное, романтическое.

Книги по морскому делу, занятия в кружке юных моряков, стремление во всем следовать первой и единственной в нашей стране женщине-капитану дальнего плавания А. И. Щетининой — вот что стало для Тамары смыслом жизни. Море было далеко, но от этого желание стать капитаном только крепло.

Однако мечта стать капитаном так и осталась мечтой... из кружка все же пришлось уйти: стало плохо со зрением.

Стремительно, стайкой быстрокрылых ласточек пролетели школьные годы. Отгремела война — с воем сирен, карточками, бомбоубежищами, эвакуацией. Многие товарищи по кружку, так и не став капитанами, ушли на фронт... некоторые из них не вернулись. А они так мечтали о море!

«Неужели и я изменила своей мечте?! — не раз ду-

ШКОЛА
ОБЩЕСТВЕННОСТИ

мала Тамара, слушая лекции в торфяном институте.— Но ведь все говорят, что море не женское дело. А удел женщин...»

...Тамара ушла из торфяного.

— Почему? Вот чудачка! Получила бы диплом. А теперь что делает?

— Чертежницей на какой-то станции...

Рядом с Центральной станцией юных техников, где Тамара Соколова работала чертежником-конструктором, в 1949 году была создана Центральная морская модельная лаборатория ДОСААФ СССР (ЦММЛ). Сотрудники ее занимались разработкой типовых чертежей моделей морских кораблей, технологией их изготовления, испытывали различные двигатели и материалы для постройки корпусов и деталей. Здесь работали такие энтузиасты, как Д. Л. Сулержицкий, моделист-баталист, сын известного Сулера, друга Л. Н. Толстого; капитан дальнего плавания В. П. Врагин и другие. Както начальник лаборатории, часто заходивший на станцию юных техников, попросил девушку сделать чертежи модели. Чертежи были несложные. Через несколько дней Тамара принесла их и увидела на столе ЦММЛ корабли, точнее, уменьшенные копии их. Здесь были шлюп «Восток», героический «Варяг», легендарная «Аврора», современные линкоры и пассажирские лайнеры.

В памяти девушки с новой силой ожила мечта детства. Корабли уже не стояли на столе, а бежали по волнам. И она была капитаном. Море вдаль сливалось с небом, сине-зеленое, неугомонное...

— Что с вами? — удивленно спросил начальник лаборатории.

— Ничего, так, — поспешно ответила она и отвернулась...

С того памятного дня начались упорные занятия в судомодельной лаборатории. Девушка оказалась очень способной, через месяц она работала в ЦММЛ.

...Судомодельная лаборатория Киевского районного Дома пионеров помещается на Кутузовском проспекте. Большая комната показалась мне немного тесной. Наверное, оттого, что вдоль стен на шкафах с журналами стоят модели судов и кораблей, а вся комната заставлена верстаками и станками. А может, оттого, что, когда я туда пришел, там увлеченно работали сразу около 30 ребят самого различного возраста.

Руководитель лаборатории Тамара Григорьевна Соколова встретила меня радушно.

— У вас всегда так многолюдно? — спросил я.

— В группе не менее 15 человек, но приходит значительно больше. Всего групп четыре. Эти самые младшие.

— Также ваш ученик? — указал я на высокого парня лет 22.

— Бывший, — сказала Тамара Григорьевна с улыбкой. — Сейчас он студент МАИ. Но вот заходит, не забывает. Строит новую модель... — Соколова не успела договорить.

— Тамара Григорьевна, моторчик не запускается! Тамара Григорьевна, а правильно я сделал дейдвуд? Тамара Григорьевна, как вырезать рули? Тамара Григорьевна...

Нас окружили ребята. Они пытливно смотрят на руководителя, и маленькая черноволосая женщина в белой вязаной кофте словно преображается. Горячо и вдохновенно объясняет она школьникам тонкости кораблестроения.

Стремление ребят к творчеству поразительно. Откуда идет эта увлеченность, почему первоклассник, зевающий порой на уроке труда, в судомодельной лаборатории готов работать без усталости и допоздна?

Я спросил об этом Тамару Григорьевну, а она вместо ответа кивнула на большую модель, стоящую на столе:

— Ничего?

Я видел эту модель на выставке в городском Дворце пионеров и школьников. За нее воспитанники Соколовой получили награду. Модель восхищала многих. Но я так и не мог понять почему. Судно было похоже на пассажирский лайнер.

Я сказал об этом Тамаре Григорьевне. Она задумалась:

— Понимаете, я всегда, строя свои модели, представляю, как бы они выглядели в море, если бы были настоящими кораблями. К копиям исторических судов можно подойти с вашей меркой, а модели простых судов требуют фантазии. В них нужно вложить то, чего не увидишь на больших судах. К этому я и призываю ребят. Не смотрите под ноги, а устремляйтесь вдаль. Впрочем, это мало понять, надо увидеть. Приходите летом на соревнования судомodelистов. В плавание сразу отправляются десятки, а то и сотни моделей. Вы не представляете, что это за зрелище. Там особенно заметен почерк каждого конструктора и капитана. Совсем как на море...

Соколова взглянула в окно. На ее лице появилось выражение мечтательности, даже грусти. О чем думала она в тот момент? Вспоминала ли своих бывших воспитанников... Одни из них, как В. Соловьев, А. Овсянников, А. Евдокимов, стали мастерами спорта СССР, неоднократно чемпионами страны по судомodelному и другим видам спорта, другие — капитанами, трети — судостроителями...

Представляла ли летние соревнования, где снова будет упорная борьба, горячие споры... Прошлым летом один из учеников Тамары Григорьевны принес модель подводной лодки, на которой не было ни пушек, ни пулеметов, ни ракет. Судьи уже хотели поставить «баранку» и сделать выговор руководителю, как все это тут же появилось: корабль был приведен в боевую готовность.

Неуловимым жестом поправив пышные волосы, Тамара Григорьевна внезапно превратилась в задорную любознательную девчонку. А в это время в лаборатории строгаи, пилили, стучали. Все было увлечены работой, но когда обращались за помощью к Тамаре Григорьевне, окидывали меня недовольными взглядами: «Чего, мол, пристал, мешаешь только...»

— Вы спрашиваете — почему я это люблю? Да я сама себя уже пятнадцать лет об этом спрашиваю. А вот словами не могу передать. Знаете, всегда при виде корабля по-прежнему захватывает дыхание. И хочется, чтобы он был еще красивее. Видимо, то, что раз поразило в детстве, живет в человеке всю жизнь.

Я невольно улыбнулся. Тамара Григорьевна продолжала:

— Трудно нам, женщинам, быть моряками, капитанами, но море любить можно по-разному. В 1949 году на первых Всесоюзных судомodelных соревнованиях, знаете, кто оказался впереди всех с моделью яхты? Москвичка Зоя Майорова. А в Ленинграде многие моделисты инженерами работают, а увлечения своего не бросают. И у меня девочки занимаются. Не хуже мальчиков работают. Но не в том дело. — Тамара Григорьевна сдвинула брови. — Как помочь ребятам найти свое призвание? Это сейчас главное. Вот мы и делаем все для того, чтобы они стали мечтателями и творцами и каждый из них нашел свое море.

За окнами вечерняя Москва сверкает огнями. Попробуйте сейчас остановить пешехода и сказать ему, что в сером доме на Кутузовском проспекте плещет море, настоящее море. Он, наверное, сочтет вас шутником, а если вы будете настаивать, даже сумасшедшим.

Но я сам видел это море и ребят, к которым оно пришло.

Бойцы с улицы Бойцовой

О черк

Рисунки Е. Соколовой

Как-то зимой в Сокольниках во время соревнований на приз «Золотая шайба» на трибунах среди болельщиков оказался и старший тренер «Спартак» Евгений Майоров. Вообще-то в этом не было ничего особенного: Сокольники давно стали оплотом «Спартак». И Вячеслав Старшинов, и братья Майоровы из Сокольников. Здесь они учились в школе, здесь играли в хоккей.

В тот день был один из рядовых матчей. Казалось, именитый клуб «Сокол» легко одолеет никому не известную команду 311-й школы. Но время шло, а забросить шайбу «Соколу» все не удавалось. И постарше возрастом были ребята из «Сокола», и техничнее, а шайба не шла в ворота. И болельщики, как назло, подбадривали школьников:

— Бойцы, шайбу! Бойцы, шайбу!

— Бойцы... — улыбнулся Евгений Майоров. — Верно болельщики их называют! Замечательные бойцовские качества у этих ребят. Они из 311-й? Удачно прозваны! Великолепная физическая подготовка, упорство, самоотверженность и хороший спортивный азарт. Конечно, техники маловато, сырые. Но зато все одинаковы. Бери любого и работай с ним...

Когда закончился матч, прославленный хоккеист подошел вместе с ребятами к седому высокому человеку. Он не забыл Владимира Ивановича. И не мог не удивиться: ведь когда они с братом учились в школе, Владимир Иванович уже был в летах. Сколько же ему теперь? Впрочем, такие люди не стареют.

Владимир Иванович — учитель физкультуры. Но не только известные спортсмены — бывшие его ученики —

люди самых различных профессий могли бы сегодня с благодарностью позвать руку Владимиру Ивановичу Липману. И они почувствовали бы, что рука эта по-прежнему крепка и сильна, они увидели бы, что их учитель, как прежде, легко работает на кольцах, брусьях, турнике и голос его все так же звучен, а энергии — хоть отбавляй.

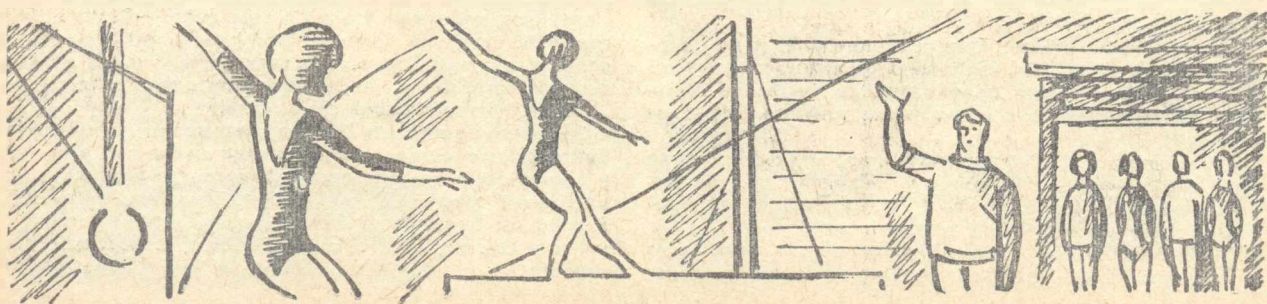
Никто не поверит, что этому человеку в прошлом году исполнилось семьдесят. Ученики, да и сам Владимир Иванович полагают, что настала вторая молодость в его жизни.

Он уже был на пенсии. И не потому, что утомился, а вот — пришли годы, решил уступить место тем, кто помоложе. И, как часто это бывает на покое, сразу почувствовал тяжесть прожитых лет.

— Этак ведь и состариться недолго! — сказал Владимир Иванович своей жене. — Не будет мне добра от тихой жизни!

И включился в общественную работу. Организовывал людей на строительство дворовых спортплощадок. Сам рыл заступом землю, утрамбовывал, зимой заливал натки. Так бы и остался он добрым пенсионером-общественником, если б не случай.

В 1965 году вступала в строй новая школа № 311 на Бойцовой улице. Еще не был укомплектован учительский состав. И директор Александр Сергеевич Сирота не раз обращался в роду с просьбой прислать помощников для подготовки классов и кабинетов к занятиям. Однажды он просил прислать челомена, который помог бы оборудовать спортзал.

— Только пришлите, пожалуйста, опытного. Оборудование новое...

— Опытнее Липмана и быть не может, — ответили в трубку. — Ему скоро семьдесят...

Директор в спешке, вместе со всеми носивший спортивные снаряды, все искал взглядом старина, которого ему обещали прислать. Но срочные дела отвлекли директора, и только вечером он снова зашел в спортивный зал.

Все уже было на своих местах. А посредине стояла лестница. И под потолком, на лестнице, Александр Сергеевич увидел седого и сухоощавого спортсмена, который налаживал гимнастические кольца. Оттолкнувшись от лестницы, он повис на кольцах, сделал несколько сложных упражнений, подтянулся на разведенных руках, затем, перекувырнувшись в воздухе, легко соскочил на мат и сказал с мягким прибалтийским акцентом:

— Хорошо!

— Товарищ Липман? — спросил директор.

Познакомились. Пошли в кабинет директора.

— Если подробно рассказывать мою биографию, надо много часов, — с улыбкой сказал Владимир Иванович.

И все же Александр Сергеевич узнал, что Липман — латыш, с первых лет революции — красногвардеец. Бил Колчана, сражался на Перекопе... А с середины двадцатых годов преподает физкультуру. И почти все время здесь, в Сокольниках, где Владимира Ивановича отлично знают.

— Я всегда любил школу, любил детей. Приходилось заниматься в трудных условиях, не было хороших спортзалов и площадок. А у вас такая школа! Такой спортзал! — с нескрываемой завистью говорил Владимир Иванович, разводя руками и покачивая головой. — Я всегда мечтал о том времени, когда уроки физкультуры можно будет проводить в таких замечательных условиях...

— Ну что ж, пусть мечты сбудутся, — сказал директор. — Я предлагаю вам работать у нас.

— Это серьезно?

— Вполне.

— А я стеснялся вас попросить об этом...

Условия для занятий физкультурой и спортом в 311-й школе замечательные. Прекрасный, светлый спортивный зал с гимнастическими снарядами, достаточное количество мячей, обручей, лыж, коньков... Рядом со школой — спортивный городок. В спортивный комплекс входит и беговая дорожка, и тренировочное поле, волейбольная и баскетбольная площадки, теннисные корты... Эта территория была специально запланирована при постройке школы. Как только позволяет погода, занятия переносятся на свежий воздух.

Преподаватель физкультуры такой же учитель, как и другие. Он воспитатель. И на его долю выпадает огромная ответственность — развивать физические возможности детворы, прививать навыки спортивных занятий, любовь к спорту. К сожалению, у нас в школах не все-

гда еще к урокам физкультуры относятся так же, как к урокам по другим предметам. Некоторые считают: физкультура — это так, для отдыха, для того, чтобы поразмяться. Грустно, что сами ребята порой не любят эти уроки и бегут с «физры».

Мы долго беседовали обо всем этом с Владимиром Ивановичем.

— Глупенькие! Они даже не представляют себе, как много терпят, не занимаясь физкультурой. Мне иногда жаловались преподаватели других школ, что дети неохотно занимаются, но я виню здесь больше всего самих преподавателей...

— И, наверное, надо винить родителей.

— Только во вторую очередь, — грозит пальцем Владимир Иванович. — Вы слышали когда-нибудь, чтобы преподаватель физкультуры устроил родительское собрание?

— Нет. Не приходилось слышать.

— А я устраивал. Когда необходимо было объяснить родителям все значение моих уроков для физического развития и для воспитания детей.

— Зачастую родители «жалуют» ребенка. Ссылаются на то, что он нездоров.

— К таким жалобам преподаватель должен быть внимателен. Но это не трудно выяснить — стоит лишний раз послать ученика к врачу. Среди родителей бытует мнение, что физкультура — предмет не обязательный. Что он не для всех... Кто хочет, мол, занимается. А кто не хочет — валлет дурака. И не без основания они так думают. Потому что есть преподаватели, которые заинтересованы в нескольких способных ребятах, а до остальных им и дела нет...

— Вопрос о массовости и рекордизме?

— Да. Но ведь ответ на этот вопрос дает уже само название наших уроков: физическая культура, а не спорт. Обязательных уроков «по спорту» в школах нет. Есть кружки, секции... Следовательно — массовость! Моя задача — стопроцентный охват учащихся.

Не было случая, чтобы с урока физкультуры в 311-й школе кто-нибудь ушел без уважительной причины. Надо посмотреть на лица ребят во время занятий. Они серьезные, как и на любом другом уроке. Ребята занимаются с увлечением. Все собраны, старательны.

И в этом заслуга Владимира Ивановича, всегда аккуратно выбритого, причесанного, подтянутого. Он серьезен и строг, никаких шуточек и прибауточек.

Урок проходит интенсивно и насыщенно. От простых упражнений к более сложным, от сложных снова к простым. Чтобы не чувствовалось усталости, чтобы не было переутомления. Часто урок состоит из разучивания элементов различных спортивных игр: движения рук и ног при беге на лыжах и на коньках, при игре в баскетбол, движения корпуса при боксе, плавании.

— Я всегда вношу в занятия эти элементы, но никогда не заменяю их игрой, — тихо говорит мне Владимир Иванович, пока ребята выполняют упражнение. — Уроки

физкультуры так коротки. А я хочу, чтобы они за сорок пять минут получили дозу общего физического развития, укрепили себя, развили в какой-то степени деятельность всех мышц. Выполнять всякие простенькие подьемы рук, приседания, прыжки ребятам скоро наскучит. Вот и ввожу элементы из спортивных игр. Это и полезно и интересно.

Владимир Иванович никогда не одергивает ребят.

— Неосторожный окрик или едкое замечание может отбить у мальчика или у девочки охоту заниматься, — говорит он. — И ничего не будет получаться, руки и ноги станут непослушными... Ничто не воспринимается детьми горше, чем указание во всеуслышание на их физический недостаток. Я думаю, что ученики скорее простят учителю, если тот в запальчивости скажет, что у тебя, мол, котелок не варит. Но если учитель физкультуры при всех скажет, что у тебя, мол, живот таной большой, что ты и согнуться не можешь, — ученик смертельно обидится.

Владимир Иванович предельно тактичен. Во время урока он почти не делает замечаний. Но он бесконечное число раз готов показывать, отрабатывать каждое упражнение. Владимир Иванович умеет точно и красиво показывать. Он чувствует эстетику движения, пластичность. И эти качества он прививает своим ученикам. Может быть, поэтому так много девочек и мальчиков занимается у него в кружке художественной гимнастики.

Но кружковая работа — это внешкольная работа. Главное для Владимира Ивановича — уроки физкультуры.

Он не верит, что кто-то не может заниматься физкультурой. Особенное внимание он уделяет тем ребятам, которые стесняются из-за того, что плохо развиты физически. Для них отведено специальное время — по субботам. Владимир Иванович тратит максимум сил и энергии, добиваясь, чтобы все полюбили физкультуру, развивали свое тело, достигли уровня остальных. Он воспитывает в них мужество. Борется с ложной стыдливостью. И очень радуется, когда у ребят начинается что-то получаться.

— Это уже похоже на дело! — весело говорит он.

И в журнал Владимир Иванович выставляет таким ребятам завышенные отметки.

— За старание! — говорит он мне. — Старание надо особо ценить!

Я хотел уточнить у Владимира Ивановича, на каких соревнованиях и по каким видам спорта школьники особенно удачно выступали. Но он перевел разговор на другое. Говорил о том, как важно подготовить ребят к службе в армии.

— Да-да! Это особенно нужно в связи со снижением призывного возраста...

Я понимаю Владимира Ивановича. Для него не имеют такого уж большого значения личные рекорды нескольких человек. Он думает обо всех. Он хочет, чтобы они выросли мужественными бойцами, которых ничто не сломит в жизни.

Н. БУГАЕНКО,

председатель совета общественности
домоправления № 32 Ростова-на-Дону

Вглядываясь в душу ребячью...

Редакция предлагает вниманию читателей отрывок из доклада председателя совета общественности домоправления № 32 Ростова-на-Дону. На Всесоюзных «Педагогических чтениях» этот доклад был премирован.

Большое место в нашей работе занимает индивидуальное шефство над «трудными» подростками. Каждому из них мы решили помочь найти настоящую дорогу в жизни. Примеры, которые я приведу, показывают, насколько плодотворно такое шефство, если, конечно, у шефа хватит терпения, выдержки и такта довести эту нелегкую и кропотливую работу до конца.

Учительница-пенсионерка Ирина Савельевна Котенджи взяла индивидуальное шефство над двумя учащимися четвертого класса: Альбертом и Мирой.

Краткая характеристика Альберта: плохая успеваемость, недисциплинированность. Каждый год выдворялся из лагерей за воровство и плохое поведение, не раз побывал в детской комнате милиции. Ленивый, но живой и способный мальчик. Причины запущенности: семейные раздоры, бестактность и беспомощность в вопросах воспитания, неавторитетность отца, отсутствие у родителей педагогических знаний. Возникла необходимость одновременно работать и с родителями. Ирина Савельевна стала часто бывать в доме мальчика, чтобы лучше узнать его и родителей, хорошо изучить обстановку, в которой Альберт живет. Отцу дала прочитать книжку «Отчего возникают недостатки в характере школьников и как их исправить» и попросила всерьез подумать, почему мальчик оказался запущенным.

Через неделю опять пришла к отцу. Книжку, конечно, он не прочитал, даже не знает, где она. Нашли ее на шкафу. А Ирина Савельевна через несколько дней снова пришла. Отец сказал: «А знаете, это очень интересно». Естественно, заявление отца окрылило ее, и она в непринужденной беседе провела подробную консультацию по вопросам семейного воспитания.

В следующие посещения она рассказала о поощрениях и наказаниях в семье, о значении домашнего режима школьника, об авторитете родителей... Помогла организовать правильный распорядок дня Альберта, его рабочее место, попросила родителей о каждом срыве дисциплины сообщать ей, о том же попросила и классного руководителя. Был организован постоянный контроль за учебой и поведением мальчика. В первые же дни намечилось улучшение. Но вдруг узнали, что он, помогая буфетчице переносить продукты, взял без разрешения пирожок. Это дало повод для выяснения, как домашние заботятся о питании сына. Оказывается, родители не давали ему денег на завтрак и он был голоден. Ирина Савельевна посоветовала родителям заплатить за горячие завтраки, давать деньги, когда весь класс идет в кино. Предложила родителям хотя бы изредка ходить с мальчиком на прогулки, в кино, в театр, цирк. Отец увлекается рыболовством, и Ирина Савельевна посоветовала брать мальчика на рыбалку.

Уроки мальчик готовил у Ирины Савельевны, под ее наблюдением. Она исподволь изучала его вкусы, интересы, узнавала о прочитанных книгах. Выяснила, что у него способности к слесарному делу. Ирина Савельевна предложила родителям обратиться на это внимание и посоветовала купить конструктор и слесарные инструменты. Купили. Мальчик был в восторге. Теперь все дни его заполнились полезным делом. Постепенно начали привлекать его к выполнению домашних работ. Он охотно помогал маме по хозяйству, даже бывал доволен, почувствовал, что ему доверяют.

Мальчик стал успешней учиться. Ирина Савельевна похвалила его, сказала, что он может учиться хорошо и отлично, но для этого нужно уметь сдерживать себя, владеть собою, без чего трудно добиться цели. Отправляя его летом в лагерь, Ирина Савельевна напутствовала советами, что читать и как себя вести. Обещала после возвращения устроить его в судомодельный кружок во Дворце пионеров, но с условием, если в лагере он будет дисциплинированным. И в первый раз Альберт благополучно вернулся из лагеря. Пионервожатая даже похвалила его и поцеловала на прощание.

Согретый теплотой и вниманием, мальчик с начала учебного года очень хорошо занимался, посещал кружок во Дворце пионеров, работал там с увлечением. Учительница отмечала его успехи в учебе и дисциплине. Первую четверть Альберт закончил успешно: поведение 5, по предметам только две тройки.

Мира — девочка совсем другого склада. Очень слабая, избалованная, изнеженная неправильным воспитанием, никого не слушала, была эгоистична, капризна. Нормального режима нет: девочка ложится спать в 11 часов вечера (смотрит телевизор), встает в 10—11 часов дня. Ленива. Уроки никогда не успевала делать, самостоятельно вообще не могла с ними справиться.

Ирина Савельевна прежде всего посоветовала обратиться к врачу. У Миры оказалось сильное малокровие, и ее начали лечить. Затем был введен строгий режим дня, занятия чередовались с прогулками. Скоро девочка стала бодрее, у нее появился аппетит. Уроки она теперь готовила с 8 до 10 часов утра под наблюдением

Ирины Савельевны и постепенно приучалась к самостоятельной работе. Девочка повзрослела, почувствовала твердую почву под ногами, а когда ей стали поручать небольшую работу по дому, у нее появился даже интерес к ней. Мира заинтересовалась и книгами, рекомендованными воспитателем. Родителям Ирина Савельевна посоветовала держаться твердых, единых требований, внимательно слушать по радио беседы о воспитании детей в семье.

Обстановка в доме Миры заметно изменилась к лучшему.

Ребят, которые нуждаются в помощи общественности, очень много. Иногда приходится прибегать к крайним мерам. Интересен в этом отношении случай с Ваней, учеником седьмого класса. Мальчик дома заласкан, и все для него и за него делалось другими. Он вялый, безынициативный, мысль его спит. Ведет себя в школе хорошо, но это никого не радует, потому что учится плохо, ничего не может запомнить. Долго думали, что с ним делать, и пришли к выводу — изолировать на время от семьи. Одна из наших общественниц, пенсионерка Надежда Мартыновна, с согласия родителей забрала мальчика к себе. Родителям она разрешила приходить в определенные часы, домой мальчика отпускала только в воскресенье.

В своем доме она установила строгий режим дня, сначала помогала заниматься, проверяла его работу и добилась того, что он стал сознательно относиться к учению и самостоятельно готовить уроки. Одновременно начала приучать его к физической работе. Мальчик оживился, повеселел, апатия у него исчезла. Но в семью ходил неохотно, домашняя обстановка явно не удовлетворяла его. Однажды мать пришла раньше назначенного времени и увидела, как он нес в дом наколотые им дрова. Она рассердилась на воспитательницу: почему, мол, заставляете мальчика делать то, чего дома ему не разрешают. Пришлось разъяснить, как полезен и необходим физический труд.

Много занималась Надежда Мартыновна и духовным развитием Вани: читала ему интересные книги, заставляла его самого читать. Ходили вместе в кино, театр, на прогулки. Воспитательница раскрывала Ване смысл виденного, приучала его вдумываться в прочитанное.

Так нормальная, здоровая обстановка, где труд сочетается с разумным отдыхом, буквально возродила мальчика и привила ему вкус к насыщенной, содержательной жизни.

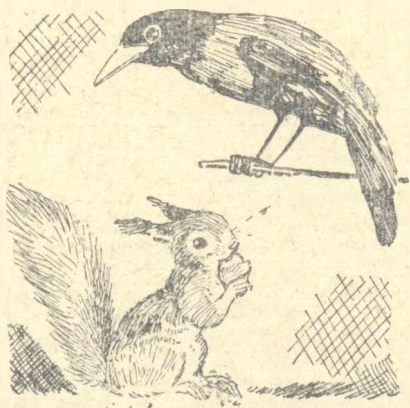
Борьбу за каждого ребенка мы считаем важнейшей задачей общественности домоуправления. Основной результат: уже год в нашем микрорайоне нет ни одного правонарушителя среди подростков. «Трудные» ребята еще остались, но постепенно число их уменьшается.

Неплохих результатов в работе с детьми и родителями удалось добиться благодаря сплоченности всего коллектива совета.

Ближайшая задача совета общественности — широко разернутая работа с родителями. Помимо того что родительский педагогический всеобщ будет проводиться в школах, на предприятиях, в домоуправлении, мы запланировали организовать уголки педагогической пропаганды в тех домах, где есть домовые советы.

Мы решили установить связь с активом родителей по школам, взять под контроль улицы нашего микрорайона в вечернее время, чтобы предотвратить случаи хулиганства.

ИЩУ ЖИВОЙ УГОЛОК

Сейчас много пишут о любви к животным. Модная тема. Читаем, усваиваем, учим своих детей: надо любить животных. Но любовь бывает разная. Кто-то из писателей сказал: легко любить человечество, трудно любить конкретного человека. То же самое можно сказать и о животных. Чаще всего наша любовь к ним не требует никаких усилий, не вызывает волнений и тревог. Мы любим павлина и зеленую мартышку в зоопарке, зубра и сайгана в заповеднике, медвежонка ноала где-нибудь в Новой Зеландии. Зоопарк рядом, можно взять туда ребенка в воскресенье, телевидение покажет нам Аскианию Нову или Беловежскую пушу, кинохроника перенесет в другое полушарие. Посмотрели, поулыбались, поудивлялись — и до следующего раза.

Так сказать, абстрактная любовь. Но можно и по-другому. Можно поселить животное рядом с собой — не тигра и не крокодила, конечно, а кого-нибудь попроще, к примеру белую мышь или бундуна. Ухаживать, убирать грязь, приручать, лечить.

Вот это будет любовь конкретная. Призывы любить животных подхватывают очень легко до тех пор, пока они ни к чему не обязывают. И наоборот, сразу десятки отговорок будут выложены в ответ на предложение завести дома какую-нибудь живность — хотя бы ради детей.

Вам скажут: надо покупать корм, чистить клетки, выпускать погулять, носить к ветеринару. И потом, вдруг зараза какая-нибудь, глисты или еще что.

Давайте сложим все это на одну чашу весов, а на другую ляжет доброта — та самая, что воспитывается у маленького человека, если он чувствовал на своей ладони хрупкие лапки снегиря, если морская свинка радостно повизгивала, услышав его шаги за дверью, если белка лезла к нему в нарван за орехами.

Конечно, доброта перевесит. Труды, затраченные на уход за животными, окупятся сторицей (я уже не говорю, что и сам труд ведь воспитывает).

Но трудно рассчитывать, что этот аргумент заставит родителей тут же бежать в зоомагазин и расхватывать для своих детей хомяков и морских свинок. И поэтому обращаюсь не столько к родителям, сколько к учителям.

Для начала сравню две выставки птиц. Одна была организована в павильоне «Юный натуралист» на ВДНХ,

другая — в выставочном зале на Кутузовском проспекте. Участниками первой были школьники Москвы, второй — просто любители птиц.

И что выяснилось? Миллионная армия московских школьников не смогла конкурировать с двумя-тремя десятками любителей. Кстати, невольное сравнение этих экспозиций и послужило толчком к данной статье, хотя выставки проходили в разное время и отнюдь не с целью соревнования.

Я пошел в школы. Не специально, нет. А так — иду, вижу (иногда, захожу, спрашиваю: «Скажите, у вас есть живой уголок?»)

Обошел школ двадцать. Арифметика чрезвычайно проста. В половине школ живого уголка нет совсем. А то, что есть в другой половине, только с большой натяжкой можно назвать живым уголком. Пара белых мышей. Или аквариум. Или черепаха. Морская свинка. От силы три-четыре живых существа.

Стало ясно, что таким образом искать настоящий живой уголок можно очень долго. Пришлось обратиться к знающим людям с просьбой подсказать адрес хотя бы одной школы, где этим делом занимаются серьезно. «Хотя бы одна школа» (как бы не единственная) была названа. Подмосковный поселок Загорянка, средняя школа.

Будто попал в филиал московского зоопарка или уголка имени Дурова. Белка цепляется за палец крохотными коготками, просит чего-нибудь на зубок. В одной клетке галка Галька, ворона Яшка, сорона Варя (дети научили ее отчетливо произносить свое имя). Голуби разных пород. Павлин. Снегири. Кролики. Обыкновенная крыса, но совершенно ручная. Черепахи. Морские свинки. Гордость живого уголка — макака Гришка. Он старожил школы, живет здесь уже девятый год. Летом ездит в лагерь вместе с детьми, ходит с ними по лесу.

Зародился живой уголок в Загорянской школе лет десять назад. Начали с небольшого — пара хомяков, кролики, морские свинки. Постепенно животных прибавлялось. Выделили специальную комнату, рядом с кабинетом биологии. Во дворе соорудили бассейн, стали разводить нутрию.

В школах, где нет живых уголков, на вопрос «Почему?» отвечают: «А где взять средства?» Опыт Загорянской школы показывает, что особых средств для содержания животных не требуется. Ребята выращивают на пришкольном участке морковь, свеклу, капусту. Косят траву для кроликов и морских свинок. Отходы школьного буфета тоже идут в дело. Да и из дому лакомый кусочек для любимца всегда принесут.

А когда нужны деньги — скажем, для покупки зерна птицам, — продают в зоомагазин приплод морских свинок.

Так что отговорка насчет средств недействительна.

Дети очень любят своих питомцев. Почти всегда в живом уголке кто-нибудь есть. Чистят клетки, меняют воду в плошках, выбивают подстилки.

Летом часть животных отправляется в лагерь. Но и те, что остаются в школе, не скучают: ребята приходят каждый день — по очереди, а ярые любители и вне очереди.

Если кто-либо из животных вдруг заболевает, начинается настоящее паломничество. Хотя вывешивая на дверь бюллетень о состоянии здоровья.

И что интересно — многие ученики этой школы завели у себя дома животных и птиц.

Казалось бы, все хорошо. Но даже отсюда я уезжал не совсем удовлетворенным. Дело вот в чем. Организатор и энтузиаст живого уголка Александр Иванович Нишинов перешел на другую работу. Теперь он лишь изредка навещает в школу. А последователей у него среди учителей не оказалось. И трещина наметилась. Отдали кому-то сову, хомяков. Перестали разводить нутрию. Не всегда есть нужный корм.

А почему, собственно, следует уповать только на энтузиастов? Почему нельзя вменить содержание живого уголка в обязанность школы? Если кабинет физики должен быть оборудован соответствующими приборами, если в кабинете химии всегда есть реактивы, колбы и пробирки, почему кабинет биологии в основном обходится чучелами и муляжами? Но дело даже не в том, чтобы дать возможность учителю биологии рассказывать о грызунах, держа на руках живую белку. Дело в том, что любовь к животным — конкретным, осязаемым животным — поможет воспитать доброту в наших детях.

ОТ РЕДАКЦИИ.

В самом деле, почему исчезают в школах живые уголки? В чем причина?

Мы приглашаем читателей на страницах журнала высказать свое суждение об этом, рассказать об опыте организации живых уголков в школах. Ждем ваших писем.

ЦИРК „УЛЫБКА“

Несколько лет назад в школах Харькова были вывешены объявления о наборе в детский цирковой коллектив. И сразу во Дворец пионеров и школьников имени Постышева, где создавался пионерский цирк, потянулись ребята не только из харьковских, но и из сельских школ области. Пришли даже те, которые не испытывали особого пристрастия к цирку, но ощущали в себе нинани артистических наклонностей. Их привело детское любопытство: разве не интересно узнать тайны цирковых номеров, приобрести к искусству силы, смелости, красоты!

Им казалось сначала, что сделать тот или иной трюк можно сразу, без особых тренировок и репетиций. Я видел, как неумело они старались показывать фокусы, подражали клоунам, жонглировали мячами, яблоками, картофелинами и огурцами. После первых неудач некоторые ребята убежденно доказывали, что в мячах и шляпах, которые вращает на пальцах жонглер, есть дырочки. А иначе почему же эти предметы удерживаются у них в руках и не падают на пол? Нужно было рассеять заблуждения ребят, объяснить, что цирк — это не только свет, музыка, аплодисменты, это еще и труд, ежедневные упражнения, тренировки, репетиции.

Многие отсеялись. Зато оставшиеся стали яркими приверженцами цирка. И тем, кто остался, пришлось самим убедиться в том, что цирк — это в первую очередь труд. Занятия наши отнюдь не ограничивались двумя или тремя уроками в неделю, каждый должен был заниматься и дома.

На первых порах очень важно было выявить индивидуальные способности, природные данные каждого кружковца, чтобы правильно определить его жанр.

Готовя первую программу, мы начали с малого. В группе жонглеров, например, научились перебрасывать предметы из одной руки в другую. Потом мы увеличили число предметов до трех и усложнили упражнения с ними. Когда ребята стали легко делать перекидки кольцами и жонглировать тремя-четырьмя предметами, можно было приступить к подготовке группового номера жонглеров.

Маленький акробат Миша Кравченко, освоив стойку на руках, перешел к серии довольно сложных трюков и сделал интересный акробатический номер со своим старшим партнером. Несколько девочек нашли себя в пластико-акробатическом жанре и подготовили солильный номер «научук».

Группа эквилибристов показала трудный и красивый номер: стоя на тумбах и одновременно балансируя на катушках, они жонглировали кольцами, держа на лбу на шестах подносы с наполненными водой стаканами. Затем садились, делали несколько сложных переворотов, вста-

вали, а затем выбивали шесты и ловили подносы со стаканами, не пролив ни капли воды.

Сейчас в пионерском цирке работает шесть групп: акробатики, эквилибристики, жонглирования, велофигуристов, антиподистов (жонглеров ногами), иллюзионистов и клоунады. А скоро цирк пополнится еще группами роликобежцев, канатоходцев и эквилибристов на проволоке.

Большую радость приносят ребятам встречи со зрителем. Конечно, каждое выступление заставляет крепко поволноваться и напряженно готовиться, чтобы не допустить в ответственную минуту не только срыва, но даже малейшей ошибки. Мы даем представления в школах и пионерских лагерях, на заводах, во Дворцах культуры, по харьковскому телевидению. Часть нашей труппы выступала в программе интервидения, показала свое искусство артековцам. Юные циркачи были награждены почетными грамотами и медалями.

Часто случается, сегодняшние зрители завтра становятся участниками нашего цирка. Алик Клец, например, давно мечтавший испытать свои способности в цирковом искусстве, увидев наше представление, попросил принять его в труппу, а вскоре привел к нам своего младшего брата. Алик уже хорошо ездит на моноцикле, легко делает повороты, «восьмерки», держится на месте, достает с пола флажки.

Некоторые ребята, упоенные успехами, явно поддались «звездной болезни». Щедрые восхваления вскружили им головы, и они возомнили себя великими артистами — стали держаться заносчиво, отказывались подносить для занятий реквизит, тщательно шлифовать свои номера. Мы поспешили в короткий срок подготовить им дублеров, и зазнайки поняли, что коллектив может обойтись и без них. Они притихли, стали вести себя скромнее.

Другие, увлекшись занятиями в кружке, начинают забывать об учебе. Тем мы просто предлагаем подтянуться, а до тех пор отстраняем их от занятий в цирке.

Не надо думать, что цирковое искусство станет будущей профессией, делом всей жизни нынешних участников пионерского цирка, хотя у некоторых и обнаруживаются подчас незаурядные дарования. И все же они не теряют времени зря. Навыки и знания, полученные в нашем цирке, наверняка пригодятся им и в быту, и в труде. Регулярные репетиции прививают ребятам ценные качества: легкие и точные движения, хороший глазомер, ловкость, отвагу, выносливость. Вырабатывается трудолюбие, упорство, потому что искусство — это прежде всего напряженный труд.

С. ВЕРТЕЙМ,

преподаватель пионерского цирка
«Улыбка»

г. Харьков

С. ВЕРТЕЙМ СО СВОИМИ УЧЕНИКАМИ

СОРОК И ОДНА

Г. МОГИЛЕВСКАЯ,
специальный корреспондент
«Семьи и школы»

«Моя внучка Светлана говорит:
— Меня все ненавидят, я жить не
хочу!

Каково это слышать?! Помогите
разобраться, подскажите, почему так
получилось», — пишет Лидия Алек-
сандровна Киселева.

...Светлану в Златоусте я уже не
застала: в середине учебного года
бабушке пришлось отправить ее в
деревню к матери. Почему? История
эта совсем не простая.

— Мы Свету на куски готовы были
разорвать за нашу Любовь Василь-
евну, — рассказывает Наташа.

— Из-за нее наша Любовь Василь-
евна чуть не ушла, — объясняет Вова.

Маленькие рыцари — весь третий
класс — выступили на защиту своей
любимой учительницы. Любовь Ва-
сильевну защищали не только ма-
ленькие. В те критические дни, когда
она подала заявление об уходе с ра-

боты, к директору школы Екатерине
Павловне началось паломничество ро-
дителей. Любовь Васильевна то со-
глашалась остаться, то опять отказы-
валась. И горько плакала.

Я имела возможность видеть, как
безудержно плачет Любовь Василь-
евна, как немного ей для этого надо и
как трогательно она при этом выгля-
дит. И все же подумала: если бы Лю-
бовь Васильевна меньше прислуши-
валась к своим настроениям и боль-
ше заботилась о настроении детей,
она легче справилась бы со своими
«обидами». В тот день, когда Любовь
Васильевна не пришла в класс, дети
устроили новой учительнице обструк-
цию. Правда, уже после второго уро-
ка им сказали: «Не шумите, Любовь
Васильевна возвращается». И дейст-
вительно, она снова передумала и
вернулась к своим питомцам. Исто-
рия как будто со счастливым концом.
Впрочем, не для всех. Светлана те-
перь ходила в другую школу, далеко
от дома. И по дороге у нее бывали не-
приятные встречи с прежними одно-
классниками...

Что же все-таки произошло? Чем
Светлана так оскорбила учительницу?
Девочка как девочка... Никого не оби-
жала и училась на четверки...

Но, кажется, пришла пора после-
довательно рассказать о событиях.

В первом классе жизнь Светы тен-
ла мирно. Бабушка следила за заня-
тиями внуки, часто заходила в шко-
лу. Да и как ей не беспокоиться? Рас-
тит-то внуку она, родители Светла-
ны давно разошлись и разъехались.
И Лидия Александровна одна теперь
в ответе — и за учение, и за настрое-
ние, и за здоровье девочки.

Молодая учительница Любовь Ва-
сильевна была разумно требователь-
на, умело учила малышей письму,
чтению, счету. И в игры с ними игра-
ла, и танцевала, и готовила веселые
утренники. «Хорошая у нас учитель-
ница», — говорили родители. Лидия
Александровна тоже была довольна.
— Молоденькая, а, видать, способ-
ная.

Ничто не предвещало неприятно-
стей. Правда, мальчики подобрались
в классе драчливые. Особенно один —
Коля. Но он активно участвовал во
всех выступлениях своего класса,
нравился ребятам, нравился и учи-
тельнице, несмотря на все хлопоты,
которые доставлял ей.

Во втором классе озорной маль-
чишка обратил особое внимание на
Свету. Чаше, чем другим, досаждал
ей назойливостью и колотушками. Ли-
дия Александровна стала замечать:
обычно ровная и веселая, девочка
сделалась беспокойной, грустной.

— Коля бьет, — призналась Све-
та. — Портфелем по голове.

«Что ж, бывает, ребяташи ведь», —
подумала Лидия Александровна. В
другой раз ее удивило: внучка мед-
лит в школу идти.

— Ты что же не торопишься, Све-
та?

— Боюсь, Коля опять поколотит.
Лидия Александровна расстроилась.
У девочки и так детство не очень-то
счастливое. С матерью ей жить
нельзя: отчим — человек грубый, пьет,
устраивает скандалы. А тут еще в
школе девочка обиды терпит. Встре-
тилась с учительницей, поделилась
тревогой:

— Вы знаете наши обстоятельства.
Очень вас прошу, присмотрите за
девочкой.

Любовь Васильевна сделала Коле
внушение. Не помогло. На уроке
труда пустил в ход иголку — стал ко-
лоть девочек. Уколол и Светлану, а
после уроков снова погнался за ней...

— Ваша Света сегодня чуть под
трамвай не попала, — рассказали ба-
бушке соседские ребяташи.

Была я на той улице, видела кру-
той спуск от школы к трамвайной
линии, ясно представила себе, и чему
могла привести Колина «резвость».
И легко поняла, в каком смятении
пришла Лидия Александровна в шко-
лу. Дождавшись конца урока, она на
перемене вошла в класс и сказала
учительнице:

— Любовь Васильевна, еще хуже стало, дело-то вон до чего дошло...

Любовь Васильевна рассердилась. Только странно, почему-то не на Колю, а на Свету. Повернула ее к себе и стала резко выговаривать:

— Ты зачем бабушке жалуешься? Почему мне не сказала?

— Так я же ей не посторонняя, — удивилась Лидия Александровна. — И чем же она-то виновата?

Действительно, очень неприятно, когда в работе что-то не ладится, огорчительно это. Но в таких случаях не полагается срывать досаду на невиновном, а тем более на пострадавшем и еще более того — на ребенке. Как педагог Любовь Васильевна должна была знать не только эту общую истину, но и другое: трудности в воспитании неизбежны. Именно через них, в их преодолении осуществляется полноценное воспитание. Это, как говорил А. С. Макаренко, для педагога хлеб, ибо именно трудности, чрезвычайные происшествия, конфликты открывают воспитателю истину характера, отношений, чувств. Если же воспитатель, столкнувшись с трудным случаем, испытывает только досаду, а не потребность искать новые и новые средства решения педагогической задачи, — значит, нравственно он слабо подготовлен к роли педагога.

Бросив незаслуженный упрек Светлане и не закончив беседу с ее бабушкой, Любовь Васильевна ушла в учительскую. И дала волю слезам, хотя в том разговоре бабушка не сказала ни одного обидного для учительницы слова.

«Сидите смирно, — сказали ребятам, — вашей Любви Васильевне нехорошо».

Наконец она пришла в класс.

— Такая бледная-бледная, — рассказывает Наташа, горестно прижимая руки к груди.

— Такая красная-красная, — противоречит ей Оля.

Но обе сходятся в одном:

— Такая заплаканная-заплаканная, бедненькая наша Любовь Васильевна. Светлана невольно съезжилась под сердитыми взглядами детей.

Заметила ли все это Любовь Васильевна? Задумалась ли о том, каковы будут последствия ее упреков, ее нескрываемости и слез? А ведь учитель, как хороший шахматист, как настоящий стратег, должен предвидеть самые отдаленные последствия каждого своего действия. Вы скажете, что учитель — человек, со свойственными человеку слабостями, обидами, сменой настроений. Прекрасно! Отнюдь не бесстрастность и невозмутимость нужны учителю, а искусство и желание направлять свои эмоции только на благо делу, а не во вред ему. В том и состоит тонкое, возвышен-

ное, требующее жертв мастерство педагога. Увы, этого качества Любви Васильевне не хватило. Скоро события осложнились новыми педагогическими ошибками. На лекции, организованной для родителей, были приведены примеры нетипичного поведения взрослых. И вдруг:

— Некоторые сердобольные бабушки врываются в класс во время урока, устраивают скандалы по поводу отметок...

«Уж не про меня ли? — подумала Лидия Александровна. — Но ведь это неправда...» После лекции решила объясниться.

— Любовь Васильевна, это не обо мне ли в лекции упомянуто?

— Вы догадались?

— Но вы-то знаете, что я не врвалась во время урока, об отметках не спорила и не скандалила. А из-за ваших слез Свете теперь worse жизнь неет.

Но перед Лидией Александровной сейчас была не учительница, а капризная девица, которую меньше всего заботили последствия ее поступков. Она обижено развела руками.

— Вот и разревелась! А что?

И уже задрожали ее губы, и опять слезами наполнились глаза. Скорбный вид Любви Васильевны с заплаканными глазами опять вызвал общее сочувствие, на этот раз у родителей, пришедших на собрание. Вкратце обсудив некоторые вопросы, в частности недисциплинированность того же Коли, собрание приняло решение, что же делать со злополучной Светой и ее «скандальной» бабушкой.

Теперь, вспоминая то собрание, директор Екатерина Павловна признает:

— Нехорошо все вышло, неправильно. Почему-то речь шла не о том, как повлиять на Колю, как защитить девочку от его злых проделок, а о том, куда ее деть, и о «недопустимом поведении» бабушки...

Почему же так получилось? Возможно, потому, что родители, глубоко уважая труд учителя и понимая, как много этот труд требует нравственных и физических сил, упустили из виду, что это не снимает с педагога ответственности за судьбу каждого ребенка, что сором счастливых ребят не избавляет его от заботы об одном почему-либо несчастливом. Так или иначе происходило самое неприятное и трудно исправимое — создавалось коллективное предвзятое мнение. А Лидия Александровна мучительно думала: «Или уж неэтично учительница Свету? Но за что? Сидела девочка на одной парте полтора года, а потом вдруг стала «бродячая», ее сажали на место отсутствовавшего. Света день-два посидит, а приходит «хозяин» — она опять ищет новое пристанище. Можно ли

так дитя унижать? Нет, уж, видно, не болеет за нее душой Любовь Васильевна».

На другой день после родительского собрания Света в школу не пришла. Не пришла и на следующий день.

Душевное смятение девочек, ее отчужденность, одиночество никого особенно не волновали, но когда обнаружилось, что она оставила школу, это уже было воспринято как чрезвычайное происшествие.

Лидию Александровну и Светлану пригласили к директору.

— Даю слово, — сказала Екатерина Павловна, — никто тебя больше не обидит, учись спокойно.

Светлана вернулась в школу, ей дали постоянное место. Но покой не наступил, пришлось снова просить директора о помощи. Кончился учебный год. Нескольким родителям получили благодарность за хорошее воспитание детей. И удивительное дело: среди них оказались и родители Коли! Того самого Коли, из-за которого столько было неприятностей, столько пролито слез!

И снова 1 сентября. Светлана пошла в школу веселая, в белом накрахмаленном фартуке, с букетом цветов. Возвратилась посмущенная. А через день — с рассеченной губой.

На пятый день Светлана вернулась в слезах:

— В школу больше не пойду!..

Лидии Александровне было ясно: в школе по-прежнему тяжкая, невыносимая обстановка. Она решила перевести внучку в другую школу.

Я ходила в ту школу. Долго поднималась в гору по обледенелому шоссе и думала, как неудобно было Светлане ходить этой дорогой одной. А вечером после второй смены возвращаться ей наверняка было и страшно. (Бабушка работает, встречать могла не всегда).

Но самое тяжелое, однако, было не в обледенелом шоссе и его крутизне. По дороге в школу и из школы Светлану встречали ее прежние одноклассники, и не всегда девочке удавалось избежать новых туманов и подножков...

Лидия Александровна обратилась в городской отдел народного образования, рассказала о злоключениях своей внучки.

В школу приехал инспектор горно. Он указал учителю и директору на их неправильное отношение к Светлане и ее бабушке. Тогда-то и поднялась та буря возмущения, та демонстрация любви и уважения к учительнице, о которых рассказано в начале статьи.

Заслужить любовь детей — немалая награда, такой успех должен вдохновлять... Но худо, когда успех заслоняет от глаз ошибки, худо, если любовью и уважением учитель не просто

гордится, но в каком-то смысле начинает ими спекулировать...

Состоялась и еще одна беседа Лидии Александровны с учительницей.

— Повлияйте на детей. Ведь они затравили девочку, вас защищая.

— Я, что ли, их настраиваю? — возразила Любовь Васильевна и оборвала беседу: — Я с вами больше разговаривать не желаю.

Правда, ребятам она сказала:

— Не трогайте Свету, она не виновата.

О, если бы Любовь Васильевна внушила ребятам эту мысль хотя бы с десятой долей той страстности, с какой она выражала свои мнимые обиды!

А Светлана тяжко переживала свои мытарства. Плохо спала, плакала, стала нервной, замкнутой, болезненной. Пропускала много уроков. Пришлось отвести девочку к матери в деревню.

Но это не единственная потеря. А как измерить и оценить моральный ущерб, который нанесен остальным детям этого класса? Детям, которым вольно или невольно прививались ядовитые семена неприязни, недоброжелательства и прямой враждебности к их товарищу! Сорок против одного.

А что сказать о родителях этих детей, об их предвзятом отношении к бабушке Светланы? И наконец, об учителях этой школы. Они в еще большей степени, чем родители, потеряли в случае со Светланой и ее бабушкой чувство ответственности за воспитание детей, причем за воспитание не «в общем и целом», а каждого ребенка в отдельности.

Екатерина Павловна — директор школы, — делая самокритичный вывод из этой достойной глубокого сожаления истории, говорила:

— Это была наша серьезная ошибка. Я думала тогда: «Пусть Светлана ходит в другую школу, а то опять у девочки неприятности будут, мы и так много ее травмировали». А внимать было некогда, дел по горло. Но ведь ее можно было в другой класс перевести, ноли в этом классе не наладилось. За ребенка-то мы в ответе!..

И не только за ребенка, за молодого учителя тоже. Мало «указывать» начинающему учителю на ошибку, надо показать ему, в чем причина его ошибки, в чем корень его вины, в чем его долг.

Жизнь каждого воспитанника — первая, главная забота педагога. Счастье каждого ребенка — дело его чести и совести. Дело его жизни.

Златоуст — Москва

● ПИСЬМА НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ

ПРОСТУПОК

Однажды, просматривая дневник дочери, я нашла в ее портфеле большой кусок цветной бумаги. Спрашиваю:

— Откуда у тебя это?

— Девочка дала. — И смутилась. Я поняла, что дочка меня обманула. Спокойно, но настойчиво просила ее сказать правду. Оказалось, учительница доверила Тане ключ от шкафа и ее соблазнила красивая бумага. Я долго говорила с Татьяной и обещала никому не рассказывать, если она положит бумагу на место и даст слово никогда ничего не брать без разрешения.

Мне казалось, что я поступила правильно.

Дома мы ничего не запираем, деньги лежат в ящике, никто из ребят не притронется. Ни о чем плохом и мысли не было. И вдруг через два года, когда Таня уже училась в четвертом классе, случилось чрезвычайное происшествие.

Приходит старшая дочка из школы и говорит, что слышала о какой-то краже и будто бы речь шла о Тане.

Возвращается Таня, я к ней. «В чем дело? Что случилось?» Молчит. Я требую: расскажи. И вот мы узнаем: ходила Таня с несколькими девочками помогать в подшефный детский сад. Пока остальные в другой комнате одевали малышей, Таня взяла у воспитательницы из кошелька рубль. По дороге домой она купила конфет, угощала девочек. А на следующий день в детский сад уже не пошла. Назавтра воспитательница спросила у девочек, не брал ли кто из них деньги. Те переглянулись и ничего не ответили, а в классе рассказали учительнице вслух — о конфетах и о своем подозрении.

Таня стояла молча, опустив голову. А ребята шумели:

— Не может быть! Она не возьмет! Неправда это!..

Учительница велела Тане сесть и начала урок. А после занятий Таня ей призналась, что взяла деньги.

Выслушав горькую правду, я онемела. Готова была кричать и бить свою дочь. Но только сидела и плакала. А потом взяла Таню за руку и пошла к учительнице. Серьезный у нас был разговор. Учительница Таню не ругала, не пугала. Только внушала: «Видела, как к тебе ребята относятся? Не поверили, что ты могла это сделать. А вот теперь ты самого главного в жизни лишаешься — доверия».

Таня горько плакала и сквозь рыдания повторяла, что никогда не будет брать чужого.

Все-таки учительница решила доверия к Тане не подрывать. Детям сказали, что это была ошибка. Но Тане все это надолго запомнилось. Иногда что-нибудь затеряется, спросишь у нее, не брала ли. Она вспыхнет, и на глазах слезы. Боится, что не доверяю.

Теперь уж она поняла, как страшно потерять доверие и уважение.

А я думаю, что напрасно скрыла от учительницы первый проступок дочери. Может быть, и не дошло бы у Тани дело до такой беды.

В. КАЗАРИНА

г. Вологда

Где ты был, папа?

Директор школы Мажит Турлубеков попросил меня съездить с ним в Есиль за классными досками. Я согласился, хотя машина была в плохом состоянии.

Едем. За поворотом дороги свернул Ишим. Мы остановились на крутом берегу, выкупались и покатались дальше.

Стояла полуденная жара. Ни малейшего ветерка, ни облачка на небе —

только солнце и степь, степь и солнце. Дорога круто сбегала вниз и повернула налево.

У самой обочины мы увидели мальчика лет пяти-шести с поднятой рукой. Я затормозил. Обливаясь потом, но широко улыбаясь, он влез на подножку.

Я открыл дверцу.

— Папа, где ты был? — обратился он ко мне.

Мы с Мажитом переглянулись.
— Как где? — отвечал я. — В командировке.

— И мама так говорит. А почему ты долго не возвращался? Поехали домой, — сказал он, показывая рукой в сторону видневшегося села и прижимаясь ко мне.

Мы въехали на широкую улицу села, и мальчик закричал:

— Папа! Мы уже наш дом проехали. Вон где наша хата.

У крыльца нас встретила молодая женщина. Она бросилась к малышу.

— Где ты был, Сергуня?

— А вот папу нашел! — радостно закричал он, потянув меня за рукав. Женщина покраснела до слез.

— Пойдем, папа, пойдем, — щебетал Сережа, — твоя фара целая, я ее не разбил.

Женщина, горько улыбаясь, сказала:

— Входите, пожалуйста.

Мы вошли. Сережа полез под кровать и вытащил оттуда зилловскую фару.

— А ты дашь мне ее насовсем? — спросил он.

— Конечно, — сказал я, смущенно поглядывая на мать.

— Сережа, сбегай на огород, нарви луну, — вмешалась она.

— Сейчас.

Как только закрылась за ним дверь, женщина заплакала. Мы молча смотрели на нее, все еще не понимая, что случилось.

— Бросил нас отец, — всхлипывала она. — Скоро год, как уехал. А Сережка к каждому шоферу пристаёт и тянет в дом. Вы уж извините...

Я не мог вымолвить ни слова. Сын ищет отца, его ласки, его участия. Ищет на степной дороге, и зной ему ни почем.

— Беда с ним, — утирая слезы, шептала Сережкина мать. — Совхозные машины уже не останавливают — разочаровался. Теперь на большак ходит. Задавят еще там.

С пучком зеленого лука вбежал Сережка.

— А вода из мотора капает, — улыбнулся он и полез ко мне на колени.

— Ничего, — сказал я, — воды в Ишме хватит.

Хозяйка захлопотала было с обедом, но мы очень спешили и отказались.

— Тогда ужинать заезжайте, — пригласила она.

— Мама, а куда папа? — спросил Сережка.

— Сыночек...

Я выразительно глянул на нее и сказал малышу:

— А ты тоже с нами!..

Он с радостным криком запрыгал по комнате. Мать не смогла отказать ему.

Поздно вечером мы вернулись. Мальчик так льнул ко мне, что жаль было его разочаровывать.

— Папа, я буду с тобой спать...

— Конечно, сыночек, — сказал я.

Всю ночь мальчик прижимался к моей груди, вздрагивал во сне, хватался за мои руки — я боялся пошевелиться.

Мы уехали рано утром, когда он еще спал.

...До сих пор стоит перед моими глазами Сережка, разыскивающий отца. Я знаю, что сделал его еще более несчастным, побыв лишь сутки «отцом», но иначе я не мог поступить.

Велино и неугасимо чувство сыновней любви! Нет оправдания тем, кто растаптывает это чувство, как шофер Иван Поздняков. Пусть читатели «Семьи и школы» спросят у каждого Ивана Позднякова: «Не твой ли Сережка сказал: где ты был, папа?»

Ю. ВОЛКОВ

г. Темиртау

Карагадинской области

РАСТЕТ ДОЧКА..

Сколько радости и тревоги испытывает каждая мать в ожидании ребенка! У меня родилась дочь. Положу ее головку на руку и смотрю, смотрю. Все-то в ней мне мило: и золотые длинные реснички, и голубые глазки,

и розовенькое личико. Принесли ее мне в белой распашонке, по пояс завернутую в пеленки. Она как зайчонок. А врач говорит:

— Здоровенькая ваша красавица!

Пришли домой. Я ее не кутала, закаляла. Накормлю, положу в постельку, а сама занимаюсь своими делами. Я никогда ее не качала и не трясла.

Дочка росла, и стала я замечать у нее нехорошие черты характера. Драчунья. И себя исцарапает, и ребятшек в яслях, и меня. А какая жадная! Куклу никому не даст.

Купила я несколько небьющихся кукол, позвала ребятшек. Вначале дочка никому не уступала игрушки, плакала, потом стала делиться. Я приглашала детей все чаще. Помогала им играть, объясняла, что куклы — это их дети и за ними надо ухаживать так, как ухаживают мамы. Их нельзя ломать, бить... Дочь потянула куклу за ногу. Я сделала то же самое с дочкой. «Ну как, хорошо тебе? Вот и кукле плохо».

Прошло два года. Все ее куклы целы, и платьица на них не порваны.

По возможности приучаю к работе. Купила маленькую ванночку. Дочка стирает свои трусики, платьица, чулочки, купает кукол, моет игрушки. Уже давно не дерется. Если кто из детей заплачет, подойдет и станет успокаивать. С удовольствием дает свои игрушки детям. Если есть конфетка и увидит маленького, — угостит.

Растет моя дочка Танечка. Все готова отдать, чтоб стала она хорошим человеком.

А. ШИШКИНА

станция Анапская
Краснодарского края

КОГДА И МАМЕ НЕ ДОВЕРЯЮТ...

«Дорогая редакция, — пишут из Оренбурга читательница Белоусова, — прошу ответить на мое письмо. Речь пойдет о моей дочери, которой 15 лет. Не пойму, что с ней творится в последнее время. Девочка страдает, мучается. Однажды я слышала, как она плакала ночью. Я чувствую, что она что-то от меня скрывает. Я спрашивала у дочери, чем она так огорчена, но она ничего не ответила. Спросила об этом ее подругу. Та ничего особенного не сказала, но по ее намекам я поняла, что моя дочь влюблена. Подскажите, как вызвать на откровенный разговор дочь. Почему подруга оказалась ближе родной матери? Я боюсь, что сделаю что-то неосторожное и совсем оттолкну ее от себя».

Трудно сказать, что мешает девочке поделиться с матерью, рассказать ей о причине ночных слез, наконец, о «предмете» своих переживаний, выслушать с благодарностью материнский совет, не заменимый в данном случае ничем.

Желая помочь Белоусовой, я обратилась к письмам без обратного адреса, порою прячущим своих авторов за одну только букву имени. Почему к этим письмам? Потому что их авторы — школьники 13—17 лет — пишут нам в редакцию о своей дружбе, любви, о своих первых радостях, восторгах, обидах.

Давайте полистаем эти письма.

«Мне 14 лет, — пишет Людя Г. из Луцка, — я дружу с мальчиком из нашего класса. Возможно то, что есть между нами, далеко не любовь, а просто хорошая, крепкая дружба. Хорошо чувствовать сильную руку верного друга, все у нас общее: и радость, и горе. В наших отношениях столько чистого и хорошего. Но правильно могут понять нас только одноклассники. А учителя, соседи, знакомые смотрят на дружбу, как на что-то запретное, постыдное. И мама... Много еще таких мам, которые не могут понять нас, 14-летних, которые считают дружбу с мальчиком чем-то очень плохим».

«Если я задержусь немного в школе, или иду из школы немного медленнее обычного, или просто прогуляю на улице, а иногда и умышленно задержусь — слышу от родителей: «А мы видели, где ты была. С мальчиком стояла за углом...» Они все время пытаются «поймать» меня на чем-то запретном. Они так обижают и унижают меня» (Таня Ш., из города Мелекесса, Ульяновской области).

«Я часто просила маму, чтобы она рассказала мне о своей молодости, но всегда получала отказ. Однажды я сказала ей, что мне нравится один мальчик (мы сидим за одной партой). Она, даже не дослушав меня,

стала кричать и ругаться» (Саша Р., Ставропольский край).

Пожелавшая остаться неизвестной 13-летняя девочка пишет: «Отец сказал, если он (мальчик) еще раз придет ко мне или позовет меня, то мне «попадет», как он выразился, с меня «три шкуры сдерут».

Много таких писем приходит в редакцию. Кларе В. из города Крымска мама запрещает дружить с мальчиком только потому, что «людям рта не закроешь». По той же причине Лиде (город нерзборчив) мать запрещает дружить со Славой, хотя уже налицо положительные плоды этой хорошей дружбы — Лида могла ему одолеть алгебру, из-за которой Слава мог остаться на второй год.

«Дорогая редакция, — спрашивает Люба М. из Кокпектинского района Казахской ССР, — как бороться со сплетнями? Если девушку увидят вечером с парнем — три дня, не меньше, будут судачить: «жених и невеста». А если девушка с девушкой пройдутся вечером по селу — опять неладно. Пойдут толки — «женихов» ищут».

На обидное и нелепое «жених и невеста» жалуется и Женя К., ученица седьмого класса из города Липецка, и некая З. С. из Томской области. Доведенная до отчаяния подобными разговорами и запретами матери, ушла из дому Таня. Об этом пишет нам ее сестра Веля К. из Нижнего Тагила.

И уж совершенно отчаянное письмо Акима Б. из Сыр-Дарьинской области:

«Я по национальности казах, а она корейка. Мне 17 лет. Живем мы в совхозе. Сейчас мы ходим на хлопок вместе. Мы всегда вместе. Я без нее скучаю и крепко люблю. Моя мачеха кричит, чтобы я с ней покончил, потому что она не нашей национальности. Но я не могу все это кончить! Я ее люблю! Люди на нас смотрят косо, ненавидят нас. Одна старуха-казашка кричала мне, «не подходи к нам». Директор школы всегда на нас кричит, когда мы проходим мимо, или шепчет что-то завуч».

Гораздо меньше, но есть и такое.

Наташа из Донецкой области обратилась за разрешением проблемы любви к своей учительнице. Та в совершенно категорической форме заявила: «Наташа, в 15 лет любви не бывает». А ведь Джульетте было неполных 14!

Это случай тем более печальный, что педагог не отказывает девушке в беседе, берет на себя ответственность рассудить ее чувства, но делает это, видимо, впопыхах, на бегу, а может, и не поняв всей серьезности вопроса. О неумении педагога правильно провести подобный разговор с девушкой, доверившей ему первую сердечную тайну, не хочется даже думать. Раз девушка подошла к учителю с подобным вопросом, значит, долго и внимательно оценивала, сможет ли рассудить учитель ее чувства, правильно понять их, дать совет, который у мамы спросить невозможно.

Полистайте письма наших юношей и девушек. Целые проблемы ставят они перед нами. И что интересно: часто ребята пишут в редакцию после того, как уже обращались за разрешением волнующих их вопросов к родителям, учителям. Но те, видимо, просто отмахнулись от них.

Нелегко понять родителей, решающих эту проблему категорическим запретом или ремнем, но еще труднее понять педагогов, которых осаждают наши Ромео и Джульетты ежедневными вопросами о дружбе и любви и которые уклоняются от прямых ответов на эти вопросы.

Мы будем очень рады, если этот небольшой обзор поможет нашей читательнице из Оренбурга, с письмом которой мы начали разговор, найти с дочерью общий язык, восстановить у девочки душевное равновесие.

А. ТИТОВА

ЗАЧЕМ ОБЕЩАТЬ?

Некоторые наши читатели просят печатать на страницах журнала «педагогические задачи», дающие интересный материал для коллективного обсуждения трудных случаев воспитания. Нет нужды специально придумывать подобные задачи; нередко их ставит сама жизнь, немало их приносит и редакционная почта.

В качестве такой педагогической задачи мы публикуем письмо Тамары С. Приглашаем читателей высказать свое мнение: почему между матерью и дочерью сложились нездоровые отношения? И как изменить их?

Хорошо если бы читатели подкрепляли свои мысли сходными примерами из собственной практики семейного воспитания.

Рубрику «За советом к читателям» журнал будет вести и впредь.

Везде пишут, что если родители что-нибудь пообещают детям, то должны обязательно сделать. А моя мама поступает по-другому. Она дала мне четыре рубля на портфель. Я у нее спросила: «Можно мне еще взять пять рублей на чулки?» Она согласилась, а на следующий день говорит: — Тамара, дай мне пять рублей. Чулки тебе сейчас не обязательно покупать.

Я ей отдала, но до того расстроилась, что прямо редела. Она разозлилась и сказала: «А я думала у тебя есть совесть! Нет ее у тебя», — положила деньги на стол и ушла. Но я к этим деньгам даже не притронулась. Моя подруга меня предупреждала: «Она их у тебя заберет». Но я была уверена, что мама на это неспособна. А оказывается, она способна на все. И уже не в первый раз. Если ты не в состоянии выполнить свое обещание, тогда нечего и обещать. Скажите, кто из нас прав?

ТАМАРА С.

г. Ташкент

● ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

ЭТОГО НЕЛЬЗЯ ПРОЩАТЬ

● Неужели человек, у которого есть дети, мог совершить такой безобразный поступок? Как этот Никодим Петрович теперь смотрит в глаза собственным дочерям? А что если

они все это видели? Либо они потеряют уважение к своему отцу, либо разучатся сочувствовать страдающим и любить все живое.

Как-то мой знакомый мальчик, восьмилетний Валерик Андронов, принес домой за пазухой обледевший комочек. Это был маленький котенок, с которого пришлось сдирать ледяную корку. Как горячо просил Валерик мать спасти жизнь его найденышу! И она это сделала, хотя котенок был больной, худой и грязный. Теперь Муха (так Валерик называл котенка) очень дружит с маль-

чиком. В доме стало два четвероногих друга — Муха и Василий — кот, который считается хозяином дома. Валерик спас жизнь двум маленьким щенкам. Он вырастил их и подарил соседям. Как-то Валерик сказал мне: «Вырасту большой — изобрету лекарство, чтобы от него все люди были добрыми». А что если дочка Никодима Петровича найдет замерзшего котенка? Сможет она принести его к себе в дом? Да и захочет ли? И научится ли мечтать о таком лекарстве, которое всех делает добрыми?

А. ФЕДОРЧЕВА,
учительница

д. Покровка
Красноярского края

● Поступок Никодима Петровича вызывает чувство гадливости. Ведь это же палачество! Речь идет о детских душах, а не только о бедном беззащитном животном. Своим «наглядным уроком» отец калечит ребячьи души, подрывает в глазах детей авторитет взрослого человека, веру в справедливость и доброту взрослых. Нелегко бывает эту веру восстано-

вить. Никодим Петрович собирался уехать на край света. Но от себя не убежишь. Надо не спасаться от осуждения, а исправлять свою злую натуру. А еще — держать ответ за свое преступление. Думается, юридические органы и общественные организации Днепропетровска заставят Никодима Петровича понести ответственность за совершенное.

В. БЫЦОВА

г. Шауляй
Литовской ССР

● Я очень люблю животных. У нас есть котик Пушок и собачка Дружок. Я очень люблю с ними играть в свободное время. Меня очень интересует судьба той маленькой собачки Зорьки, которую злой Никодим Петрович чуть не убил, а пятиклассник Вася взял лечить.

Поля КИРИЧЕНКО

пос. Сгожково
Донецкой области

См. № 3 «Семьи и школы» за этот год.

● ПИСЬМО НЕ БЫЛО ОПУБЛИКОВАНО

ТОРГОВАЯ СЕТЬ ПЕРЕСТРАИВАЕТСЯ

Техник Херсонского хлопчатобумажного комбината Лидия Кольцова написала в редакцию о плохой организации торговли в городке текстильщиков. Овощи продаются только в ларьках, которые рано закрываются, продовольственных магазинов тоже недостаточно. Женщины после работы часами простаивают в очередях. Нет кафе, где можно было бы съесть мороженое или выпить стакан сока. Зато для любителей спиртного есть десять «точек», включая и отделы «Соки — воды», где

соки и вода продаются далеко не всегда, а вино — постоянно.

На запрос редакции заместитель председателя исполкома горсовета Херсона товарищ Придно сообщил, что торговую сеть в городке текстильщиков намечено перестроить так, чтобы продажа вин сократилась, а фруктов — нет. квас, мороженое, соки продавались везде. Уже открыт один овощной магазин, второй магазин типа «Дары природы» раскрывает свои двери в этом году. В 1968—1969 годах в поселке Хлопчатобумажного комбината будет закончено строительство торгового центра с широкой сетью магазинов и предприятий общественного питания.

РУССКИЕ БЕСЕДЫ

В последнее время мы все больше пишем для юношества, издаем много книжек, выпускаем специальный журнал. И это естественно: надо удовлетворять запросы молодежи в здоровой духовной пище. Пишем обо всем: для юношества о юности, для юношества о взрослых... А педагог В. М. Михайлова написала книгу о юношестве для родителей «Наши старшие дети».

Юность, как и детство, радостна. Но отнюдь не так безмятежна. Напротив. Первая любовь, первые сомнения, первые сильные влияния вне родительского дома, первые вполне осознанные мечты... И, наконец, первые самостоятельные решения — все приходится на эти два-три года жизни — от пятнадцати до семнадцати.

Добавим к этому, что и основные черты характера, получившие начало в детстве, формируются, выкристаллизовываются именно в юношеские годы. И качества, приобретенные юношеством, остаются на всю жизнь.

Старшие дети не достигли еще полной самостоятельности, но уже переступили строгие ограничения детства. Очень важно напомнить читателю о тех сложных проблемах, которые могут встать перед родителями, когда дети вступили в юношеский возраст.

Книга Михайловой ценна как беседа учителя с родителями, беседа человека хорошо педагогически подготовленного.

Всем понятно, что грубить взрослым старшие дети (впрочем, как и младшие) не должны. Но не всегда мы реагируем на грубое слово, даже не всегда замечаем: что, мол, с него взять — устал, расстроен чем-то, вот и грубит...

В. Михайлова, умный, опытный педагог, говорит в своей книге, что всякая грубость в семье со стороны старших детей должна быть воспринята родителями как трагедия! И это слово — трагедия — не может не заставить читателя глубоко задуматься над своими поступками и действиями, над тем, как он сам реагирует на грубость старших детей.

Я начал обзор книги «Наши старшие дети» с главы «Дисциплина в семье» потому, что, к сожалению, применительно к старшим детям, юношеству мы мало говорим о дисциплине, полагая ошибочно, что дети уже «взрослые» и неудобно делать им замечания. Да, замечания делать не следует. Гораздо лучше будет, если родители создадут такую обстановку в семье, суровое осуждение всякой грубости, что юноше или девушке будет действительно стыдно.

На многих примерах из жизни и собственной практики автор убедительно доказывает, что дисциплинированное поведение старших детей в семье, разумная борьба с любыми проявлениями грубости возможна лишь тогда, когда сами родители осознают серьезность этого. «Необходимо, — пишет Михайлова, — чтобы родители относились трагически (я не оговорила, именно трагически) даже к мысли, что их дети могут допустить грубость...»

Рассматривать отношения родителей к детям старшего возраста В. Михайлова начинает издалека. Она не могла не поговорить вначале о маленьких детях, о том, что зерна добра или зла проникают в души людские с самых ранних лет. Такой экскурс необходим, и выполнен он автором умело — выразительно и четко.

В. Михайлова стремилась рассказать обо всем понемногу. Она говорит о личном примере родителей, о том, что школа и родители должны действовать рука об руку, вместе, о самовоспитании юношей и девушек, об их труде и обязанностях по дому, отвечает на вопрос, что такое дружба, говорит о любви. Особо выделены главы: «Когда дети счастливы в семье», «Половое воспитание», «Эстетическое воспитание», «Растут мальчики», «Растут девочки».

Пожалуй, самая краткая глава в объемной книге В. М. Михайловой — «О политическом воспитании в

Окончание. Начало см. в № 5 и 6 «Семьи и школы» за этот год.

**КРИТИКА
«БИБЛИОГРАФИЯ»**

семье». Всего три странички! А жаль... Мысль о том, что политическое воспитание детей, подростков, юношества должно происходить (и происходит обязательно!) главным образом дома, в семье, правильна и своевременна.

Отрадно, что автор поднимает такой важный вопрос. И я уверен, что у В. Михайловой нашлось бы материала на вполне серьезный разговор. Жаль, что беседа тут получилась скомканной. Автор ограничивает «политическое воспитание в семье» лишь совместными обсуждениями вопросов, которыми живет комсомольская организация, где состоят дети.

Политическое воспитание в семье включает в себя неизмеримо больший круг вопросов. Я бы сказал, что вся атмосфера в семье должна быть проникнута интересом к политической жизни страны и мира. Это и ежедневное чтение газет, и прослушивание сообщений по радио и телевидению о событиях политических; это и обсуждение вместе со старшими особенностей момента, и умение самостоятельно разбираться в расстановке сил на мировой арене; это и обращение к революционному опыту поколений, и знание революционных традиций своей семьи, и желание подражать лучшим ее членам.

В книге сделана попытка поговорить о революционных семейных традициях. Автор рассказывает, как в одной семье, где часто собирались юноши и девушки, все они вместе с родителями пели замечательные песни пламенных революционных лет.

Спору нет — петь песни наших отцов и полезно и нужно. Но еще полезней создать в семье атмосферу любви к революционным традициям, к тем своим предкам, которые сражались за новый мир, а возможно, и отдали жизнь за сегодняшнее счастье советских юношей и девушек.

Книга «Наши старшие дети» заканчивается словами, которые как нельзя лучше характеризуют ее внутренний пафос: «Если мы чувствуем корни тех, кто шел до нас, если мы являемся корнями для тех, кто идет за нами, — это прекрасно. Это дает счастье. Нельзя жалеть времени, сил, внимания для того, чтобы правильно воспитывать наших старших детей. Наше счастье зависит от нас самих».

Если книга В. Михайловой особенно полезна для тех родителей, чьи дети скоро покинут школьные классы, вступает в самостоятельную жизнь, то книга А. М. Низовой «Они пришли в школу» обращена к тем родителям, которые готовят ребенка в первый класс.

В детском саду, как правило, детям прививают навыки будущей школьной жизни. Но ведь огромное количество ребят не ходит в детский сад, воспитывается дома. Автор проводит справедливую мысль, что родители обязаны загодя знать все о школе, о том, с чем предстоит столкнуться первокласснику, да и им самим.

Купить заранее форму, ранец, ручку, карандаши, тетради, учебники — это только полдела, хотя, конечно, и необходимые полдела. Если первоклассник придет в школу без тетрадей или без портфеля — ему будет обидно и стыдно и перед другими ребятами, и перед учителем.

Но подготовка к школе включает в себя гораздо более важное — изменение всего уклада жизни ребенка. Заранее приходится переходить на «школьный режим», учиться большей самостоятельности, выдержке, усидчивости.

Перед тем как отвести своего сына или дочь в школу, очень хочется поговорить с человеком знающим, опытным, который мог бы дать ценные советы. Я думаю, что книга «Они пришли в школу» станет добрым советчиком.

Опираясь на многолетний опыт педагога, учителя, на личный опыт матери, А. Низова кропотливо разбирает многие случаи из практики учителей и родителей, чтобы подсказать читателям, что следует делать, готовя ребенка к школе, и чего делать не следует. А ведь не-

допонимание этого важного шага в жизни ребенка еще встречается среди некоторой части родителей.

Разве не знаем мы родителей, которые, раздосадовавшись непослушанием своего сына или дочери, воспевают с угрозой:

— Ну, погоди! Пойдешь в школу — там за тебя возьмутся!..

Ни к чему хорошему подобные запугивания, конечно, не приводят, а только разрушают детское представление о школе как о чем-то светлом и прекрасном.

Иные родители полагают, что, отдав ребенка в школу, они «сбыли его с рук», сняли с себя всю ответственность за его воспитание и обучение. Они думают: «Накормить его — наше дело, одеть — тоже... А все остальное — пусть учителя делают. За то им и деньги платят...»

Конечно, это грубые, обывательские представления о школе, о сложном, ответственном и прекрасном труде учителя.

Рассказывая родителям о том, что значит в жизни самих же родителей школа, где учатся их дети, А. Низова нашла вдохновенные слова об учителе. Автор ставит в книге целый ряд общепедагогических вопросов, убедительно доказывая, что воспитание детей не частное дело. Оно опирается на основы коммунистической морали, этики, нравственности, на научные данные и опыт, на богатства литературы и искусства.

В этой связи интересна еще одна книга, выпущенная издательством «Знание». В ней делается попытка порассуждать над проблемами круга детского чтения. И скажу сразу — сделано это удачно. Я имею в виду «Открытие мира» М. И. Поступальской.

Это не работа литературоведа, который рекомендует для прочтения детям те или другие книги. Нет. Здесь тоже опыт, собственные наблюдения над тем, как дети воспринимают произведение литературы, какие при этом возникают у них вопросы, что они схватывают сразу и чего еще понять не могут. Автор говорит о том, что очень часто необходимо бывает разъяснение родителей и педагогов, но терпеливое, тактичное, чтобы дети сами сделали верные выводы из прочитанного.

М. Поступальская растолковывает родителям, что наивно ждать немедленного положительного воздействия на детей произведений художественной литературы. Иногда прочитанное в детстве сказывается лишь через несколько лет. Воздействие литературы гораздо тоньше и сложнее прямого педагогического влияния.

А ведь находятся родители, считающие, что, если, предположим, они прочтут детям «Девочку-ревушну» А. и П. Барто, ревушки сразу перестанут плакать, а если прочтут «Мойдодыра» Корнея Чуковского — дети сразу побегут мыть руки мылом и оттирать щетной ногти.

Совершенно правильно говорит Поступальская, что родители обязаны помогать детям расширять их кругозор. Она совершенно права, нацеливая родителей на расширение своего кругозора, чтобы они не вырастили мещан и обывателей.

Дети намного любопытнее взрослых. Красноречиво доказывает это автор на примерах произведений Чехова, Житкова, Бианки, Чарушина, Плавильщикова, многих фантастов и особенно Жюль Верна. Есть счастливые писатели, одаренные способностью говорить с детьми на равных, подниматься до их романтического восприятия мира. В их книгах все романтично, все любопытно, все зовет к новым знаниям, все обогащает, открывает новые горизонты.

А ведь в конечном счете задача каждого пишущего — открыть перед своим читателем мир по-новому, с какой-то неожиданной, прекрасной стороны.

Г. САВЧЕНКО

Правда, только правда, ничего кроме правды

Странная это повесть. И по названию, и по форме. И зачем нужен был молодой писательнице столь рискованный эксперимент — составлять повесть из одних писем, записок, дневников, ученических сочинений, административных приказов и инструкций? Даже опытный автор рисковал запутаться во всем этом и безнадежно загубить живой и интересный замысел.

Но Бел Кауфман не запуталась. Странность повести только кажущаяся, ее необычное название и не менее несбыточная форма вполне оправданы и отлично служат общему замыслу писательницы.

Подчеркнуто документальная основа повести нужна автору для того, чтобы убедить нас в полнейшей, безоговорочной правдивости, беспристрастности повествования. Правда, только правда, ничего кроме правды — вот основной, главный принцип писательницы, которому подчиняется в этой повести все, вплоть до последней запятой. Под обаяние правды, обаяние авторской искренности мы попадаем с первых же строк и пребываем в этом прекраснейшем состоянии до самого конца повести.

В чем же хочет убедить нас писательница, избравшая для своей повести такую неукоснительно правдивую форму? Она подробно, детально, скрупулезно — точно в замедленной съемке — старается показать нам, что сама суть воспитательного процесса — в душевном соприкосновении людей, в воздействии человечностью. Все, что не несет в себе человечности, в чем нет человеческого тепла — все это не нужно, бесполезно для воспитания, все бьет мимо цели.

Именно таковы и письменные, и устные приказы Маихаби (заместителя директора школы по административно-хозяйственной работе, «адмирала Осла»). Хотя он и сумел в свое время навести в школе некоторый порядок, но в сравнении с главной героиней, Сильвией Баррет, оставляет жалкое впечатление — как раз потому что ему остро недостает человечности.

Раскрытию этого, не такого уж и сложного, но такого важного воспитательного секрета и посвящена повесть.

Первый урок молодой учительницы. Ей подсовывают класс 00, и даже при всей своей неопытности она быстро догадывается, что 00 — это «особо отстающие»... Ученики тут же испытывают ее на прочность — устраивают в классе настоящий бедлам, она едва успевает отбиваться. А тут еще поток официальных бумаг и распоряжений, часто нелепых и противоречивых. На молодую учительницу накатывается чувство одиночества, она готова отчаиваться...

Но вот и проблеск надежды: ей протягивает руку Беатриса Шехтер (даже на языке отпетых сорванцов она

носит кличку «мамаша»). Это рука очень опытного педагога, для которого все просто: «Только что получила ваш SOS. Не давайте им водить себя за нос. Они вас испытывают. Сначала заставьте их почувствовать, что хозяйка — вы, а свою доброту успеете показать потом. «Пропуска на досрочный уход домой» и «Постоянного пропуска и питьевого фонтанчика» не существует».

«...Не знаю, что делать с учеником, который обращается ко мне «Привет, училка!» — жалуется Сил. Для «мамаши» и это не проблема: «Ничего. Может быть, он говорит «Привет, училка» потому, что вы ему нравитесь. Ответьте ему: «Привет, зубрилка»».

Шехтер давно поняла, что, «сколько бы ни было бессмысленно растраченного времени, тупости, невежества, злоупотреблений, сколько бы ни было огорчений, все можно вынести, потому что нет ничего более прекрасного, чем школа». А чтобы приблизить к себе эту прекрасную сторону, необходимо только одно — руководствоваться своими чувствами. И, разумеется, только лучшими. Молодая учительница осознает это позже, но и все советы ее старшего коллеги, да и все ее собственные действия, в сущности, построены именно на этом, и лишь нехватка опыта мешает ей познать плоды этой верной стратегии сразу же. Притом еще школа, где ей выпало работать, весьма и весьма средненькая, здесь учатся дети малосостоятельных и просто несостоятельных родителей, дети, для которых ученье — это карабканье «вверх по ведущей вниз лестнице»: с одной стороны, школа разбивает и поднимает их самосознание, будит высокие, порой честолюбивые мечты, с другой — даже отличное окончание школы вовсе не гарантирует детям бедняка, что эти мечты хоть в какой-то степени сбудутся. Молодую учительницу постоянно терзает эта мысль, да и лучшие из учеников прекрасно сознают это. «Я все равно уйду из школы в конце послугодия и присоединюсь к своре псов, перегрызающих друг другу глотки в вашем подломе мире, куда вы нас готовите», — говорит «первый озорник» школы Джо Фероне.

При всем своем педагогическом и личном обаянии Баррет бессильна подчинить своему влиянию этого «трудного» подростка, он сам дает ей несколько полезных уроков, открывает глаза на жизнь, которую она, сказывается, знает гораздо хуже. Что же касается подавляющего большинства других учеников, то тут она добивается полной и безусловной победы. В конце повести, когда она на несколько дней выбывает из строя, даже никогда ее прежде не замечавший директор Кларн, даже ее принципиальный недруг Маихаби («адмирал Осел») остро ощущают ее отсутствие и вынуждены публично соскаться в этом.

Автор последовательно и неторопливо показывает, как оттаивают души ребят, как пробуждается в них жажда человечности и стремление к знанию, и все потому, что Сильвия Баррет относится к детям не формально, от сих до сих, она делает не только то, что предписывают ей инструкции, но главным образом то, что диктует ей собственное благородное сердце. Инструкция предписывает просто познакомить учащихся с творчеством Шекспира — учительница стремится к большему: «заставить их почувствовать боль короля Лира». Инструкция предписывает ни в коем случае не шуметь в классе — Сильвия устраивает бурные обсуждения проблемы, подсказанное мыслью английского поэта Браунинга: «Сверх сил своих стремиться ввысь, на то и небеса», — а вездесущему «адмиралу Ослу» на вопрос, что здесь происходит, отвечает с достоинством: «Так звучит мысль, мистер Маихаби». И уж, конечно, никакая инструкция не подсказывает учительнице, кому поручить роль судьи в классной инсценировке. Она поручает эту роль сыну бедняка, да к тому же «цветному», пуэрториканцу Хосе Родригесу, и прежде серый, забитый парнишка совершенно преоб-

Бел Кауфман. Вверх по ведущей вниз лестнице. Перевод с английского Е. Ивановой и С. Шайкевич. Журнал «Иностранная литература» № 6, 1967.

ражается, учительница находит в нем лучшего помощника и друга.

Давно известно, что школьники, а тем более подростки, терпеть не могут, когда их воспитывают — вернее, когда их воспитывают недостаточно тонко (хороший учитель воспитывает незаметно). Вот запись из ящика пожеланий, сделанная в минуту откровения одним из учеников Сильвии: «Большинство ребят ненавидят учителя не потому, что учитель хороший или плохой, а просто потому, что он — учитель».

А если еще ученики заметят, что педагог не от чистого сердца старается, а «по должности», — тогда и того хуже: нарочно будут делать противоположное тому, что им советуют. Да еще и наизусть всякие подстраивать.

Но Сильвия от чистого сердца стремится сделать своих питомцев умнее, чище, благороднее, и это ее стремление столь явно и бескорыстно, что тут и доказывать ничего не надо. Ребята сами это видят и чувствуют превосходно. А однажды поняв это, они уже во всем верят учителю, охотно идут за ним.

Ярый враг Сильвии — мистер Манхаби (все тот же «адмирал Осел») словно для того и показан в книге, чтобы напоминать, сколь часто молодая учительница выходит за рамки регламентирующих ее инструкций, которые буквально засыпают ее с головой. («Знаешь ли ты, — пишет она подруге, — что учителя в Нью-Йорке ежегодно тратят на канцелярскую работу 500 000 часов?»)

Впрочем, даже когда Сильвия выполняет эти инструкции, в ее груди не остывает чисто человеческая боль за ребят. Они для нее не просто ученики, они братья и сестры, они дети ее. «...Проверяя тетрадки, я думала, — признается она, — как их исправлять и что исправлять — правописание, пунктуацию или одиночество, связующее между строк? Я не знаю, смеяться мне или плакать?».

Своим незамысловатым методом Баррет добивается гораздо большего, чем директор школы донтор Кларк (звание доктора он сам себе присвоил) с его красивыми, но общими и довольно-таки поношенными фразами о демократии. Все побуждения, все помыслы Сильвии всегда конкретны и действительны.

Никогда не покидает ее юмор. «Вы делаете уроки смехотворными», — пишет ее ученик, желая сделать ей комплимент. Сильвия иронизирует над неточным словопотреблением мальчишки, но и гордится его «похвалой».

Юмор — союзник вроде бы несерьезный. Но вспомним слова замечательного театрального режиссера и художника, большого остроумца Николая Акимов: «Юмор — первый признак человечности. Ни один общеизвестный крупный негодяй не обладал чувством юмора».

Юмор помогает Сильвии сблизиться с учениками, благодаря ему они почувствовали в ней человека. Ответы из созданного по ее инициативе «ящика пожеланий» неизменно смешные, и дело тут не в том, что автор повести сама эти остроты придумала, — живые ребята именно так и должны были реагировать на этот ход учительницы. Еще раз мы сталкиваемся с коренным принципом Бел Кауфман, написавшей эту «странную» повесть, — правда, только правда, ничего кроме правды.

О более чем успешных результатах деятельности героини в течение одного лишь полугодия красноречиво свидетельствуют последние листочки из ящика пожеланий — это уже серьезные строки:

«Я не могу поверить, что вы не вернетесь. Школа без вас будет не школа. У вас предмет получался не такой путаный и не такой непонятный, что увеличило мои знания. Я и вся моя семья молимся за вашу поправку для языка и литературы».

«День тянется бесконечно, а у вас урок летел, как

крылья. Даже от вашей одежды было светлее. До конца своей жизни я буду стараться набирать силы, чтобы высоко летать».

«Вы ко мне относились как родная моя мама, а я очень любил свою маму, когда она еще была жива. Мне кажется, я вас люблю почти столько же».

Читая эти проникновенные, безыскусные строки, особенно значимые в устах «особо отстающих», невольно вспоминаешь короткую, но пылкую фразу молодой учительницы из письма к подруге: «Бывают минуты, когда я ни на что не променяла бы свою работу!»

«Странная» повесть молодой американской писательницы, в короткий срок получившая признание сразу в нескольких странах и, кстати сказать, удачно экранизированная, одинаково интересна и ценна для учителей и родителей, для всех, кто имеет дело с детьми. Ведь у каждого хорошего человека найдется этот поистине золотой ключик, безотказно отпирающий самые неприступные ребячьи сердца. Человечность.

С. СИВОКОНЬ

Коротко о книгах

И. Аугуста. ВЕЛИКИЕ ОТКРЫТИЯ.
Перевод с немецкого. М., «Мир», 1967.

Автор этой книги — известный чешский палеонтолог. Читатели узнают здесь о замечательных открытиях учеными костных остатков и предметов культуры ископаемого человека — питекантропа, синантропа, гейдельбергского человека, неандертальца и, наконец, ископаемых людей современного вида — кроманьонцев.

Используя накопленный научный материал, автор воссоздает внешний облик древних предков человека, реконструирует ландшафт, природные и климатические условия, воспроизводит быт и культуру.

И. Аугуста избрал научно-художественный жанр. Его герои имеют имена, действуют, чувствуют. Читатель присутствует при первых обрядах захоронения умерших, при добыче и приготовлении пищи, при изготовлении орудий труда, видит, как создавалась пещерная живопись.

В конце каждого очерка (в книге их шестнадцать) рассказано об ученых-первооткрывателях, об их самоотверженном, бескорыстном труде. Так, например, в конце очерка «Пещера ужаса» Аугуста пишет: «Кто знает, было ли все именно так, как я рассказал?»

Одно несомненно: «пещера ужаса» действительно существовала и была открыта учеными». Далее он подробно описывает, как были найдены ученым из Загреба К. Горяновичем-Крамбергом остатки палеолитического человека. По характеру залегания и разлома костей ученый пришел к мысли, что это остатки пищи людоедов, что неандерталец из-под Загреба оказывается уже не мирным охотником и собирателем плодов, а братоубийцей, хладнокровно пожиравшим представителей собственного вида.

В очерке «В пещере горного козла» рассказано о гибели мальчика-неандертальца Гаура, о его погребении. В основу очерка положены находки ленинградского археолога А. П. Окладникова в пещере Тешин-Таш — удовлетворительно сохранившийся скелет неандертальского ребенка. По расположению рогов диких козлов вокруг могилы ученые делают вывод, что у азиатских неандертальцев был культ горного козла, так же как у европейских — культ медведя.

В обращении к русскому читателю автор пишет: «Я подробно рассказываю о жизни и деятельности многих исследователей, чтобы познакомить молодежь с их каждодневной кропотливой работой и показать, что сухая, на первый взгляд, наука оказывается весьма увлекательной». Он говорит, что и современным ученым приходится убеждать, доказывать научную истину, бороться с оппонентами.

Можно не сомневаться, что яркая, познавательная богатая книга И. Аугусты найдет благодарного читателя и среди детей, и среди взрослых.

Г. БЕЛАВЕНЦЕВА

А что в других журналах?

«НАУКА И РЕЛИГИЯ» № 3, 1968

Легенда рассказывает, что однажды падишах решил проверить, правы ли его мудрецы, утверждая, что дети, даже если их ничему не учить, вырастят, заговорят каждый на своем языке: бенгалец — по-бенгальски, турок — по-турецки.

Эксперимент проводился с особой тщательностью: слугам были вырваны языки, детей изолировали в отдельных помещениях, ключи от которых падишах повесил себе на грудь. Когда через несколько лет двери были открыты, выяснилось, что несчастные затворники не могут произнести ни одного человеческого слова.

Этот жестокий опыт вспоминает автор статьи «Снова о «волчьих питомцах». Наблюдения над «дикими детьми», детьми, «усыновленными» и выращенными животными, позволили ученым сделать серьезные выводы: человек не рождается с готовым сознанием, но от рождения наделен совершенным аппаратом мышления, в который сразу же по всем каналам начинает поступать информация. Человеческое общество формирует интеллект и психику своих членов с самого рождения, причем определяющее и решающее значение имеет возраст от 2 до 5 лет.

• • •

Школьникам, особенно тем юным пифагорам, которые с презрением относятся к занятиям языком и литературой, хочется порекомендовать статью А. Степанова «Гармония мысли

и слова» — о литературных дарованиях и увлечениях замечательных наших математиков: Ковалевской, Остроградского, Чебышева.

«РАБОТНИЦА» № 3, 1968

Есть в журнале хорошая рубрика: «Поговорим о наших детях». К сожалению, она не очень регулярна, но в этом номере в ней со статьей «В последний день ноября» выступает ленинградский учитель С. Езерский. Что же произошло в этот день ноября? Оказывается, родительское собрание. Кстати, наверное, многие родители согласились бы перенять прекрасную традицию этой школы: учителя расходятся по классам, и каждый родитель может зайти и поговорить с глазу на глаз, доверительно и откровенно. Ведь не всякий решится обсуждать на общем собрании какие-то интимные стороны жизни своего ребенка, своей семьи.

И сама статья — вот такая же дружеская и очень доброжелательная беседа хорошего педагога с родителями. Без тени нотации, без тени превосходства педагогически образованного человека, которому так понятны ошибки родителей. Эта статья для наших основных воспитателей — мам, для них и о них.

«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ» № 3, 1968

Скучное название очерка Валерия Болтросюка «Принять к своему исполнению...» полностью окупается его содержанием. Он посвящен молодому следователю из Ростова, его мыслям, его чувствам, его отношению к преступлениям и наказаниям. Нет тут никаких параграфов из Уголовного кодекса, никакого разжевы-

вания статей. Да и к чему они? Кого они взволнуют, кому запомнятся?

А вот горячий, заинтересованный рассказ молодого юриста о судьбах своих невольных «знакомых» — это и волнует, и запоминается. И даже то, не совсем юридическое, но очень человеческое заключение, к которому он приходит в конце рассказа: «Будь я государственным обвинителем, я посадил бы на скамью подсудимых, как соучастников, тех родителей, которые исковеркали жизнь своему ребенку тем, что никогда в нее не заглядывали, тех штатных педагогов, которых мало волнует жизнь ребят за порогом школы, тех товарищей, которые всегда в стороне».

«НОВЫЙ МИР» № 2, 1968

Кто лучше, чем поэт, сможет рассказать о творчестве своего собрата по перу? А. Твардовский написал о поэзии Маршака. И о самом Маршаке — поэте и человеке. В доме, где есть малыш, всегда есть книги Маршака. В доме, где есть книги, всегда есть книги Маршака. И, наверное, все его почитатели прочитают статью о Маршаке, написанную большим и интересным поэтом.

«ЗНАНИЕ — СИЛА» № 3, 1968

Под общим названием «Турист — явление планетарное» — целая серия статей, призывающих охранять, оберегать природу. И это не абстрактные призывы, а конкретный, как говорят, с цифрами и фактами, разговор о тех поистине варварских разрушениях, которые приносит туризм в плохом смысле нашим лесам, рекам и вообще природе.

Книжные новинки

Белецкая В. И. и Шубина Н. В. Гигиена зрения. М., «Медицина», 1968. 24 с. 100 000 экз. 4 к.

Губанова М. И. Воспитание культуры чтения младших школьников. М., «Книга», 1968. 112 с. 20 000 экз. 16 к.

Гуськов С. Семь Андреев. М., Политиздат, 1968. 142 с. с илл. 100 000 экз. 17 к. (Разговор о судьбах замечательного поколения со-

ветской молодежи, тех юношах и девушках, которым в грозном 1941 году исполнилось 17—18 лет).

Драгунский В. Рыцари и еще 57 историй. Рис. С. Калачева. М., «Сов. Россия», 1968. 334 с. с илл.; 8 л. илл. 50 000 экз. 1 р. 3 к. (Для детей младшего школьного возраста).

Кардашенко В. Н. и Стромская Е. П. Подготовка ребенка к школе. Изд. 2-е, испр. и доп. М., «Медицина», 1968. 32 с. с илл. 100 000 экз. 7 к.

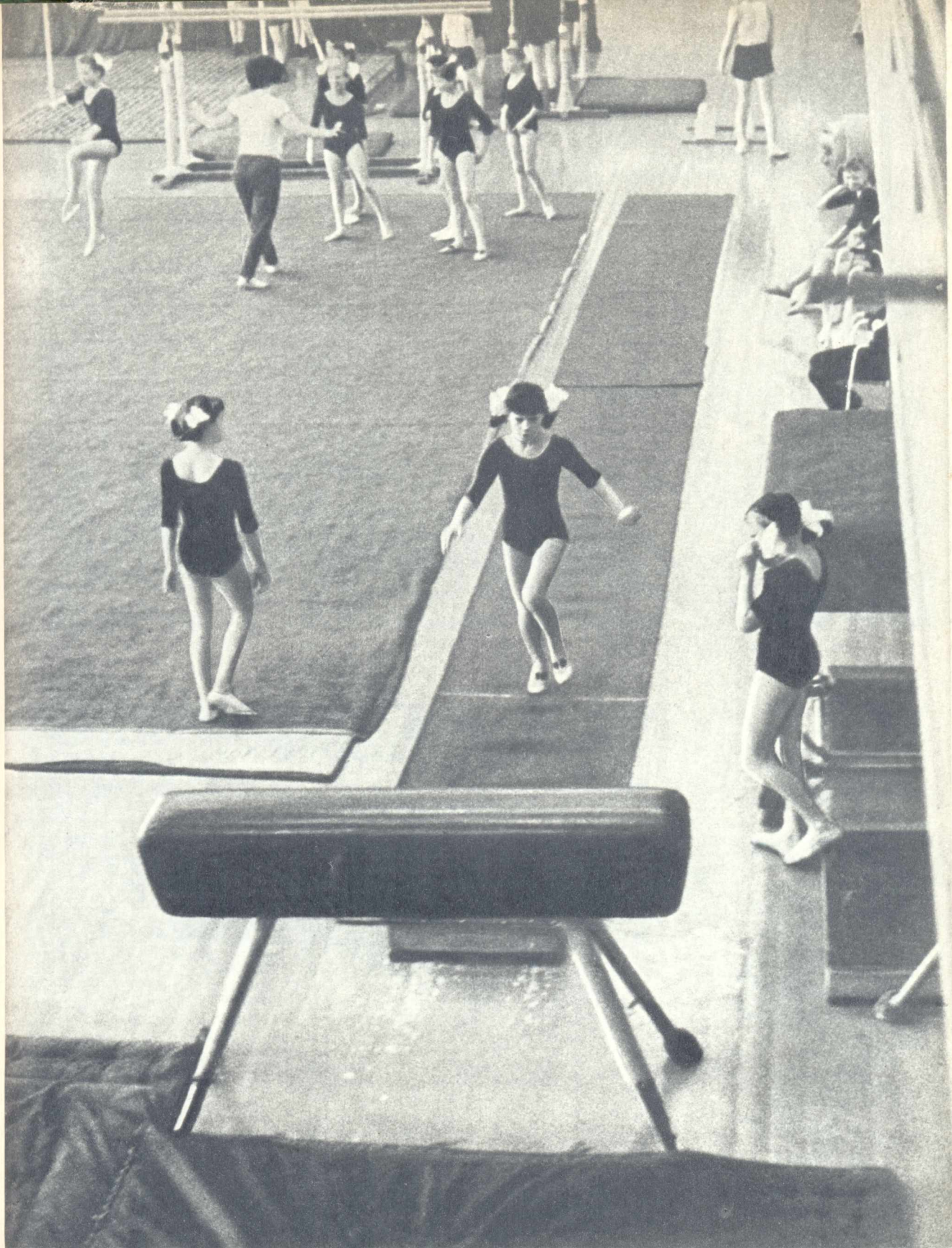
Мелвилл Г. Моби Дик. Пер.

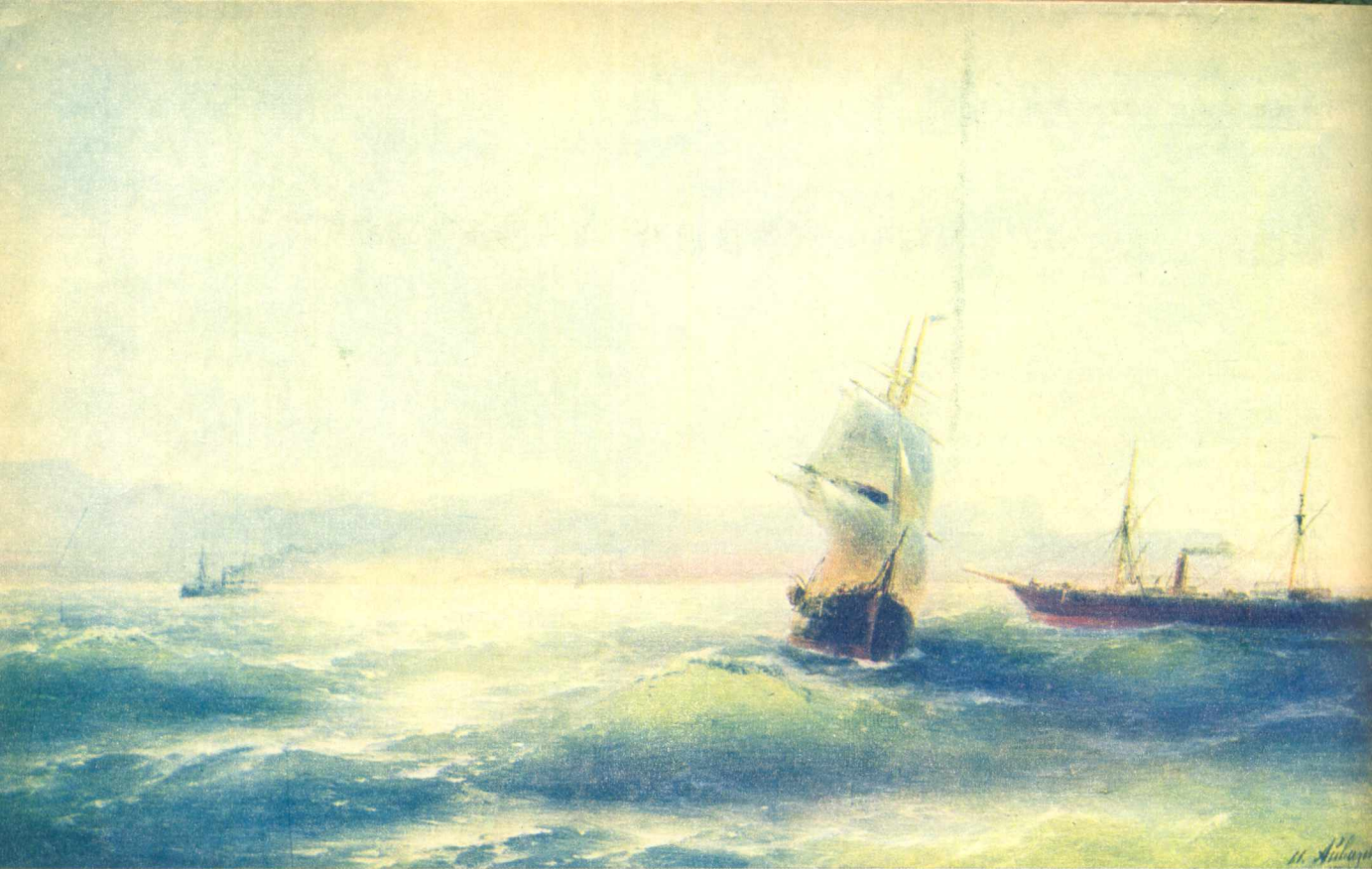
с англ. и пересказы для детей Д. Дар и В. Паперно. Рис. С. Острова. Л., «Дет. лит.», 1968. (Для детей среднего возраста).

Разговор с интересным человеком. (Сборник статей). М., «Правда», 1968. 79 с. 93 100 экз. 13 к.

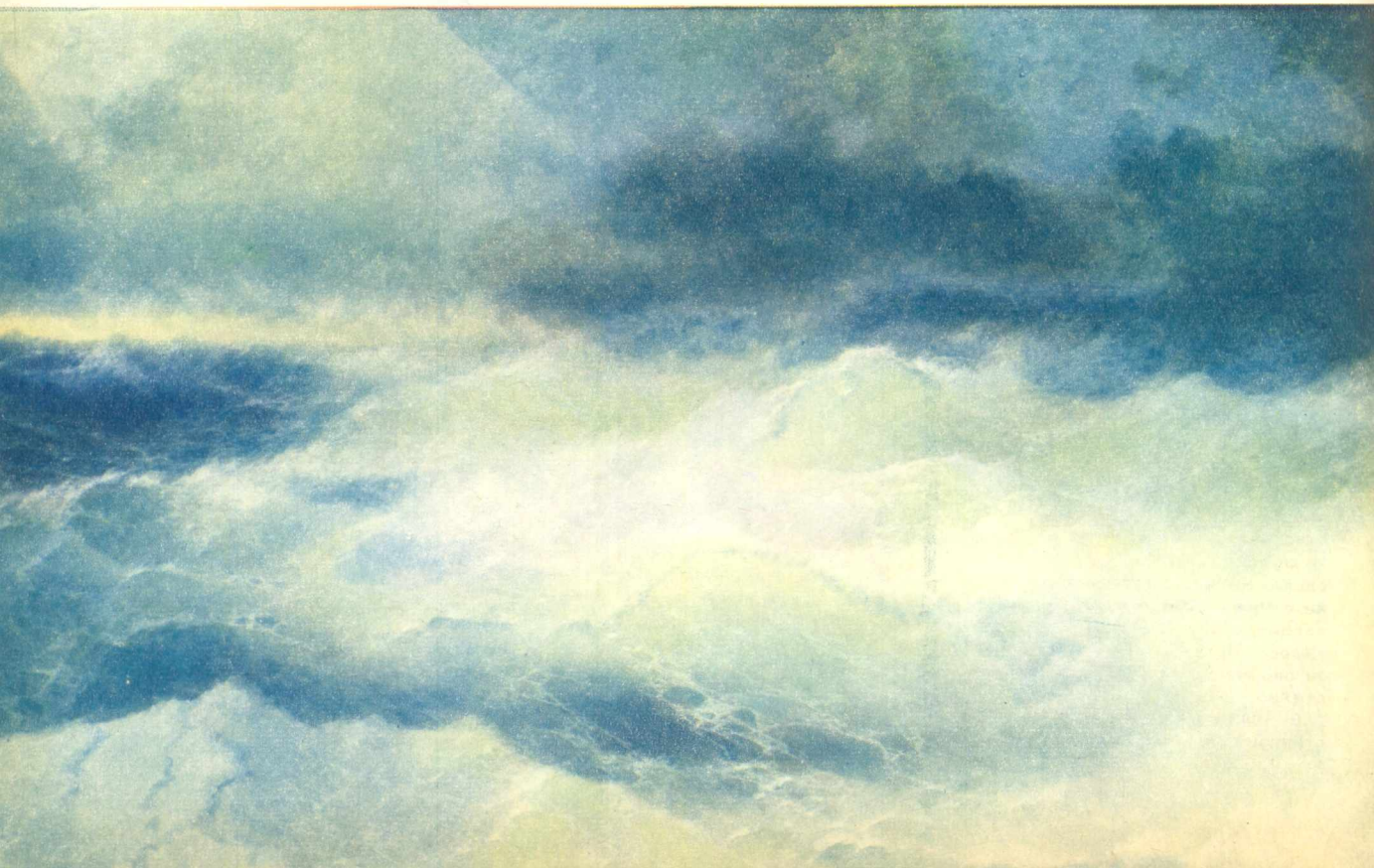
Смирнов В. Сыновья. Роман. Послесл. В. Тельпугова. М., «Худож. лит.», 1967. 365 с.; 1 л. портр. 50 000 экз. 58 к.

Трошихин В. А. и Вилениский Ю. Г. Темперамент... Что это? Киев, «Наукова думка», 1963. 123 с. с илл. 100 000 экз. 22 к.

СОЛНЕЧНЫЙ ДЕНЬ. 1884

СРЕДИ ВОЛН. 1898

ИВАН КОНСТАНТИНОВИЧ АЙВАЗОВСКИЙ

(1817—1900)

Вдохновенный поэт моря, «певец волны», Иван Константинович Айвазовский родился 17 июля 1817 года в Феодосии. Детство его было нелегким. В десять лет он стал работать «мальчиком» в кофейне. Первым его учителем рисования был городской архитектор, который однажды застал его рисующим эскадру кораблей на стене дома одной почтенной горожанки. С помощью богатых покровителей Айвазовский поступает в Симферопольскую гимназию, а в 1833 году в Петербургскую академию художеств.

Началась новая жизнь. Принятый на казенный счет в академию, талантливый юноша сразу же обратил на себя внимание. В 1835 году на академическую выставку он представил картину «Этюд воздуха над морем», которая привлекла к себе многочисленных зрителей.

Судьба свела молодого художника с выдающимися современниками — художником К. П. Брюлловым, композитором М. И. Глинкой, баснописцем И. А. Крыловым. На академической выставке 1836 года Айвазовский встретился с Пушкиным. Образ великого поэта на всю жизнь запечатлелся в душе художника. Картина «Берег моря ночью» — первая дань Айвазовского памяти поэта. Академия художеств посылает его в Крым для создания картин, изображающих крымские приморские города. И Айвазовский возвращается к морю. Он пишет виды Ялты, Феодосии, Севастополя, Керчи. Во время поездки в Крым сближается с командирами Черноморского флота — Лазаревым, Корниловым, Нахимовым.

Весной 1840 года Академия художеств отправила одаренного юношу в Италию для усовершенствования в живописи. Здесь, в Италии, к Айвазовскому приходит слава. На художественной выставке в Риме были его картины: «Неаполитанская ночь», «Буря», «Хаос». О талантливом художнике заговорили газеты. Ему посвящали стихи.

В 1843 году Айвазовский с выставкой своих картин путешес-

тует по Европе. Морская живопись в середине XIX века была мало распространена, и уже это привлекало всеобщее внимание и работам Айвазовского. По предложению французского правительства на выставку в Лувр художник представил три картины «Море в тихую погоду», «Ночь на берегу Неаполитанского залива» и «Буря у берегов Абхазии».

Один критик в своем хвалебном отзыве о картинах Айвазовского написал, что, по слухам, художник собирается навсегда остаться в Париже и принять французское подданство. Это сообщение настолько оскорбило Айвазовского, что он запросил у Академии художеств разрешения на два года раньше срока вернуться на родину.

И вот он опять в России. Совет Академии художеств присвоил Айвазовскому звание академика. За выдающиеся заслуги в области морской живописи художник был причислен к Главному Морскому штабу. Ему присвоили звание первого живописца и право носить морской мундир. Поручили написать виды русских первоклассных портов и приморских городов: Петербурга, Кронштадта, Петергофа, Гангута, Ревеля. Художник полностью отдался этой работе и за короткий срок выполнил этот заказ.

Айвазовский в это время писал много и других картин. Петербургские аристократы в погоне за модой завалили Айвазовского бесчисленными заказами. Художника наперебой приглашали в великосветские салоны. В доме князя Одоевского Айвазовский познакомился с Белинским. Эта встреча очень помогла художнику. Белинский сказал, что картины Айвазовского, совершенные по форме, полны такой безмятежности, что усыпляют у зрителя чувство общественного долга. Айвазовский закрылся у себя в мастерской. Он забыл обо всем — о заказах знатных вельмож, о светских салонах. И вскоре он принес Белинскому свою новую картину.

Художник изобразил людей, спа-

сающихся после кораблекрушения. Грозное море не утихает и в любую минуту готово поглотить этих мужественных людей. Но воля и жизни победит, стихия отступит перед бесстрашием человека.

Белинский был в восторге от картины.

Ранней весной 1845 года Айвазовский по совету Белинского уезжает в родную Феодосию, к морю, без которого немислимо было его творчество.

Почти ежегодно Айвазовский приезжал с выставкой своих картин в Петербург. Каждая поездка приносила новый успех художнику. В 1850 году Айвазовский написал свою самую значительную картину «Девятый вал».

До конца жизни он жил в Феодосии. Много энергии вложил художник в экономическое развитие и благоустройство города. Айвазовский мечтал, что в его городе будет создана школа для начинающих художников. Он даже разработал проект такой школы и обращался к царю, но поддержки не получил. Тогда он решил на свои деньги построить художественную галерею, куда будут приходить молодые художники, которым он передаст свое умение и опыт.

Галерея была построена. Слава о ней распространилась по всей России. В Феодосию приезжали любители со всей страны, чтобы увидеть его новые картины: «Радуга», «Солнечный день», «Черное море», «Среди волн».

В последние годы жизни Айвазовский вместе с Репиным пишет картину «Пушкин на берегу Черного моря». Уже глубоким стариком он создает картину «Среди волн». Десять дней писал эту картину художник. Она была так велика, что не помещалась в мастерской.

До последнего дня художник не расставался с кистью. Смерть наступила неожиданно. 2 мая 1900 года утром Айвазовский еще работал, а ночью перестало биться сердце великого художника моря.

Т. ЯКОВЛЕВА

В стране каналов и мельниц

Прошлой осенью я побывал в очень любопытной стране. Эта страна — Голландия. Сперва я увидел ее из самолета. Сверху она походила на ковер из разноцветных квадратов и треугольников. А когда самолет начал снижаться, оказалось, что все эти желтые, зеленые и коричневые пятна — поля и луга, разгороженные голубыми каналами.

Жители Голландии любят говорить про свою страну: «Бог создал море, а голландцы — берега».

Насчет бога говорится, конечно, по привычке, для красного словца. Но что насчет берегов — то здесь голландцы совершенно правы. Они могут гордиться тем, что почти половина страны отвоєвана ими у океана.

Еще несколько столетий назад те места, на которых нынче раскинулись луга, поля, фруктовые сады и проложены отличные дороги, были морским дном. Шаг за шагом трудолюбивые голландцы отгораживали участки морских заливов огромными земляными дамбами, оттесняя море.

Большая часть Голландии лежит значительно ниже уровня моря. Поэтому русло канала должно быть поднято так высоко, чтобы вода сама текла по нему к морю. Едешь иной раз вдоль поросшей кустарником

насыпи, взглянешь наверх и увидишь... большую баржу, которая медленно плывет над твоей головой на высоте двухэтажного дома. А по другую сторону шоссе, на изумрудно-зеленом лугу, пасутся выхощенные голландские коровы: белые с черными пятнами. До сих пор одна из важнейших статей местного экспорта — знаменитый голландский сыр.

Вся Голландия меньше Московской области, и города в ней расположены очень близко один от другого. Поэтому каналы здесь соперничают с шоссе. Летом по ним тянутся баржи и лодки, а зимой они превращаются в превосходные ледяные дороги. Надев коньки, ребята бегут по ним в школу. Можно увидеть и такую картину: запряженная в санки большая собака тащит по льду бидоны с молоком, а рядом скользит на коньках старуха-молочница.

Голландцы — отличные конькобежцы, и не случайно на зимних олимпиадах много призовых мест присуждается им.

Берегут Голландию от моря и ее знаменитые ветряные мельницы, похожие издали на большие игрушки.

На них давно уже не мелют зерна: это делают за них механические мельницы. А заняты они другим важным делом. Пользуясь даровой

силой ветра, постоянно дующего с моря, они откачивают лишнюю воду из каналов и гонят ее в океан.

И все же, несмотря на дамбы, плотины и каналы, море нет-нет да и прорвется через ограждения и надевает бед. Так случилось, например, совсем недавно, в 1953 году. Во время сильного шторма волны разбушевавшегося Северного моря прорвали одну из плотин, хлынули на сушу и затопили целую провинцию.

Но не только каналы и ветряные мельницы делают Голландию непохожей на другие страны. Очень своеобразно выглядят и ее города — большие и маленькие.

Земля, отвоеванная у моря с таким большим трудом, была в Голландии всегда очень дорога, и ее постоянно не хватало. Поэтому тот, кто покупал клочок земли в городе, старался построить четыре комнаты на том месте, где могла уместиться всего лишь одна.

И вот на набережных каналов, прорезающих во всех направлениях любую голландский городок, стоят, тесно прижавшись друг к другу, узенькие высокие домики. В первом этаже обычно помещается лавочка или мастерская, во втором — столовая ее владельца, в третьем — спальня, в четвертом — детская и на чердаке — кладовка.

Никаких дворов в голландских домах нет, и хозяйки развешивают белье прямо над тротуаром. Правда, свой тротуар они моют по утрам горячей водой с мылом.

Найти место для гаража тоже безнадежно. Поэтому с наступлением темноты узенькие улицы городов сплошь заполнены ночующими автомобилями, преимущественно микролитражками типа нашего «Запорожца». Заставлены машинами и набережные каналов, а поскольку на них обычно нет никаких оград, то каждую ночь две-три машины неосторожных владельцев скатываются в воду. Городскому управлению Амстердама пришлось даже завести три передвижных подъемных крана, которые только тем и занимались, что по утрам вытаскивали из каналов затонувшие машины. Благо глубина невелика — от силы метра три-четыре.

Вдоль многих набережных стоят на причале пестро раскрашенные небольшие баржи. В них живут те амстердамцы, у кого нет денег, чтобы снять квартиру на суше.

Проезд в трамвае или автобусе в Амстердаме довольно дорог. Поэтому основной транспорт здесь велосипеды. Иной раз на одном стареньком велосипеде умещается целая семья. Мама сидит в седле, перед ней, на раме, в маленьком плетеном креслице восседает дочка, а сзади, на багажнике, — сынишка.

В Амстердаме, например, велосипедов столько же, сколько жителей. И перейти улицу не так-то просто. С дребезжанием проносятся трамваи, непрерывным потоком бегут грузовики, автобусы, легковые машины, а между ними, выныривая порой из-под самых колес, мчится лавина велосипедистов.

Поэтому голландских ребят приучают с самых малых лет строго соблюдать правила уличного движения.

По утрам каждая школа высылает на ближайшие перекрестки провожатых — двух мальчиков или девочек с сигнальными палочками, увенчанными красным кружком, наподобие тех, которыми вооружены у нас дежурные по посадке в метро.

Малыши собираются стайками возле перекрестков. Как только наберется восемь-десять ребят, провожатые поднимают свои палочки, и весь транспорт останавливается, как при красном свете светофора. Провожатые переводят свою группу на другую сторону улицы.

Довелось мне побывать в одной голландской школе. И там я тоже увидел много любопытного.

Прежде всего меня поразила нарядность этой рядовой городской школы. Заглядывая в застекленные двери классов, я видел, как все окна заставлены цветущими деревцами, а стены увешаны яркими и пестрыми рисунками ребят.

Привлекли мое внимание и стеллажи с маленькими двестиграммовыми бутылочками молока. Оказывалось, ни в одном голландском магазине нельзя купить бутылку цельного молока, а только снятое. Все сливки страны идут на изготовление масла и сыра на экспорт. И только школьники получают бесплатно на завтрак маленькую бутылочку цельного молока.

А затем я вошел в самый младший класс и сразу же чуть не наступил на... зайца. Серого зайца с длинными ушами, который меня ничуть не испугался. Затем мимо моих ног прошмыгнул забавный ежик, а из-под парты выползла коричневая черепаха. В углу, в большой клетке, носилась веселая белка, а на жердочке под форточкой чистил перья свиреец.

Словом, передо мной был не класс, а подлинный уголок живой природы!

И, мне думается, очень хорошо, что дети приучаются с малых лет любить четвероногих и крылатых «меньших братьев» и заботятся о них.

Очень интересным показался мне и урок музыки. Большинство голландских народных школ не настолько богато, чтобы приобрести пианино. Но здесь нашли остроумный выход из положения. Ребята на уроке вы-

нимают из сумок небольшие деревянные дудочки. На каждой дудочке семь пронумерованных отверстий по числу нот октавы. Какое отверстие зажмешь пальцем, такая нота и получится.

Молодая учительница написала мелом на доске «3-1-2-7-2-6-5». Так начинался мотив популярной песни. Затем она подняла дирижерскую палочку. Ребята взяли в рот свои дудочки и под взмахами палочки стали дуть, зажимая по очереди пальцем те отверстия, номера которых были написаны на доске. Так была сыграна вся песенка.

А затем мы прошли в физкультурный зал, где в нашу честь состоялось выступление школьной самодеятельности. Ребята пели и плясали, не смущаясь тем, что у половины танцоров не было даже тапочек, и они лихо отплясывали кто в толстых носках домашней вязки, а кто и просто босиком.

После концерта мы разговаривали с ребятами, и первый вопрос, который мне задал смущенный мальчуган, был:

— Скажите, пожалуйста, а у вас есть горы?

Я ответил, но не сразу сообразил, почему это его так интересовало. А дело в том, что вся Голландия лежит на равнине и плоская как стол. Ребята здесь знают о горах лишь по картинкам в учебнике географии.

По той же причине второй вопрос, который мне задала девочка с тонкими носочками, был таков:

— А правда ли, что у вас можно встретить в лесу живого медведя?

Ведь больших, дремучих лесов в маленькой Голландии давно уже не осталось. Где уж там скрываться медведям!

Рисунки С. Аристакесовой

Но зато в Голландии есть такое интересное место, какого нет, пожалуй, ни в одной другой стране. Это Мадурдам, сад чудес.

Мы вошли за его ограду, поднялись на невысокую насыпь и увидели перед собой... всю страну. Всю целиком! Перед нами лежали города, поля, реки, каналы, точно такие же, как на самом деле, только уменьшенные во много раз. Мы почувствовали себя гулливерами, попавшими в страну лилипутов.

А вот и Амстердам. Легко узнаешь его улицы, площади, каналы, здание музея Рембрандта, ратушу, парки, можно даже найти гостиницу, в которой мы остановились.

Пройдешь по насыпи немного дальше и увидишь Роттердам с его самым большим в Европе портом. Медленно отходят от причалов огромные океанские лайнеры, а между ними снуют бусиры и катера.

А вот и тенистый парк, в котором расположен королевский дворец. Начинает играть музыка, и из дворцовых ворот выходят крохотные солдатики караула в полной парадной форме и сменяют часовых.

Все это чем-то похоже на кукольный театр, но все движется и все, до малейших деталей, повторяет настоящее. Голландские школьники приезжают сюда целыми классами на весь день. Здесь они узнают свою страну. И, в самом деле, лучшего урока географии не придумаешь!

Этот чудесный городок голландцы построили на собранных по подписке деньги в память молодого офицера, героически погибшего в годы второй мировой войны. Тогда голландское правительство капиталистов постыдно бросило армию и народ на произвол судьбы и бежало в Англию. Но солдаты и матросы еще десять дней боролись с фашистскими ордами, обороняя свою родину до последней капли крови.

Но даже когда страна была оккупирована немцами, голландские рабочие и доеры не покорились захватчикам. Когда фашисты захотели угнать в лагерь смерти собранных в гетто амстердамских евреев, остановились станы на всех фабриках и заводах, перестали ходить поезда, прекратилась погрузка судов. И фашистское командование вынуждено было отступить перед безоружными молчаливыми людьми, стоявшими на улицах со скрещенными на груди руками.

Заботливо ухаживают голландцы за большим тихим кладбищем близ города Арнема, где похоронены сотни замученных фашистами русских военнопленных. Пусть на многих могилах написано: «Имя неизвестно» — каждая из них украшена мраморной плитой и живыми цветами.

И. КИЧИНА

Рисунки К. Соколова

«ВНОВЬ Я ПОСЕТИЛ...»

Когда снова я переживаю и оцениваю впечатления прошедшего лета, на ум приходит одно слово: подарок. Ощущение именно такое: радость от неожиданного и дорогого для души подарка. Им стала летняя поездка в знаменитый Пушкинский заповедник — Михайловское.

Мечта о поездке жила давно, она дразнила богатством предстоящих впечатлений. Но поистине нужно непосредственно увидеть и перечувствовать все, чтобы узнать действительную цену этому богатству, чтобы оно стало твоим, вошло, что называется, в плоть и в душу. Радостное беспокойство владения чем-то высоким, прекрасным вызывает настоятельную потребность: поделиться. Поэтому я взялась за перо, чтобы рассказать о поездке в Михайловское...

Волнующее ощущение предстоящей встречи возникло уже в Пскове. Сам этот удивительный город — тема для особого разговора. Стремясь поскорее в Михайловское, мы воспринимали его только как путевой этап. Но в нем, если приглядеться, была своя, «пушкинская», особина.

Уж чего обычнее: вечером в вестибюле гостиницы приезжие ожидают возможности устроиться на ночлег. Но это не те деловые «командировочные», которых встречаешь в гостинице любого другого города. И трех общительных девушек-студенток, и супружескую туристскую пару, объехавшую, оказывается, на своем мотоцикле уже всю область, и высокого бородатого парня, рассказывающего об интереснейшем Печорском монастыре, — всех их объединяет какая-то неуловимая духовность. Она рождена общей целью, которая привела их в эту гостиницу, — завтра они встречаются с Пушкиным.

...И вот пришло завтра. Мы в Пушкинских горах, бывшем Святогорском монастыре, у могилы поэта. Белый строгий обелиск стоит на широкой площадке у края обрыва, откуда открывается живописный вид. Невольно вспоминаешь строки Пушкина из письма к жене. Он писал немного в шутку, но больше всерьез: «Умри я сегодня, что с вами будет? Мало утешения в том, что меня похоронят в полосатом кафтане, и еще на тесном Петербургском кладбище, а не в церкви на просторе, как прилично порядочному человеку». Его похоронили на просторе, в тени вековых деревьев, у стены спокой-

ного и величавого монастыря. Могила всегда в цветах, и идут, идут мимо нее люди.

В Михайловское мы пошли пешком, по широкой и тихой лесной дороге. Мимо нас проносились экскурсионные автобусы и машины, и мне до сих пор жаль пассажиров: они не прошли по так знакомому Пушкину пути, не постояли у камня на развилке, где написано: «Направо пойдешь — в Михайловское попадешь, налево пойдешь...» И камень тоже стал штрихом в общем впечатлении чего-то удивительно русского и дорогого, которое складывалось понемногу: от величаво славянских названий — рена Великая, городище Воронич, озеро Маленец; от белеющей над зеленью монастырской башни, плавно переходящей в шпиль; от только что увиденной в монастыре кельи, будто Пименовской, в которой и Пушкин, говорят, иногда работал над старинными рукописями; от холмистых полей, открывшихся вдруг, когда кончилась лесная дорога; от всей тишины...

А вот и вход в парк Михайловского. Автобусы здесь остаются, а гости идут к дому по широкой, немного мрачной аллее. Прямая «ганнибаловская» еловая аллея рождает ощущение заповедности той земли, на которую ты вступил. Многие из сохранившихся елей — двухсотлетние — громадные и величавы.

Выходим и усадьбе — группе доминов, таких скромных и маленьких. Бродим по небогатым комнатам, и жива для тебя каждая вещь! Вот эти книги — а их много — читал Пушкин, вот это его пистолеты, а вот и портреты — те самые! Их видела Татьяна в онегинском кабинете.

И стол с померншею лампадой,
И груда книг, и под окном
Кровать, покрытая ковром,
И вид в окно сквозь сумрак лунный,
И этот бледный полусвет,
И лорда Байрона портрет,
И столбик с кнуклою чугуной
Под шляпой с пасмурным челом,
С руками сжатыми крестом.

С этого крыльца, верхом, вдоль озера отправлялся Пушкин в Тригорское. И мы идем той же дорогой.

Каждый шаг по ней — радость, потому что, вновь и вновь, это встреча с пушкинскими стихами и их «первоисточниками».

Вот холм лесистый, над которым часто
Я сживал недвижим — и глядел
На озеро, вспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...

А эта наклонная, с ложбинами, дорога — о ней ведь тоже сказано, да как точно, с какой сыновней любовью:

...На границе
Владений дедовских, на месте том,
Где в гору подымается дорога,
Изытая дождями, три сосны
Стоят — одна поодаль, две другие
Друг и дружне близко...

И «племя младое» возле старых сосен, хоть не то уж, какое встречал Пушкин, а совсем новое, — вот оно, и я с ним. Начинаешь осознавать то, что все время смутно чувствовалось и волновало, — живую связь времен. Не это ли и есть чувство Родины? В Михайловском его носишь в себе, как нечто наполняющее тебя до краев, и боишься расплескать его...

А дорога чем дальше, тем краше.

Непередаваема красота открывающихся с Савкиной горки холмистых полей, желтых или зеленых, тихой извилистой речки, вековых деревьев и сияющего озера. А главная прелесть здешней природы — в покое, тишине, зачарованности. Небо подернуто пеленой высоких облаков, но они так далеки, что солнце все время чувствуется, оно здесь, от него — рассеянный, сиротный свет. Полное безветрие, тихость такие, каких, кажется, нигде больше не бывает.

Чуть отойдешь от экскурсии — и ни души. Кое-где видные стада не нарушают покоя, скорее подчеркивают его, как и трактор, стрекочущий где-то далеко-далеко. Речка не шелокнется, на ней одинокая лодка рыбака. Еще дальше две пожилые женщины полощут белье, а рядом их внучата.

Как-то очень прозрачно и мягко выглядит все, что перед тобою. Здешняя природа одухотворена Пушкиным, поэзией, стихами. Они живут вокруг: и материально

высеченные на небольших мраморных плитах, и духовно — в помыслах человека, бродящего по этой земле.

Счастлиное сочетание спокойствия и прелести природы с высокой поэзией потрясает душу каждого. Люди здесь полны благоговейного чувства, и оно проявляется во всем их поведении, в выражении лиц, в разговорах. А ведь по этим дорогам проходят тысячи — непрерывным потоком.

Вот и новая радость узнавания: на плавных и в то же время четких трех горках показалось Тригорское.

Мы знаем, как общителен был Пушкин, как сердечен и тем, в ком видел своих друзей. Уж не говорю о бесконечной нежности к Пушкину, ее в Михайловском представляешь себе особенно живо. Вот аллея и двор, оглашенные его нежным колыбельником, крыльцо, куда высочил поэт, босой и полуодетый, комната, где до утра друзья читали стихи и не могли наговориться.

Свежо и по-новому открывается эта сторона личности Пушкина и в его отношениях с Осиповыми-Вульф, владельцами Тригорского. Он глубоко уважал хозяйку дома, умную и образованную Прасковью Александровну. С ее сыном Алексеем Вульфom Пушкина соединяла дружба, основанная на общих идеях и литературных интересах. Вот в этом углу старинного парня, над самым обрывом, стояла банька. Сюда нередко молодые люди — Пушкин, Вульф и гостивший в Тригорском поэт Н. М. Языков — уходили ночевать, захватив хлеба с молоком да стихи и продолжая здесь допоздна свои споры, беседы, шутки. А рано утром сбегали по крутой лестнице к Сороти — купаться.

Нам известна широкая образованность Пушкина. Но нужно побывать в кельях Святогорского монастыря, где он читал древние рукописи, в его кабинете среди книг — художественных и политических, экономических и исторических, русских и иностранных, — узнать, что, уезжая из Михайловского, он увез с собой книги на двенадцати телегах, чтобы реально представить себе Пушкина — серьезнейшего литератора, историка, исследователя. Обывательское представление создало образ легкомысленного поэта «милостью божьей». В Михайловском не раз снова открываешь для себя: как же много этот человек работал! И как любил он свой труд, с какой мудрой нежностью писал о нем:

На свете счастья нет, но есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мне доля —
Давно усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальную трудов и чистых нег.

«Усталым рабом» чувствовал он себя в условиях света, его суety и злобы, лишенный своей работы...

Анна Петровна Керн писала об удивительной обаятельности Пушкина в моменты радости: «Вообще же нздо сказать, что он не умел скрывать своих чувств, выражая их всегда искренне и был неописанно хорош, когда что-нибудь приятное волновало его...»

Здесь, в Тригорском, особенно ярко чувствуешь, сколько жизни вносил он в этот дом своим талантом, широтой своих интересов, остроумием, озорством.

М. И. Осипова, одна из дочерей Прасковьи Александровны, вспоминала: «Пушкин являлся и нам из своего Михайловского. Приезжал он обыкновенно верхом на прекрасном аргамаке... Приходил, бывало, и пешком;

подберется и дому иногда совсем незаметно; если летом, окна бывали раскрыты, он шаст и влезет в окно... Все у нас, бывало, сидят за делом... Ну, пришел Пушкин — все пошло вверх дном, смех, шутки, говор так и раздаются по комнатам». Рассказывают: когда Марию Ивановну спросили, в которое же окно чаще всего лазил Пушкин, она ответила: «И, батюшка, да он, почитай, во все окна перелазил».

Но это шутки. А главным была атмосфера культуры, искусства, «сияние муз», которые вносил в дом Пушкин! Кабинет Прасковьи Александровны — своеобразный пушкинский музей. После смерти поэта хозяйка с великой любовью собрала все, что связано было с его памятью — вещи, книги, письма. Мы видим их в шкафах и на столе, видим и щеплящую душу надпись, сделанную рукой Прасковьи Александровны по правилам старин-

ной орфографии: «Вот что осталось от счастливого времени моей жизни».

Печать пушкинского обаяния лежит на всем доме. Не только потому, что сами его обитатели послужили в какой-то мере прототипами семейства Лариных. Еще и потому, что они любовно берегли все, что так или иначе было связано с личностью и творчеством поэта. Широкая белая скамья стоит над Соротью, над ней — могучие ветви старого дуба, вокруг двухсотлетние липы. Это — «скамья Онегина». Дальняя, задумчивая аллея — «аллея Татьяны». «Зеленый зал», окруженный стеной громадных лип, тоже связан с памятью Пушкина. И так — весь парк, весь дом.

Сам поэт глубоко ощущал узы, соединяющие его с людьми и природой Тригорского.

О, где б судьба ни назначала
Мне безымянный уголок,
Где б ни был я, куда б ни мчала
Она смиренный мой челнок,
Где поздний мир мне б ни сулила,
Где б ни ждала меня могила,
Везде, везде в душе моей
Благословлю своих друзей.
Нет! Нет! Нигде не позабуду
Их милых, ласковых речей;
Вдали, один, среди людей
Вообразать я вечно буду
Вас, тени прибрежных ив,
Вас, мир и сон Тригорских нив.

И любовь поэта — как чувствуешь кругом ее дыхание. Тригорские барышни не были равнодушны к Пушкину. И он бывал шутило влюблен в веселость и живость одной, в серьезность и талант другой. В Тригорском гостила А. П. Керн, и именно здесь были написаны те

стихи, что всегда покоряют своей трепетностью и чистотой.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Сколько нагромождено обывательской пошлости по поводу «любимой линии» пушкинской жизни. А здесь в Тригорском и Михайловском опять с особенной ясностью я поняла, как велико душевное здоровье поэта, как высоко человек он в своем чувстве. Мысленно перечитывая его стихи, я вновь и вновь поражалась естественному, органичному сочетанию в них строгой точности изображения «натуры» чувства с благородной его одухотворенностью.

...Мои стихи, сливаясь и журча,
Тенут, ручьи любви, тенут, полны тобою.
Во тьме твои глаза блистают предо мною,
Мне улыбаются, и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг...
люблю... твою... твою.

На другой день мы плыли в лодке далеко по Сороти, вплоть до ее впадения в Великую, а затем по широкой и такой же тихой Великой — и это тоже был Пушкин. И когда я видела обыкновенную турбазовскую парочку, одиноко сидящую над обрывом на «скамье Онегина», — в этом тоже был Пушкин. А уж эти холмы, и рощи, и тихие озера — они и вовсе пушкинские.

Отзвук высокой поэзии ложится здесь на все, и на тебя в первую очередь. И так хотелось, чтобы он был уловлен, воспринят каждым, а особенно — близкими тебе, молодыми, теми, кого ты воспитываешь.

Как-то в газете прочитала я небольшое письмо «на тему воспитания», как принято у нас говорить. Его автор, из Ленинградской области, вдумчивый отец, писал: «Чтобы отец был близок сыну, а сын отцу, нужно, чтобы они или чаще делали одно дело, или хотя бы чаще думали об одном и том же».

Эта простая, но удивительно верная мысль все время жила во мне в Михайловском. Вот где благодатная почва для сопереживания, вот где можно вместе думать и любить одно, вместе питать свои души прекрасным, человеческим. Как жаль, что мы, воспитатели, редко и случайно используем такие возможности. А они вокруг нас на каждом шагу. Деятельное сопереживание доброго, творческого, красивого — самая глубокая и прочная основа воспитания, основа, на которой вырастает человек.

Наша богатейшая культура, наша славная история — целая россыпь жемчужин, одна из которых предстала предо мной в Михайловском. Донести их красоту до своих питомцев — нелегкий, но радостный для воспитателя труд. И этот труд тем плодотворнее, чем богаче ты сам напитан живыми встречами с прекрасным.

Каждый из нас знаком с Пушкиным с детства. И все-таки, побывав в этих местах, я с обновленным чувством открываю повторю строку: «Вновь я посетил...». Посетил чудесную страну поэзии, которая называется: Пушкин.

Рассказ

По деревенской улице, не торопясь, вперевалочку идет Санька Гудков. На нем выцветшая рубашка-новобойка и серая с маленьким козырьком непочка.

У поворота дороги Санька останавливается и, щурясь, смотрит на блестящую, еще не покрашенную крышу колхозного амбара, на которой будто расплавилось и серебром разлилось горячее июньское солнце. Санька опускает глаза и надвигает на лоб непочку. Он собрался было повернуть и идти дальше, к речке, как услышал тихий, вкрадчивый голос иладовщика Евстигней:

— Как поживаешь, верхолаз? — спрашивает иладовщик, запирая на большой висячий замок дверь амбара.

— Порядочек, — отвечает Санька. — Сегодня сорочье гнездо нашел. А в нем кольца золотые.

— Да ну?

Санька лезет в карман и достает два тоненьких позеленевших колечка с бледно-розовыми стеклышками.

— Золотые, говоришь? — разглядывая колечка, усмехается Евстигней. — Только золото-то самоварное.

— А дед Метелин рассказывал, — загорается Санька, — что, когда он был маленьким, золотую ложку с полфунта весом в сорочьем гнезде нашел... Во!

— А половник с бриллиантовой ручкой твой дед Метелин не находил часом, а?

Санька молчит. Он верит, что дед нашел золотую ложку.

— А снажи-на, милок, ты что ж это на Большие липы лазишь? Грачей зорить? — вдруг спрашивает Евстигней.

— Так я ж не зорил...

— Тогда зачем лазил?

— А на спор... с Петькой Сивцо-

вым. «Не залезть тебе, Санька, на Большие липы, — сказал Петька, — и не достать из гнезда перо грачиное». Ну, я и залез, а грачей не трогал. Что я, беспонятливый, что ли? А если сорочьи гнезда разоряю, — продолжает Санька, — так это ж по заданию самого председателя, Константина Егорыча. «Займись, — говорит он мне, — сороками. Они десять и шесть десятых процента куриных яиц на колхозном птичнике выпивают».

— Шесть десятых, говоришь? — переспрашивает Евстигней.

На другом конце деревни кто-то с оттяжкой ударяет по рельсу. «Раз... два... три», — считает Санька. Протяжные звуки замолкают и снова: бем... бем... бем.

— Обед, — объявляет Евстигней. — Пошли домой...

— Не... Я на речку.

И Санька идет дальше: мимо колхозного илуба, где кто-то неумело пиликает на гармони, мимо сада с еще не поспевшими, крепкими, как деревяшки, грушами, мимо полей цветущего льна, голубого-пеглоубого... И Саньке кажется, что это вовсе не лен, а упавшее на землю небо.

На берегу реки Вертушкин, окруженный ребятами, сидит дед Метелин. На нем серый бумажный свитер и широкие галифе горохового цвета. На ногах шерстяные носки и купленные в сельпо спортивные кеды.

— Ух, жара-то какая! Чисто пекло! Хотя в речку лезь, — щурясь на солнце, жалуется дед Метелин.

— Пойдем, дедушка! Пойдем! — обрадовались мальчишки.

Еще бы! Повернулся случай испугаться в компании с дедом. Быстро побросав штаны и рубашки, мальчишки попрыгали в воду. Дед раздевается потихоньку. Мало кому доводилось видеть, как плавают дед

Метелин, и ребята заспорили: одни кричали, что полплавает он саженьками, другие — брассом. А дед мелкими шажками, не разгибая колен, направился к плесу.

Дальше произошло такое, чего совсем не ожидали мальчишки — поскользнувшись, дед с шумом упал в ледяную воду.

— Ух! Ух, батюшки! Обожгло все-го! — запричитал он и так отчаянно забарабанил по воде ногами, что за столбом поднятых брызг разглядеть пловца не было никакой возможности.

После купания ребята снова окружили деда.

— Дедушка, а ты когда в партизанах был, героические поступки совершал? — спросил посиневший от долгого купания Санька.

— Да как тебе сказать, — ответил старик. — По мне, не совершал, а правительством медалью наградили.

— За что, дедушка? Расскажи, — попросили ребята.

— Рассказать можно, — соглашается дед. — Кашеваром я в отряде тогда был. С харчами худо было, голодно... А в тот раз, про который рассказываю, и вовсе последнее пшено в котел засыпал... Сижу, значит, ребят дожидаясь с задания. Сейчас, думаю, придут, голуби мои, наши поедят, проголодались небось за целый-

**В ЧАСЫ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА**

то день... И только это я подумал, как слышу, гудит что-то. Поднял голову — самолет. Фриц над лесом кружит. Видать, про нас, про партизан, шельмец, проникнул... Слышу, бомбы нидать начал... А одна совсем рядом разорвалась. Упал я ничком и думаю: «Не угодил бы в нашу, фриц проклятый, тогда беда — ребята голодными останутся». Посмотрел я на котел и обомлел весь: в котле — дыра, а из нее каша валит. Забыл я тут про бомбежку и — к каше. Да и закрил в горячах дыру ладонью.

Кашу ели, хвалили. А с рукой вот... припекло маленько.

И ребята увидели большую, стянутую красными рубцами дедову руку... Молчание нарушил маленький Филиппа.

— Смотри, дедушка! — закричал он. — Куриный фашист летит!

И правда: высоко в небе, в белых перистых облаках, кренясь на одно крыло, парил ястреб.

— Ах ты, ворюга проклятый! — закричала птичница Наталья, увидев, как ястреб согнул спину хохлатки.

Белый вихрь кудахтающих нур взвился над птичником. Наталья подбежала ближе и бросила в ястреба ведром. Тот отскочил в сторону, хищно уставился на птичницу. Желтые глаза его сверкали, в когтях шевелились на ветру куриные перья.

Подбежать еще ближе Наталья не решалась. А он медленно расправил могучие крылья, взмахнул ими и оторвался от земли.

— И чего только мужики смотрят?! — заругалась Наталья. — Второй год этот Змей Горыныч нур да цыплят таскает, а мы терпим.

Она подняла ведро, поставила его у ворот птичника и решительным шагом направилась в правление.

Выслушав птичницу, председатель колхоза Константин Егорович подумал немного, постучал, как обычно, карандашом по столу и сказал:

— Хорошо, Наталья Максимовна, примем меры. Попрошу Метелкина и Саньку. Они найдут на него управу.

Вот уже второй день дед Метелкин и Санька сидят в лопухах недалеко от птичника — караулят ястреба.

В руках у деда колхозная двустволка, а на тоненькой загорелой Санькиной шее висит бинокль. Надевая его на Саньку, Константин Егорович сказал с шутилкой торжественностью: «Куриное поголовье нашего колхоза в опасности... Врага надо выследить и уничтожить!»

...Часов в двенадцать пополудни второго дня засады Санька, припав к окулярам бинокля, передал деду уже не первое донесение:

— На горизонте, у Старого заката, справа от пожарной вышки, темная точка... Точка направляется к птичнику...

Дед Метелкин возится в лопухах и, выбрав положение поудобнее, взводит оба курка двустволки.

А Санька продолжает:

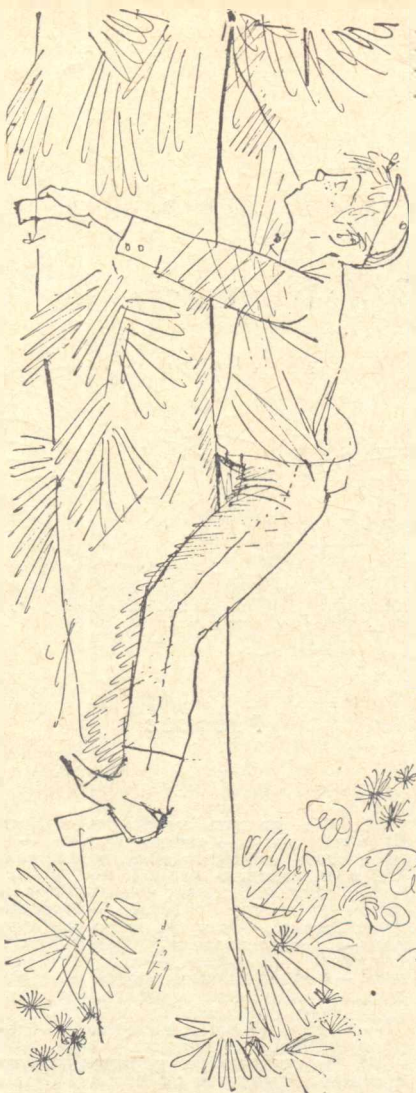
— Точка превратилась в птицу. Небось опять сорока, — недовольно бормочет дед.

— Пока не разберу... Нет, вижу... ворона!

Дед досадливо машет рукой и осторожно спускает курки.

— Просидим мы тут с тобой, Саня, до морковкиных заговет, — говорит он. — Нужно идти на Марьину балку. Бабы по грибы ходили, рассказывали... в ельнике куриные перья видели... Он, разбойник, должно, там квартирует.

До Марьиной балки дошли быстро. Ввиду на опушку леса, осмотрелись. Внизу по обоим берегам петлявшей в лугах Вертушинки стояли копны свежего сена. Справа от деревни, на

все время убежал вперед, стараясь побыстрее найти гнездо.

Неожиданно Санька высочил на просеку и, увидев около сгнившего пня кучу перьев, крикнул:

— Дедушка, иди сюда, смотри!

— Ишь, злодей, где кужню устроил, — разглядывая перья, проворчал дед. — Должно, и наших курочек тут разделявает.

Санька оглядел верхушки деревьев и молча помчался к высокой раскидистой елке. В ее ветвях застряло гнездо, похожее на большую темную шапку.

Не успел дед Метелкин опомниться, как Санька уже был на дереве.

— Слезай, Саня, — трусцой подбежав к елке, зашептал дед. — Сначала засаду устроим, а гнездо после зорить будем.

— А если он там? Я его живьем!

— Иль без глаз остаться хочешь? — заволовался дед и принажал. — Слезай! Кому говорят!

Санька нехотя слез.

— Тогда бабахни по гнезду, дедушка. Если он там, то...

Санька не договорил. Раздался выстрел. Посыпались мелкие ветки. Сизый дымок, расслаиваясь, поплыл над ельником. И тут охотники увидели

Рисунки Г. Калиновского

дальнем ржаном поле, беззвучно махала короткими крыльями жнейка.

— Взгляни-ка, Саня, — взяв за плечо мальчика, вдруг тихо сказал дед. — Разбойник-то и деревне летит.

Приставив к глазам бинокль, Санька увидел ястреба. Хищник казался так близко, что хотелось схватить его рукой.

— Смотри, дедушка, пикирует! — не отрываясь от бинокля, крикнул Санька. — Прямо на птичник!

А через минуту он доложил: — Сюда летит... В когтях держит что-то.

— Не спуская с него глаз, Саня, — приказал дед. — Примечай, где садиться будет.

Санька и дед хорошо видели, куда опустился ястреб. Пройдя низом Марьиной балки, они вошли в ельник. В лесу было прохладно и сумрачно. Густые ели, сцепившись ветвями, почти не пропускали света.

Дед не поспевал за Санькой, а тот

ли, как из гнезда вывалилось что-то черное.

— Ура! Конеч Змее Горынычу! — восторженно закричал Санька.

Солнце еще не опустилось, когда дед Метелкин и Санька подошли к деревне.

Санька нарочно повел деда мимо птичника, ему хотелось показать тетке Наталье ястреба.

Увидев охотников, Наталья всплеснула руками:

— Никак Змея Горыныча изловили! Вот это охотнички! По десять труднейшей вам не жалко... Дедушка Метелкин, вы этого ястреба нам отдайте, — попросила она. — Мы из него чуело сделаем.

— Это уж как Санька, — ответил дед.

— Только не сейчас, — важно заявил Санька. — Сейчас мы в правление.

— Ну-ну... — понимающе кивнула птичница.

В темпе марша *mf*

Голос 1 Тру - ба в до - ро - гу

Ф-но *тр*

нас зо-вет, мы от-прав-ля-ем-ся в по-ход. Рюк-зак дав-но у-ло-жен, марш-

mf *тр*

Припев *f*

-рут дав-но про-ло-жен. Пусть гром гре-мит над го-ло-вой, пусть дождь бу-шу-ет

mf

Для повторения

mf

про-лив-ной-не бес-по-кой-тесь, ма-мы: силь-не-е толь-ко ста-нем.

Для окончания

mf

2. У-// -ста-нем.

тр

В ПОХОД

Слова С. ИВАНОВА

Музыка В. НАШИВОЧНИКОВА

Труба в дорогу нас зовет,
Мы отправляемся в поход.
Рюкзак давно уложен,
Маршрут давно проложен.

Припев:

Пусть гром гремит над головой,
Пусть дождь бушует проливной —
Не беспокойтесь, мамы:
Сильнее только станем.

Увидим сполохи зарниц,
Услышим в рощах пенье птиц,
Из родника лесного
Воды попьем студеной.

Припев.

Палатку в чаще разобьем,
Костер веселый разожжем,
Споём негромко песню
О дружбе пионерской.

Припев.

ДАРЫ ЛЕСА

Кто не знает кустиков черники? У нее остросеребристые зеленые ветви. Листья тонкие, ярко-зеленые. Особенно часто встречается она в еловых лесах.

Черника растет у нас в средней и северной полосе, есть она и на Кавказе. Ученые подсчитали, что только в лесной зоне Европейской части нашей страны в среднем ежегодно созревает 418 тысяч тонн черники. Однако используется только ничтожная часть ее.

Собирайте только зрелые ягоды. Они черно-синие с сизоватым налетом, сочные. Рвите их осторожно, не мните. Собранные ягоды можно есть в свежем виде, они очень вкусные, но хороши они и для варенья, мармелада, джема, различных напитков.

Хотите сделать мармелад из черники? Переберите ягоды, вымойте их, протрите через сито. На один килограмм ягод добавьте 600 граммов сахара и варите до тех пор, пока густая масса не будет отставать от дна кастрюли.

Пока масса горячая, вылейте ее на блюдо, смоченное холодной водой. Как только мармелад остынет, его нарезают кусочками и складывают в банки.

Самая простая переработка черники — сушка. Перед сушкой ягоды обычно перебирают и подвяливают на открытом воздухе. Затем помещают ягоды в русскую печь и сушат при температуре около 60—70 градусов, но не выше.

Слой ягод при этом не должен быть толще полутора-двух сантиметров. Хорошо высушенные ягоды сильно сморщены, не пачкают рук и не образуют плотных комков при хранении.

Сушеная черника — замечательное лекарство при расстройствах желудка. Для приготовления лечебного настоя одну столовую ложку черники заливают стаканом кипятка. Ставят на огонь, затем процеживают и пьют в теплом виде по четверти стакана четыре раза в день до еды.

Не проходите в лесу мимо голубики. Называют ее также гонобель, пьяника. Ее кусты выше, чем черничные. Ветви круглые, цветки мелкие, поникающие, беловатые или розоватые. Ягоды овальные, голубовато-синие, внутри зеленые.

Растет голубика в северной и средней полосе Европейской части страны, в Сибири, на Дальнем Востоке. Вы найдете ее в болотистых лесах, на торфянике. Часто голубика растет рядом с багульниковым, который издает резкий одурманивающий запах. Если долго бродить в его зарослях, то может наступить одурманивающее состояние. Сама голубика пьянящим действием не обладает, и названия своего никак не оправдывает.

Ягоды голубики созревают в июле-августе. Эта ягода так же, как и черника, — кладезь витаминов. Например, солей железа в голубике в два раза больше, чем в яблоках.

Чаще всего эту ягоду едят сырой, особенно в летнюю жару. Но из нее можно приготовить и ароматный компот, и вкусный кисель, и варенье. Нетрудно заготовить на зиму и сушеную голубику. Сушат ее в русской печи на противнях или в духовом шкафу.

По берегам рек, ручьев, по лесным оврагам, опушкам, на влажных лугах растет черемуха. Растет она в виде кустарника или дерева. Очень красивы деревья в пору цветения.

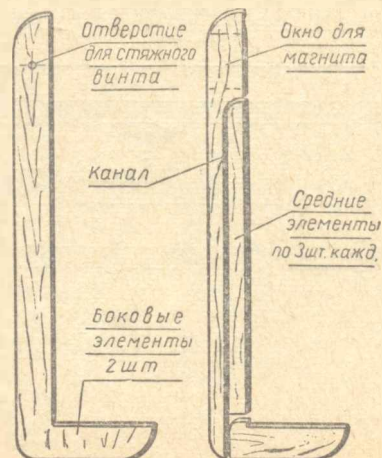
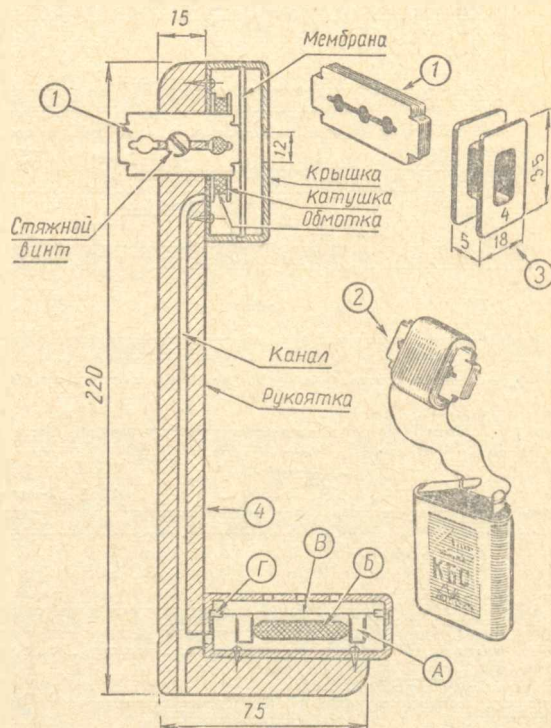
Ягоды черемухи начинают созревать в конце июля. Плоды содержат сахар, яблочную, лимонную кислоту, витамины, дубильные и другие вещества. Из черемухи готовят напитки и лекарства, которые незаменимы при желудочно-кишечных расстройствах.

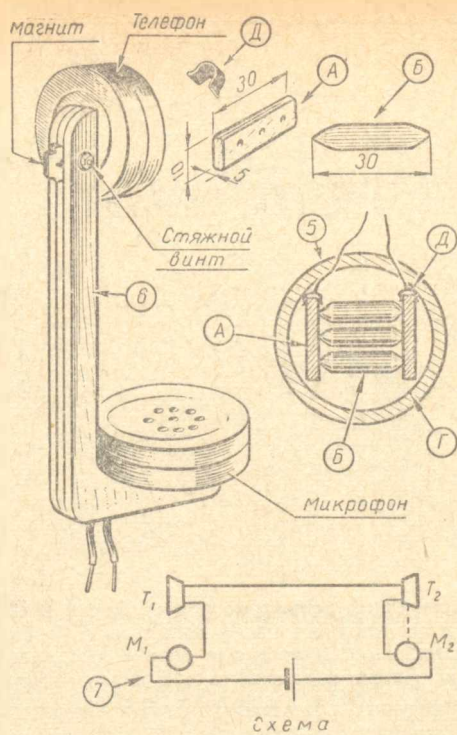
Сушат черемуку при температуре 40—60 градусов, разстелив тонким слоем на противнях. После сушки плоды протирают на грохоте или сите, чтобы отделить плоды от плодоножек и стебельков. В Сибири из черемухи делают муку и употребляют ее как начинку для пирогов, делают из нее желе с молоком и водой, кладут в чай.

Б. АЛЕКСАНДРОВ

ТЕЛЕФОН

Основой телефона служит стальной магнит (рис. 1), который собирают на нитроиле из старых лезвий от безопасных бритв. Надо получить пакет толщиной около 4 мм. Для намагничивания обматывают его медным эмалированным проводом диаметром 0,5—0,8 мм (300—500 витков). Защищенные концы подводят к батарее карманного фонаря (рис. 2).

Один из концов прочно соединяют с концом батареи, а другим касаются (и размыкают) контакта на протяжении 20 минут. Но лучше всего намагничивать пакет лезвий от аккумулятора или нескольких соединенных батарей карманного фонаря.

Катушку (рис. 3) изготавливают из пресс-шпана или картона, вырезав две ее боковины по размерам, указанным на рисунке. Один из концов магнита оклеивают полоской (слоем) бумаги шириной 7 мм, после чего также на клею насаживают боковины. Просушив катушку, делают обмотку из эмалированного провода диаметром около 0,15 мм. Для этой цели потребуется около 60 м провода.

Корпусами телефона и микрофона могут служить круглые пластмассовые коробочки из-под туалетного крема диаметром около 65 мм и высотой около 22 мм.

В доньшке одной из коробочек прорезают прямоугольное отверстие несколько большего размера, чем сечение магнита, и просверливают три отверстия: два для шурупов, с помощью которых крепят телефон к рукоятке, и одно для концов от обмотки катушки.

Мембрану телефона вырезают из белой жести. Ее диаметр должен соответствовать диаметру коробочки и позволять закрыть ее крышкой, в центре которой просверливают отверстие диаметром 12 мм.

Рукоятку (рис. 4) микрофонной трубки склеивают из элементов, выпиленных из 3—5-миллиметровой фанеры в соответствии с размерами, указанными на рисунке. Средние элементы укладываются на плечо на один из боковых элементов таким образом, чтобы между ними образовался зазор в 3 мм, используемый как канал для прокладки проводов. В одном из средних элементов делают окно для магнитного пакета. Проложив провода от телефона и микрофона, склеивают слоями (5 слоев) элементы трубки в одно целое и тщательно зачищают поверхность рукоятки.

Привернув шурупами доннюю часть телефона к рукоятке, укрепив мембрану и крышку, намечают место сверления отверстия для стяжного винта, предварительно убедившись в том, что магнит имеет ровный зазор с мембраной в пределах 0,5—1 мм (чем меньше зазор и сильнее магнит, тем лучше слышимость). После этого сверлят и стягивают рукоятку через среднее отверстие пакета лезвий небольшим винтом с шайбой и гайкой.

Слышимость можно проверить, касаясь телефона проводами и контактами батарей. В исправном телефоне будут слышны сильные трески и щелчки.

В другой пластмассовой коробочке монтируют микрофон, просверлив в ее доньшке два отверстия для крепления шурупами к рукоятке и одно в боковой стенке для проводов.

В крышке коробочки, в центре, сверлят несколько мелких отверстий для звуковых волн.

Устройство микрофонного капсюля (рис. 5) несложно. Для его изготовления потребуются две угольные пластинки А (от гальванических элементов) размером 30×10×5 мм, в которых на расстоянии 10 мм друг от друга делаются по три углубления. В них свободно, без усилий должны помещаться три угольных стерженьки Б с заточенными на конус концами. Стерженьки без труда извлекают из старых батарей карманного фонаря. Детали А приклеивают к микрофонной мембране В, вырезанной из пергамина или шпона (фанерочки). С обеих сторон мембраны приклеивают прокладники (рис. 7) из ватмана или тонкого картона. Контакты Д изготавливают из тонкой жести или латуни и припаивают к ним концы провода, выведенные из бокового отверстия коробочки. Контакты с припаянными проводами надевают на угольные пластинки А.

Собранный капсюль вкладывают в коробочку и монтируют микрофон на рукоятке.

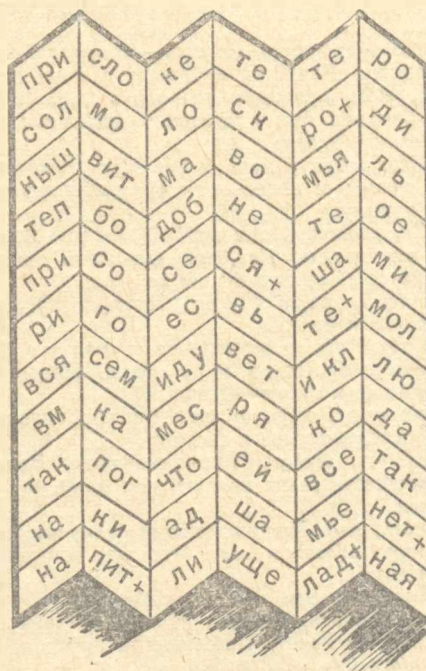
Собранная микрофонная трубка изображена на рисунке 6. Для двухсторонней связи потребуется изготовление двух трубок, для чего все детали следует заготовить в двойном количестве. Готовые трубки соединяют согласно схеме (рис. 7). Источником питания в этой схеме будут служить также батареи карманного фонаря.

В зависимости от расстояния и слышимости можно будет пользоваться подсоединением нескольких батарей.

В нашем телефоне нет только электровознка для вызова абонента, но его, при желании, вы сможете изготовить самостоятельно.

Г. ДРАГУНОВ

Подумай!

С помощью линейки разгадайте шесть пословиц о семье (крестики в клетках означают окончание пословицы).

В Западной Африке, в местечке Ашхенти, расположенном на краю большого леса, жил-был человек по имени Энанси. Его знали на много миль вокруг, хотя он не был ни знаменитым охотником, ни первым на селе работником. Нет! Он прославился другим — своей ленью и хитростью.

Он любил обманывать людей и жить за их счет. Но поскольку все его давно знали, то никто с ним не связывался, и ему приходилось придумывать все новые и новые хитрости и уловки.

Однажды Энанси встретил человека по имени Оусанса.

— Эй! — окликнул он его. — Послушай-ка, что я тебе скажу. Давай-ка забросим в море невод. Наловим рыбы, продадим ее — враз разбогатеем.

Но Оусанса был достаточно наслышан об Энанси, поэтому сказал:

— Нет, добра у меня и без того достаточно, хватит и попить и поесть, так что рыбачить тебе придется одному.

— Ха, рыбачить одному?! Тогда мне придется самому все делать. Нет, мне бы найти такого человека, который сделал бы все за меня.

Оусанса ушел, а спустя некоторое время Энанси повстречался Анени.

— Послушай, приятель! — остановил его Энанси. — Давай-ка забросим в море невод. Наловим рыбы, продадим ее и станем богаты, а?

Анени также хорошо знал Энанси, однако внимательно выслушал его и сказал:

— Что ж, это неплохо придумано. Двое всегда могут поймать рыбы больше, чем один. Я, пожалуй, согласен.

Новость, что Анени идет на рыбалку вместе с Энанси, быстро облетела всех. Оусанса, встретив Анени, сказал ему:

— Ходят слухи, что ты собираешься рыбачить вместе с Энанси. Смотри, как бы он тебя не обманул. Ведь он хочет, чтобы кто-то работал, а он денежки загребал.

— Не беспокойся, Оусанса, — возразил ему Анени, — я не глупее его.

На следующий день, рано утром, Анени и Энанси пошли в лес нарубить пальмовых ветвей, чтобы связать из них сети. Энанси всю дорогу думал, как бы обмануть Анени и заставить его сделать большую часть работы. Пришли они в лес, и вдруг Анени ему говорит:

— Энанси, друг мой, дай-ка мне нож, я пойду нарублю ветвей. Ведь мы с тобой напарники, не так ли? Значит, нам надо разделить работу поровну. Моя доля — рубить ветви, твоя — уставить за меня.

— Постой, постой, дай-ка мне подумать, — возразил Энанси. — Почему это я должен за кого-то уставить?

— А как же иначе, ведь когда что-нибудь долго делают, обязательно устают, — заметил Анени. — Если я рублю, то ты должен хотя бы уставить за меня.

— Э-э, нашел дурака, — сказал Энанси. — Отдай-ка назад нож. Лучше я сам пойду рубить ветви, а ты уставляй за меня.

И Энанси начал усердно обрубать ветви деревьев. Анени же уселся в тени и принялся тяжело охать и вздыхать. Энанси ударит ножом по ветке, Анени громко охнет. Энанси ударит — Анени охнет. Так продолжалось до тех пор, пока Энанси не нарубил достаточное количество ветвей и не увязал их в большую вязанку. После этого Анени, держась за спину и охая, поднялся с земли и сказал утомленным голосом:

— Ох, Энанси, друг, дай-ка я понесу вязанку, а ты уставляй за меня.

— Нет, друг мой Анени, — возразил ему Энанси, — я не так уж глуп. Я понесу вязанку сам, а ты по-прежнему уставляй за меня, — и он, взвалив вязанку за плечи, зашагал в деревню. Анени шел рядом и всю дорогу охал и стонал:

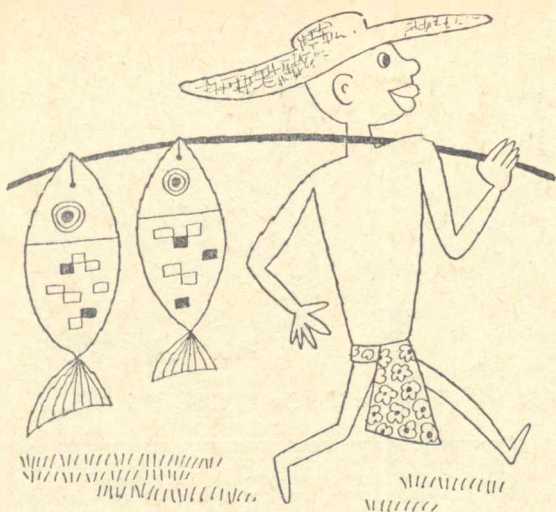
— Эй, эй, Энанси, полегче, не спеши! Ох, ох!

Когда они пришли в деревню, Анени сказал ему еле слышным голосом:

— Энанси, дружище, давай хоть на сей раз помоемся местами. Я буду вязать сети, а ты уставляй за меня.

— Нет, нет! — опять не согласился Энанси. — Раз уж ты взялся, так и продолжай свое дело.

Он принялся вязать сети, а Анени, охая и взды-

хая, улегся в тени и даже закрыл глаза — от усталости.

Энанси, пока вязал сети, не раз хитро поглядывал на пластом лежащего Анени, строил ему всякие рожи и даже раза два показал язык. «Анени тоже, наверное, считает себя умным, — говорил про себя Энанси, — а сам, дурак, просто умирает от усталости. Смотри, как охает и стонет».

Когда сети были связаны, Анени с трудом поднялся на ноги и сказал:

— Ох, Энанси, дай хоть теперь я понесу сети, а ты устай за меня.

— Э, нет, ты иди рядом и делай, что тебе положено.

Так они и отправились к морю: один нес сети, а другой охал от усталости. На берегу моря Анени сказал:

— Подожди, Энанси. Надо подумать. Тут плавают акулы. Давай-ка я пойду в море один и поставлю сети, а ты, если меня схватит акула, умрешь за меня.

— Вот чего захотел, — рассердился Энанси. — Нет, лучше я сам пойду и поставлю сети, а ты, если на меня нападет акула, умирай за меня.

И он схватил сети и потащил их в море.

На следующий день Энанси и Анени пошли осматривать сети и нашли в них четырех рыб. Анени тут и говорит:

— Энанси, здесь всего лишь четыре жалкие рыбешки. Возьми их себе. Завтра рыб наверняка будет больше, и уж те возьму я.

— Как бы не так! — с негодованием ответил ему Энанси. — Ты думаешь, я такой уж простофиля, что меня каждый легко может обвести вокруг пальца. Сам бери эту дрянь, а я возьму то, что мы поймаем завтра.

Анени, не долго думая, взял четыре рыбины, отнес их в город и продал.

На другой день они вытащили сети и нашли в них восемь рыб. Анени и говорит:

— Посмотри-ка, Энанси, тут только восемь рыбешек, и я рад, что сегодня твоя очередь, ведь завтра наверняка улов будет больше и его возьму я.

— Ну, нет! — опять не согласился Энанси. — Возьми-ка лучше ты этих рыб сам, а я возьму то, что будет завтра.

Анени взял еще восемь рыбин, отнес их в город и продал.

Так продолжалось несколько дней. Анени преспокойненько забирал себе рыбу, а Энанси дожидался еще большего улова.

Наконец, однажды, проверив сети и вытащив попавшуюся в них всего одну рыбину, они увидели, что сети прогнили насквозь.

— Ну, сегодня уж определенно твой черед, Энанси, — сказал Анени. — и я этому очень рад. Ты бери рыбу и продай ее в городе, а я возьму сеть и тоже продам. За нее, я полагаю, можно будет получить превосходную цену. Ну как, здорово я придумал?

— Хм, — пробормотал Энанси. — Подожди, зачем так спешить? Дай-ка лучше я возьму сеть и продам ее, а ты бери рыбу.

И они отправились в город. Анени быстро продал свою рыбу, а Энанси долго ходил взад-вперед по улицам, громко крича.

— Кому гнилую сеть?! Продаю прекрасную гнилую сеть!

Наконец, эти крики услышал городской голова. Он страшно рассердился и приказал привести Энанси к нему.

— Что это ты в моем городе делаешь? — спросил он его.

— Я продаю гнилую сеть, — невозмутимо отвечал Энанси. — Это прекрасная гнилая сеть.

— Ты что, с ума сошел? За кого ты нас считаешь? Твой напарник Анени принес и продал хорошую рыбу, а ты стараешься всучить людям всякий хлам, место которому на свалке? Ты, что же, издеваешься над нами? — И он приказал страже побить его палками и выкинуть из города.

Ох, и вопил же Энанси!

А когда наконец он очутился за воротами, Анени сказал ему:

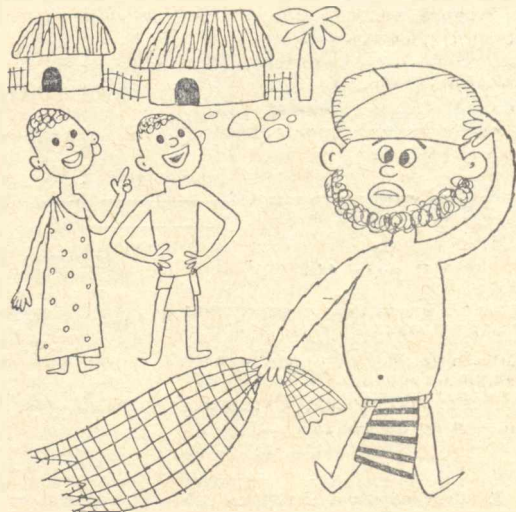
— Впредь это тебе будет наукой. Ты искал дураков, а сам оказался в дураках.

Энанси печально кивал ему головой.

— Да, да, твоя правда, — сказал он, почесывая бока и спину, а потом добавил:

— А ты тоже, хорош напарник. Не мог взять на себя боль, когда я получал тумаки!

Перевод с английского Н. КОЛПАКОВА

Рисунки Л. Филипповой

Игры

БЕРЕЗОНЬКА, ВЫРУЧАЙ!

Лучше всего затеять эту игру в смешанном лесу, где растут березы. Игра похожа на салочки. Один водит, стараясь догнать убегающих и запятнать кого-нибудь. Но убегающему достаточно коснуться березки и крикнуть: «Березонька, выручай!» — и его уже нельзя пятнать.

В этой игре есть еще одно правило: сдачи давать нельзя, если водящий тебя запятнал, лови другого, а этот пока отдохнет у березки.

БОТАНИЧЕСКИЕ КИМУРНИ

Для игры надо собрать 15—20 разных растений, цветов, веток или плодов деревьев. Всем участникам завязываются глаза, и они на ощупь должны определить, какое растение им дали. Каждый правильный ответ оценивается в одно очко. Кто набрал больше очков в самое короткое время, тот и выиграл.

Если участников много, то лучше вызывать каждого отдельно, а остальные будут в это время в роли зрителей.

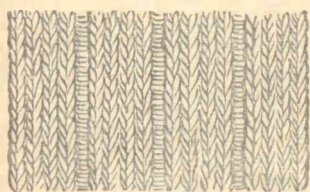
«СОВА» И ЛОВЦЫ

По жребью один из играющих становится «совой». Он выходит на середину лужайки или площадки и внимательно ее осматривает, стараясь запомнить, где расположены пни, где гальна, где песок. Еще лучше, если такую лужайку оградят цветными флажками — метками.

Остальные играющие — ловцы. Один выполняет роль посредника — судьи. Перед началом игры «сова» завязывают глаза. Другие игроки располагаются за пределами лужайки и ждут сигнала, который подается свистком, горном или голосом. По сигналу все начинают потихоньку подкрадываться к «сове», которая прислушивается к каждому шороху, стараясь определить, в какой стороне он раздался. Уловив подозрительный шум, «сова» громко кричит: «Стои!» Все должны остановиться. Водящий указывает направление шума и называет приметку (например: «У березового пня»). Если там действительно оказался кто-либо из ловцов, он обязан снова уйти на край лужайки, чтобы оттуда начать движение. Посредник подает сигнал. Игра продолжается. Если ловцу удастся неслышно подкрасться к «сове» и коснуться ее рукой, то либо по желанию он становится «совой», а «сова» идет в «ловцы», или играющие выбирают новую «сову».

С. ГЛАЗЕР

Вязание

Костюм

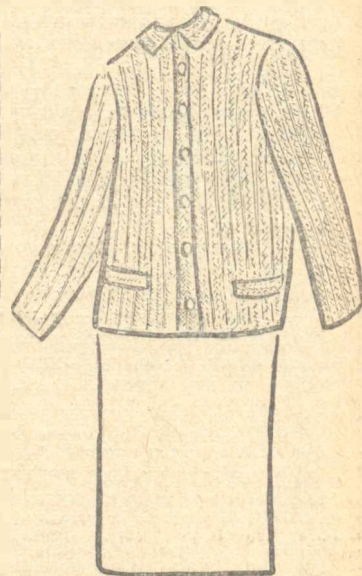
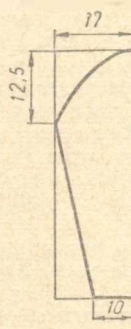
Размер 44

Жанет цвета беж с отложным воротником, вшитыми рукавами. Связан узором резинка 4x2. Карманы прорезные. Верхняя планка карманов, воротник и пуговицы коричневого цвета.

Материал: 1100 граммов шерсти цвета беж, 60 граммов — коричневой. 5 коричневых пуговиц, спицы № 2, 5.

Основная вязка резинка 4x2. Для образца набрать 26 петель и вязать:

1-й ряд — 4 петли лицевые, 2 петли изнаночные. Все после-

дующие ряды — вязать по рисунку, то есть лицевые петли вязать лицевыми, изнаночные — изнаночными.

Чулочная вязка:

1-й ряд вязать лицевыми петлями, 2-й ряд — изнаночными.

Резинка с вытянутой петлей. Для образца набрать 20 петель:

1-й ряд — 1 петля изнаночная, 1 петля лицевая.

2-й ряд — лицевые петли вязать лицевыми, изнаночные снимать (нить остается перед петлей). Далее рисунок повторить с 1-го ряда.

Описание вязания дано из расчета 3 петли в 1 сантиметре. По снятым меркам сделать чер-

теж выкройки в натуральную величину.

Спинка. По линии низа набрать на спицы 126 петель. Вязать резинкой 4х2 прямо, не убавляя и не прибавляя петель, до выреза проймы. По вырезу проймы закрыть 9 петель и снова вязать прямо до начала скоса плеча. Плечо закрыть по 3—4 петли в ряду. Горловину вывязать по выкройке.

Левая полка. На чертеже выкройки нанести линию разреза для карманов. По линии низа полки набрать 72 петли. Вязать 60 петель резинкой 4х2, а планку шириной 12 петель — резинкой с вытянутой петлей. Планку вязать одновременно с полкой. Вязать так же, как спинку. Довязав до линии разреза кармана, нитку от клубка временно оставить (но не обрывать), а вместо нее взять бумажную нитку, провязать этой ниткой лицевыми петлями петли, отсчитанные для кармана. Затем петли, провязанные бумажной ниткой, переодеть с правой спицы на левую и еще раз провязать их теперь уже рабочей ниткой от клубка. Далее продолжать вязать по выкройке.

Когда полка будет готова, коричневой шерстью вяжется планка кармана. Для этого нужно аккуратно выдернуть постороннюю нитку (бумажную) и петли верхнего края разреза временно переодеть на дополнительную спицу, а от петель нижнего края разреза связать клапан кармана резинкой с вытянутой петлей высотой 3 сантиметра.

Из петель верхнего края разреза, прибавив по 1 дополнительной петле с обеих сторон, вязать чулочной вязкой прямоугольник (внутреннюю часть кармана) длиной 6 см. Готовую внутреннюю часть кармана подшить с изнанки и полочке.

Правая полка. Вязать точно так же, как левую, одновременно вывязывая петли для пуговиц. Первую петлю застежки сделать на расстоянии 2 см от горловины, последнюю — 2,5 см от низа кофты. Остальные петли распределить через равные промежутки от 6 до 7 см. Петли для застежки делать из 2—3 петель по середине планки.

Воротник. По длине выреза горловины набрать 80 петель и связать полосу шириной 8—10 см коричневой шерстью резинкой с вытянутой петлей.

Рукав. По линии низа рукава набрать 60 петель и вязать строго по выкройке резинкой 4х2, прибавляя и убавляя петли по выкройке.

Все детали кофты отпарить через влажную ткань и шить.

Юбка. Вязать из шерсти цвета беж резинкой 4х2. По линии низа юбки 138 петель набрать на спицы и связать два прямых полотнища, петли верхнего края обоих полотнищ временно не закрывать, а оставить на спицах. Затем оба полотнища юбки отпарить и шить боковые швы, оставив слева разрез для «молнии».

Теперь петли верхнего края обоих полотнищ надеть на одну спицу и связать 3 см чулочной вязкой. Затем по лицу работы провязать 1 ряд изнаночными петлями и еще 3 см чулочной вязкой. Связанную полосу по верху юбки подшить и вдеть широкую резинку. Шить «молнию».

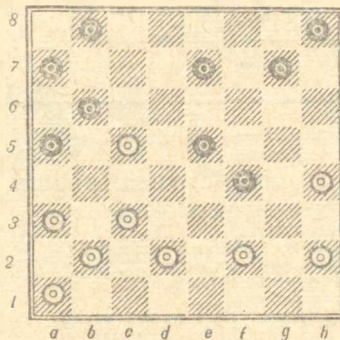
О. ЛУНЕВА

Раз, два — и в дамки

ЦЕНА «ШАШЕЧНОГО ВРЕМЕНИ»

Отдел ведет заслуженный тренер СССР Ю. БАРСКИЙ

В шашечной игре время измеряется ходами. И как в жизни ценятся минуты и часы, так в игре дорого «шашечное время» — ходы. Растрачивать их впустую нельзя. А особенно ценно «шашечное время» для комбинаций. Вот вы готовите какой-то удар, но ведь противник начеку, своими ходами он ставит палки в колеса. Не позволить бы ему мешать, заставить бы потратить время-ходы на что-нибудь другое! Возможно это? Бывает, и возможно.

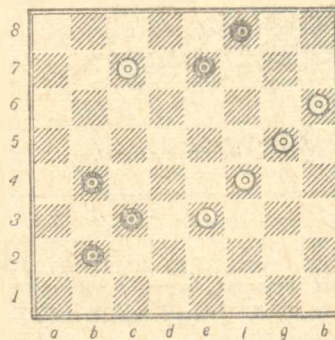
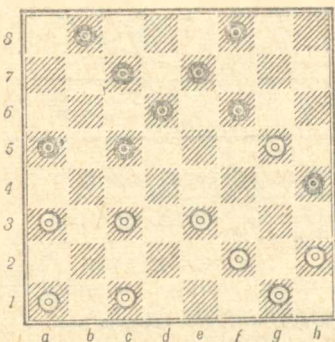
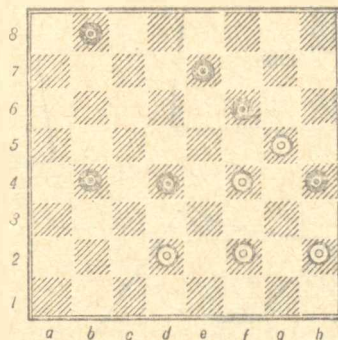

Белыми здесь играл А. Оводов. Черные только что напали на шашку c5. Только Оводов точно знает, на что противник потратит сейчас свое «шашечное время». И знает: начини он готовить удар, противник не сумеет помешать ему, так как нападением на шашку c5 обзавелся израсходовать ближайший отрезок времени на ее взятие.

1. a3—b4! Подготовка удара началась! 1...b6:d4. Черные приобретают шашку, на которую напали, однако теперь они бы дорого дали за разрешение возвратить эту шашку, но зато вернуть и «шашечное время», потерянное на взятие. 2. d2—e3! f4:d2 3. c3:e1 a5:c3 4. e1—d2! c3:q3 5. h2:h6X. Потеря всего лишь единицы «ша-

шечного времени» стоила черным партии.

Роздых. Такой шашечный термин означает время, расходуемое на вынужденное взятие. Для комбинации роздых — первый помощник: он позволяет без помех расставить свои шашки для удара.

В этих трех позициях белые выигрывают. Комбинации основаны на роздыхе. Решите их.

ПЛАТЬЯ ДЛЯ ДЕВУШЕК

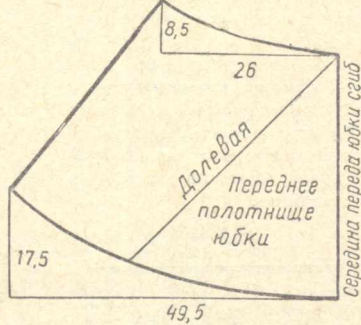
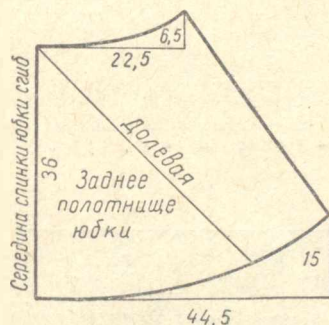
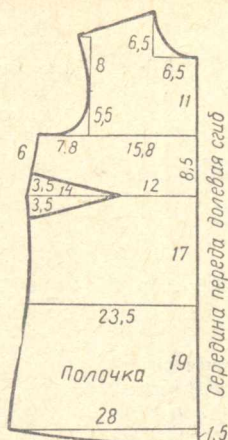
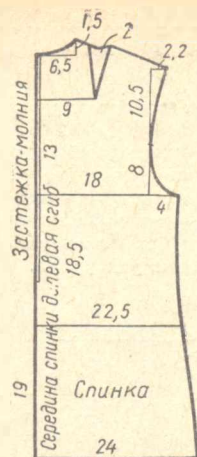
Модель 1 (автор А. Трофименко). Платье из набивного сатина или ситца. Лиф с удлиненной талией. Юбка подкраивается из двух воланов по косой нитке. Оборки по горловине и низу юбки могут быть как из основной, так и отделочной ткани.

По горловине оборочки пришиваются с обеих сторон и косой стойке. Оборочка шириной 2,5 см, стойка — 3,5 см. По низу оборки пришиваются также, как и по горловине.

К модели предлагается чертеж размер 46 без припусков на швы.

Модель 2 (автор М. Головенкова). Платье для подростка неотрезное по талии, книзу расширенное. Отделка по горловине и карманам — фестоны из белого поплина.

М. ГОЛОВЕНКОВА,
художник-модельер
Общесоюзного Дома моделей одежды

Содержание

Говорят делегаты съезда учителей 2

СЕМЬЯ И ДЕТИ

А. Ладур. Учить видеть, учить думать 4
К. Грейдина. Во сколько действий задача? 6
Л. Эйдельс. Через игрушку к большой науке 7
Н. Лазарева. Подросток и закон 10
Т. Саксонова. Почему плакал Саша? 12
К. Гуревич. Профессия и природные данные 14
А. Михайлов. Поездка за город 17
В. Рыбаков. Талант правды 19
Из педагогического наследия Консультационного пункта «Семья и школы» 22
А. Фролов. Дневник отца 24
М. Грешнов. Лабинские новеллы 26

Н. Завьялова. Не жалеть себя для людей 29

ШКОЛА И ОБЩЕСТВЕННОСТЬ

В. Куликов. Море мечтателей и творцов 30
Г. Юрьев. Бойцы с улицы Бойцовой 32
Н. Бугаенко. Вглядываясь в душу ребячьей 34
С. Газарян. Ищу живой уголок 36
С. Вертейм. Цирк «Улыбка» 37

ПОЧТА «СЕМЬИ И ШКОЛЫ»

Г. Могилевская. Сорок и одна 38
В. Казарина. Проступок 40
Ю. Волков. Где ты был, папа? 41
А. Шишкина. Растет дочка 42
А. Титова. Когда и маме не доверяют 42

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Г. Савченко. Дружеские беседы 44

С. Сивоконь. Правда, только правда, ничего кроме правды 46
Коротко о книгах 47
А что в других журналах? 48
Книжные новинки —

Картинная галерея 49
А. Дорохов. В стране каналов и мельниц 50
И. Кичина. «Вновь я посетил» 52

В ЧАСЫ СЕМЕЙНОГО ДОСУГА

А. Глебов. Конец Змея Горыныча 55
Б. Александров. Дары леса 58
Г. Драгунов. Телефон —
Для малышей 60

На первой странице обложки: Улыбка. Фото прислал читатель Р. Восконьян (г. Краснодар).

На четвертой странице обложки: иллюстрация к рубрике «Шейте сами».

Главный редактор А. Г. ОРЛОВ. Редакционная коллегия: Е. И. ВОЛКОВА, С. А. ГУРЕВИЧ, Б. В. ИГРИЦКИЙ, Н. П. КУЗИН, Р. А. КУРБАТОВА, Т. В. МАТВЕЕВА, Р. М. РОГОВА, П. К. ХОЛМОГОРЦЕВ, О. Э. ЧКАЛОВА, М. Ф. ШАБАЕВА, Л. А. ШНАЙДЕР.

Художественно-технический редактор Т. Н. Мухина

Рукописи и фотоснимки не возвращаются. При перепечатке ссылки на «Семью и школу» обязательны.

Адрес редакции: Москва, Г-117, Погодинская улица, 8

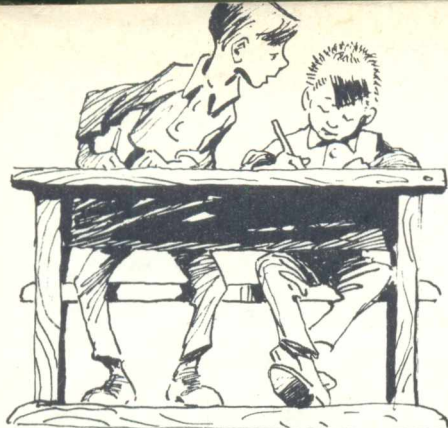
Телефоны редакции: 45-03-73, 45-12-14, 45-23-69

Издательство «Просвещение»

Подписано к печати 12/VI 1968 г. А-07043. Тираж 1347 900 (1—700 000) экз. Зак. № 1815. Бумага 84×108¹/₁₆. Печ. л. 7,14. Бум. л. 2,13. Уч.-изд. л. 11,35.

Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» имени А. М. Горького Главполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров СССР, г. Ленинград, Гатчинская ул., 26.

Обложка и вкладка отпечатаны в Ленинградской типографии № 3 имени Ивана Федорова, Звенигородская, 11.

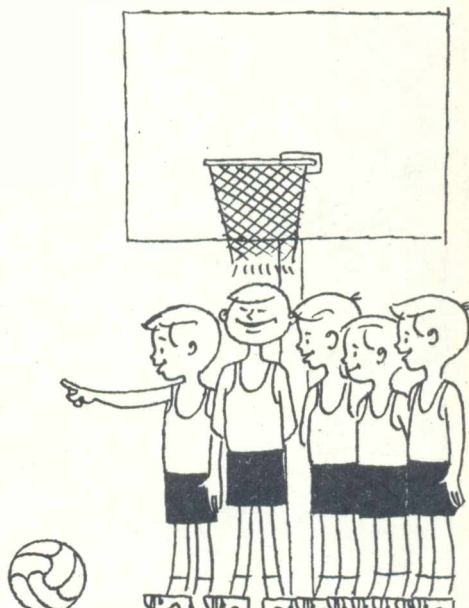
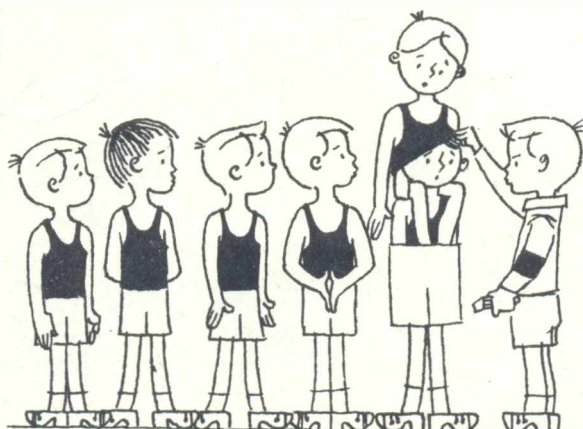
— Ну и плохой же у тебя почерк! Ничего списать не могу!

Г. Козлов

— Бедный ребенок, как он любит книги!..

А. Алешичев

Б. Чупрыгин

— Не пугайтесь. Это ребята делают опыты.

В. Дмитриев

— Велели прийти на родительское собрание, а номер школы не сообщили

